

*Сборник поэзии и прозы
студентов филологического факультета
к 145-летию
Одесского национального университета
имени И.И. Мечникова*

Одесса 2010

Содержание

Неизбежность творчества (Е.М. Черноиваненко)	3
«Поезія – це життя, а митець – це доля» (А.Б. Холодов)	4
Поэзия	7
Анна Алексеева	8
Роман Дука	14
Алина Качуренко	23
Леонид Кубицкий	26
Марина Мартюшева	33
Владимир Назарук	39
Сергей Остапенко	47
Евгения Савицкая	51
Екатерина Сердюченко	55
Дарья Царик	57
Марина Чиянова	60
Елена Шипилова	65
Александр Щедринский	69
Проза	79
Мария Залевская	80
Сергей Остапенко	83
Светлана Ткач	96
Леонид Францескевич	108
Марина Чиянова	120
Елена Шипилова	121

Неизбежность творчества

Вряд ли я обманываюсь, когда думаю о том, что большинство наших абитуриентов поступают на филфак вовсе не в надежде стать школьным учителем, агентом по рекламе, репортёром или корректором. Мне всегда казалось, что к моменту поступления почти все они уже познали то, что не раз называлось мучительной сладостью творчества. Каждый из них уже пережил великое открытие: «я тоже могу!». И не так уж важно, что именно: поэму или роман, эссе или хокку, сонет или сказку, – каждый из них однажды ощутил свою причастность к великому таинству сочинительства и великому братству творцов, ведь, как сказал Мартин Эмис, «кто-нибудь всегда смотрит из-за твоего плеча, как ты пишешь. Мать. Учитель. Шекспир. Бог». С этого момента человек становится другим: даже если потом не напишет ни строчки «заветного», он всю жизнь помнит о своей отмеченности, ощущает в себе возможность стать Автором, носит в себе вероятность в любой момент направить своё бытие по совсем иной колее.

И на филфак он идёт не для того, чтобы стать потом учителем, а для того, чтобы побыть сейчас учеником: там учат языку и литературе, а значит, там учат литературному мастерству, учат владеть словом. Там-то небесталанного дилетанта непременно превратят в Мастера.

И они приходят на филологический факультет университета (в Одессе или Москве, Варшаве или Стамбуле – не имеет ровно никакого значения), и ждёт их здесь, как правило, жестокое разочарование. Нет, не потому, что учителя негодящие – они-то, как раз, в большинстве своём и знающие, и умеющие научить, и доброжелательные. Да вот многие предметы совсем не те: вместо того, чтобы открывать тайны словесного мастерства, секреты «алхимии слова», по выражению Яна Парандовского, здесь заставляют учить правила склонения и спряжения. Точно, как на биофаке, где вместо разгадки великого таинства жизни студенту предлагают заучить всю зубодробительную систематику, которую составляли (да ещё и на латыни) не одну сотню лет. Кое-кто, разочаровавшись, уйдёт, но большинство останется, и те немногие, которые всё-таки посвятят себя потом литературному творчеству, через много лет поблагодарят университет и филологию за тот уровень культуры (в том числе и словесной), который они достигнут в стенах *alma mater*.

Ну, а что же остальные? Остальные бросят писательство, бросят раз и навсегда, решительно и бесповоротно. И виноват в этом тоже будет филфак, за что когда-нибудь потом они тоже скажут ему спасибо: в годы учёбы он заставил их читать настоящую литературу: Гомера и Еврипида, Аристофана и Вергилия, Данте и Шекспира, Пушкина и Шевченко, Довженко и Набокова... И чем больше они читали чужое и писали своё, тем яснее понимали: писать так, как писали великие, они не смогут, а писать хуже – нельзя, ведь это грех перед Словом, а значит – и перед Богом. И открывался им тогда смысл сказанного однажды Томасом Манном: «Писатель – это человек, которому писать труднее, чем остальным людям». И становились они тогда школьными учителями и рекламными агентами, репортёрами и корректорами, причём настоящими, ответственными, самоотверженными. Когда-то в юности прикоснулись они к словесному творчеству, приоткрылась им значимость Слова и высокая ответственность перед ним. И как бы потом ни складывалась жизнь, никогда уже их слово не становилось орудием зла, источником лжи и ненависти.

Вот почему меня не раздражают сочинения юных «классиков» с первого курса и «неоклассиков» – с третьего, какими бы традиционно юношескими они ни были. Хорошо, если рядом с юными талантами находятся искушённые служители поэтической музыки, могущие объяснить, «что такое «хорошо» и что такое «плохо». Долгие годы работой Литературной студии на нашем факультете руководил литературовед, прозаик, поэт, член НСП Украины Василий Григорьевич Полтавчук, в последние годы ею занимается доцент Татьяна Николаевна Шевченко. Опубликованы шесть выпусков литературно-художественного альманаха «Бульвар Французский» с творениями начинающих авторов. И вот теперь – сборник «Неизбежность творчества». Поздравим дебютантов с успешным началом, а всем вместе скажем: «В добрый час!» и «Да здравствует творчество!»

**Евгений Черноиваненко,
доктор филологических наук, профессор,
декан филологического факультета
Одесского национального университета
имени И. И. Мечникова**

«Поезія — це життя, а митець — це доля»

Обычно я обращаюсь к предисловию, когда книга уже прочитана: не хочу никаких указаний, инструкций по погружению в океаны текста. Это ведь так просто: подхватить чьи-то чужие мысли и впечатления и пуститься в плавание по страницам, вооружившись опытом и оценками других читателей. Но только как избежать тогда невольных предубеждений, как защитить себя от вездесущего общего мнения, от всезнания маститого критика, как насладиться непредсказуемостью новой встречи, интеллектуальным и художественным приключением, каким всегда остается для меня знакомство с настоящей книгой? Поэтому мне трудно представить себя в качестве автора предисловия. Кроме того, писать о книге юного художника огромная ответственность. Нечаянным словом ты можешь ранить талант, не разглядев, не расслышав его, или, оставаясь рабом законов приличия, поощрить посредственность, графомана, для которого лучше всего было бы никогда не брать в руки перо.

Когда мне приносят рукописи начинающие авторы, после первых приступов смущения почти всегда звучит один и тот же вопрос: «Стоит ли продолжать?» Вопрос, надо признаться, по отношению ко мне немилосердный. Вопрос, на который не может ответить никто, кроме самого художника. Авторы этого сборника такого вопроса не зададут. В наш век бесконечно умножающихся реальностей, в наше время, когда истинная литература оказывается скрытой за создаваемыми каждую минуту неисчислимыми антихудожественными текстами, наши ребята уверены в своем призвании: всем им уже удалось открыть прекрасное в себе и поделиться им с другими. Взгляните только на авторские предисловия – какая тонкость, какая глубина постижения природы творчества и искусства: «Поезія – це життя, а митець – це доля» (Владимир Назарук); «творчество, на мой взгляд, это не признание обществу. Это именно то, что волнует в первую очередь тебя» (Дарья Царик); «Поэтический сборник – это связь двух людей: автора и читателя. Связь, образуемая исключительно самими стихотворениями, без всякого околопоэтического инвентаря» (Александр Щедринский) – мысль, которую люблю повторять я сам; «Особисто для мене в моменти натхнення магія Слова перетворюється на мелодію» (Екатерина Сердюченко) – конечно же, сначала к нам приходит мелодия и только потом слова; «Стараюсь найти, создать что-то новое, интересное, необычное, недосказанное другими» (Евгения Савицкая) – и снова в точку: настоящий художник должен избегать языковых шаблонов, клише, которые преследуют нас повсюду. Ведь так легко придать зазвучавшему вдруг в нас чувству удобное, подсказываемое нашей языковой памятью словесное выражение. Но нет, нужно искать другие способы. И наши авторы их находят.

Мы знаем, сколь важно для многих литературных направлений было заявить о себе не только художественными произведениями, но и поэтически пламенными манифестами. Вероятно, не сговариваясь, наши авторы создали свой манифест.

Меньше всего мне бы хотелось писать рецензию на стихи и прозу наших ребят, разбирать их тексты, применяя, как говорил Иосиф Бродский, аналитический метод к явлению в высшей степени синтетическому. Поэтому просто давайте все вместе прислушаемся к музыке их строк, к мелодиям их, быть может, первых творений. К мелодиям очень разным.

Вот, например, Алина Качуренко:

Писать стихи – не
значит думать над рифмой,
а удивлённо
найти на листе собой
написанные строки.

«Поэт – отчасти скульптор, – говорит Алина. – Резец ваятеля лишь удаляет ненужное. Так и поэт: его задача – отбросить словесный сор... Вот поэтому мой излюбленный жанр – танка». И вот, как мне кажется, маленькое сокровище:

Глянуть на тебя,
провести по бумаге
карандашом – и
оставить там контур лица.
Ты улыбнешься... Счастье!

Увлекаясь одно время японской поэзией, я стремился взглянуть на мир глазами великого Басё, написать что-то подобное. Смею утверждать, что это стихотворение Алины – проникновение в самую суть неумолимо лапидарной и выразительной поэзии танка. Станут ли любимыми для Алины другие жанры? Возможно, но опыт написания пятистиший навсегда отточит ее стиль. Ведь в поэзии, как, впрочем, и в хорошей прозе, очень важно избегать слов, не несущих никакой смысловой нагрузки, «проходных» строчек. В поэзии хайку и танка их просто быть не может.

А вот удивительные по чистоте и мелодичности стихи Марины Мартюшевой. Они так и просятся, чтобы стать песней:

Ти почуєш моїми вустами
Ті слова, що у сліз відборола,
Ті слова, що торкаються брами,
Зачиняючи наше «ніколи»:

«Коли плачу, то знай, що про тебе,
Як живу, – не вагайся, – тобою.
А твій голос – вже майже потреба,
Твоїм поглядом сум заспокою.

І досвіття, і день, і смеркання
Я тобі, мій коханий, дарую...
Не засне із тобою до рання
Тихий вир. Це душа, що сумує».

А дальше такое искреннее признание в любви к своей земле, к нашей Украине, без пафоса, без официозной патетики, а простое благодарное «люблю», сказанное Родине негромко, почти шепотом.

Я залишаюся рікою,
Де океан твоїх плекань.
Я залишаюся з тобою!
Навік. Назавжди. Без вагань.

А ведь в классической украинской поэзии так было всегда: проникновенная любовная лирика сочеталась с лирикой патриотической. Эти же мотивы мы найдем и в стихах Анны Алексеевой.

Не абсурдистский мир, где вещи враждебны человеку, а мир магический, словно силовыми линиями, проникнутый неразрывными и невидимыми связями, открывается в добрых сказках Леонида Францескевича. Именно в сказках – не нужно стесняться этого слова, потому что, как сказал кто-то из великих, все, что мы сочиняем, – это сказки. Интуиция художника подарила Леониду древнюю, очевидную для архаического человека истину о том, что все связано в этом мире. Эту мысль сейчас любят повторять, очень часто не задумываясь над ее глубинной сущностью и не меняя собственного взгляда на вещи. А ведь если однажды, по-настоящему, ты почувствуешь связь всего сущего – людей, животных, неодушевленных предметов – жизнь твоя уже никогда не будет такой, как раньше: вокруг себя ты всегда будешь видеть тысячи союзников, готовых прийти на помощь и даже спасти от смерти («Друг»).

Мудрые академичные стихи Сергея Остапенко, где сочетается литературная эрудиция, верность традиции и талант наблюдателя, способного чувствовать, замечать и запечатлевать превращения, какие каждую минуту происходят в природе, рядом с нами, в старых домах и на пыльных, мечтающих о дожде улицах. Вот нечто истинно свое, не подслушанное у кого-то, а добытое из самых глубин собственного воображения:

«Возле моря»

Солнечный луч склонен к суициду.
Он ищет финала, смерти грубой
в порах пен. Из них скелет Киприды
восстал когда-то и оброс фигурой.

Кто сказал, что ветер дышит? Он
скорее кашляет. Пляж – квадратен.
Люди – дырочки. Так домофон-
ный выглядит аппаратик.

Я стою с апломбом фараона,
прислонившись к балюстраде.
Переизбыточность озона
угнетает, как и геи на эстраде.

Я стою ссутулившись. На фоне –
сочетанье баров, спускаемые суммы...
Я смотрю на дырки в домофоне
и пытаюсь думать.

Не припомню, чтобы кто-то так писал о хорошо нам знакомых повседневных вещах. Аристотель говорил, что для поэта важнее всего пользоваться словами переносными, ибо только это нельзя перенять у другого, это признак лишь собственного дарования. Сергею, несомненно, это удается.

Как не сказать об Александре Щедринском знаменитое надсоновское: «Как мало прожито – как много пережито!» Серебряный век так и сверкает в его рифмах и даже отдельные архаизмы не кажутся чем-то вычурным, а вполне органичны. Его стихотворения ритмически разнообразны, переполнены смелыми неожиданными метафорами, иногда загадочны и парадоксальны («Мост Мир-рабо»).

Мини-новеллы, новеллы-притчи из цикла «Истории о крыльях» Светланы Ткач выписаны по всем канонам жанра, исключительно эмоциональны, читать их бывает больно. У Светланы замечательный дар повествователя, редкий сегодня талант Шехерезады. Надеюсь, что автор будет и дальше его развивать.

Прислушаемся к звучанию миниатюры (или истинно тургеневского стихотворения в прозе) «Красота» Марины Чияновой: «Они шли по улице, рука в руке. Самое интересное, что они даже не подозревали, кого вдохновили. Скрипач и флейтист, талантливые уличные музыканты, посвятили им ноктюрн, который играли каждый летний вечер на шумном бульваре приморского города. Сливаясь с песнями сверчков, музыка стремилась донести своё послание до звёзд.

Тем временем на пляже скульптор вылепил их статую из песка, стремясь хоть ненадолго запечатлеть историю их любви.

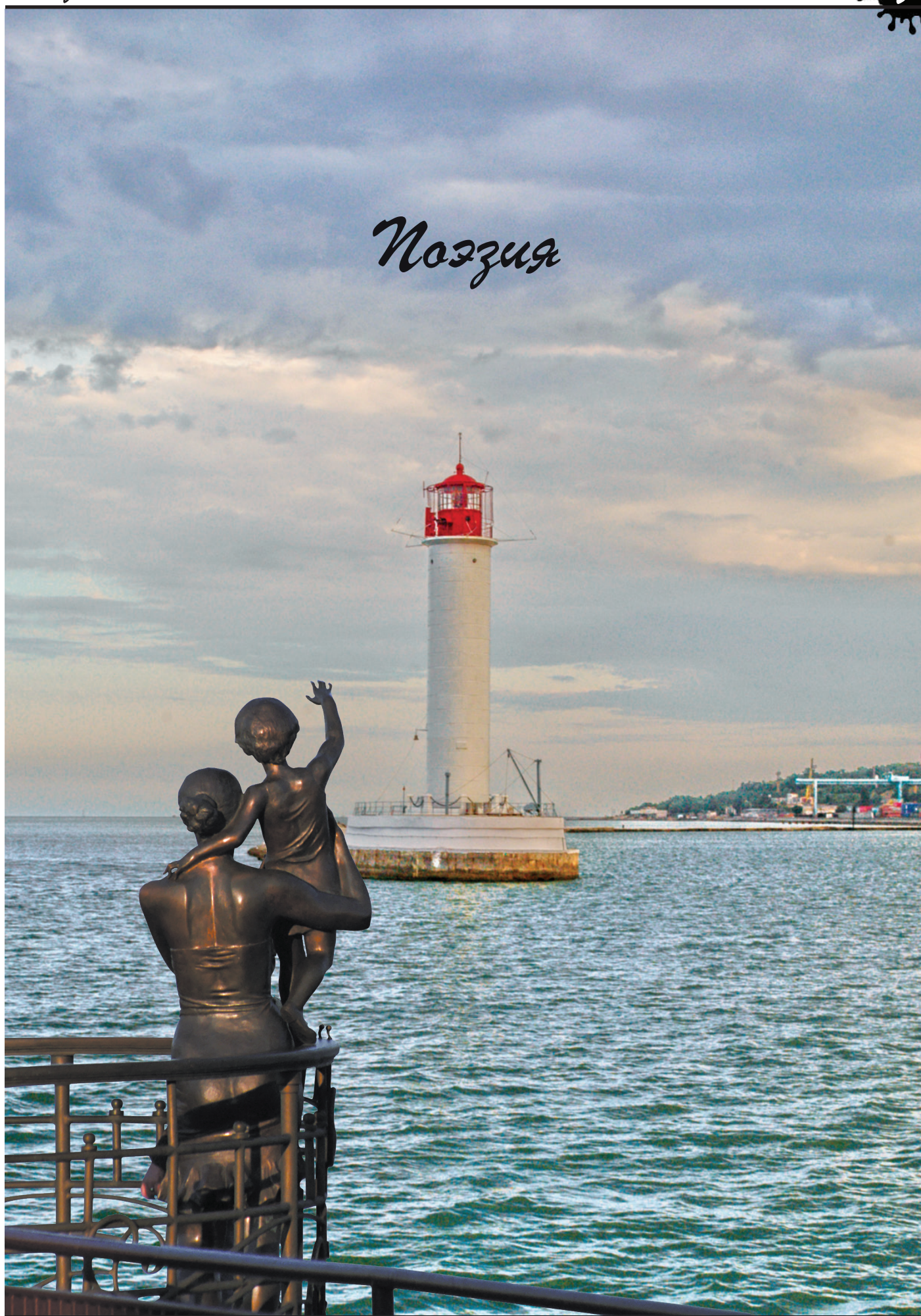
Даже море хотело выточить их фигуры из утёсов, не боясь, что на это могут потребоваться века».

У писателей бывает много дней рождения: день, когда они появляются на свет, тот надрывный пронзительный миг, когда вырывают из себя первую строчку, день, когда их творения выходят, наконец, в мир – ведь после каждой опубликованной книги, каждого напечатанного стихотворения начинается новый вираж нашего вечного поиска, нашей погони за словом, начинается новая жизнь. С днем рождения вас, ребята. И хочется сказать словами одного из авторов нашего альманаха Марии Залевской: Пишите, пишите навсегда, дорогие друзья. Оставайтесь верными себе, своему призванию. От всей души желаю вам вдохновения, упорства и новых впечатлений, которые со временем превратятся в чудесные строчки.

Алексей Холодов

Поэзия

Анна Алексеева,
український язык и література, II курс:

Я живу.
Недбало усміхнетеся?
Одначе я зовсім не жартую.
У ці нелегкі часи, коли так багато людей
давно вже не живуть,
а тільки існують, – я живу.
Я залюблена в усе прекрасне:
літературу, музику, живопис.
Краса життя цілковито панує
над моєю душею.
Я люблю Україну і творю в її ім'я.
Моє життя сповнене сенсу, тому що я
звикла ставити перед собою мету.
Отож, як казав П. Тичина,
«я стверджуюсь, я утверждаюсь,
бо я живу!»

Анна Алексеева

* * *

Рідній Овідіопольщині присвячую

Обернуся в легенду свого незбагненого краю,
Розіллюся холодними водами Дністра й Дунаю,
Полечу білокрилою чайкою за небосхил...
Пригадайте мене всі, хто знав, пам'ятав і любив.

Розгойдаю вітрами самотню вербу на лимані,
Усміхнеться Овідій мені у ранковім тумані.
Уклонюся доземно священній матері-землі, –
І розтану, як марево, в тихій вечірній імлі.

Упаду неспокійним дощем на золочене листя,
Одягну на калину рубінове довге намисто,
Обернуся в легенду незвіданих скіфських степів...
Не забудьте мене всі, хто знав, пам'ятав і любив...

Неприкаяна душа

Десь душа моя неприкаяна
Тихо бродить полями стиглими,
Розмовляє з нічними примарами,
Прагне тугу свою їм вилити.

Все говорить, чим серце мучиться,
І рида у скорботі жалібно,
А як ніжний світанок зрушиться, –
П'є росу, ненаситно і жадібно,

Босоніж іде по травиченьці,
Зігривається в сонця променях,
Щось шепоче достиглій вишеньці,
Марить знов небосхилом зоряним,

Щоби тихо сльозами вмитися,
Свою тугу розвіять у темряві.
Ось така вона – сумовитая,
Неприкаяная, стражденная...

* * *

Я – донька твоя, Україно,
Твої землі новий цвіт.
За тебе я радо загину,
Прославлю тебе на весь світ.

Страждання твої – моє горе,
Сльозами омите вві сні,
І серденько крається болем
В години нещастя смутні.

А щастя твоє – моя радість,
Що тугу розвіює вміть.
Ти в світі – єдина святість,
Заради якої варто жити.

Україно, матінко мила,
Клянуся служити тобі!
Це ти ж бо мене породила
На віру й надію собі.

Вродилась я з рідної пісні,
Зелених гаїв і лісів,
Із пахощів м'яти й любистку
І мови коханої слів.

В мені частка сили твоєї,
Що будь-який скидує гніт.
Я – донька твоя, моя нене,
Й прославлю тебе на весь світ!

Майская гроза

Перед дождём так тонко пахнут травы
И листья так тревожно шелестят.
Торжественно-спокойные дубравы,
И чайки быстро над землёй летят.

Разносит всюду быстрокрылый ветер
Вишнёвый цвет. Мелькают лепестки...
Прекрасный небосвод уже не светел,
И робко громыхает там, вдали.
Земля накрылась тучей грозовой,
Сверкнуло – и ударил гром с небес.
Спустился дождь. На клёне над рекою
Запел привычно песенку скворец.

Повсюду пахнет майскою грозою,
Шумит камыш и пенится река.
Умытое дождем-слезою,
Глядит на землю солнце свысока.

Рождественская ночь

Тихая Рождественская ночь,
Храм сияет дивными огнями,
Всюду под святыми небесами
Славная Рождественская ночь.

Славу Вседержителя-Творца
Небо беспредельное глаголет,
Вся земля ему с восторгом вторит,
Все открыты души и сердца.
Ангелы бесплотные поют,
Что Христос родился, возвещают,
Благодать и счастье наступают,
Всюду службы хвальные идут.

Мир окутан снежным покровом,
В праздничном природе одеянии,
И, под лучезарных звезд сияньем,
Все осенено Святым Крестом!

* * *

Українкою я народилася,
Українкою я і помру.
Хоч би що там мені не судилося, –
Я свідомість свою не зітру.

В серці вогник ніколи не згасне,
Він горітиме тут, для своїх.
Я – частинка народу прекрасного,
За який і умерти не гріх.
Моє слово державі служитиме,
А душа берегтиме народ.
Моя мова століттями житиме.
Вона – страдниця, я – патріот.

Хоч би що там мені не судилося, –
Я свідомість свою не зітру.
Українкою я народилася, –
Українкою я і помру!

Василеві Стусу

I

України великий Прометей,
Замучений, роздавлений орлами
Імперськими, всевладними катами,
Незламний дух твій досі між людей.

Нічого не забуде, не простить
Наш праведний народ. І рідна мова
Ще возвеличить твій вінець терновий
І кров жагучу, що на нім кипить.

Ярітимуть в серцях твої рядки,
Співатимуть їх діти України,
Немов славетні гімни Батьківщини.
Безсмертний, ти із нами навіки!

II

Вас було двоє: ти й Тарас Шевченко, –
Хто так нашу Україну любив,
Що задля неї, мучениці, неньки,
Життя своє коротке загубив,

Лишивши по собі перлини слова
На чорнім тлі небачених страждань:
Прекрасні, як молитва, колискові,
Скорботні трени, повні дорікань

Катам народу, і величні гімни,
Які яріють досі у серцях.
Жива, безсмертна, вічна і нетлінна
Душа талановитого митця.

Ви в смерті з рідним краєм поріднились,
Воскресли для народів і світів.

Катів забули. Пам'ять залишилась
Лише про вас, України синів...

III

Україно моя славетна,
Ти найбагатша з-між усіх.
Пишайся, бо синів твоїх
Вірніш немає на планеті.

Лише тебе любили так,
Що без вагань усе кидали,
Життя і душі віддавали,
Щоб славити тебе в віках.

Лише за тебе так молили
Святого Господа й кляли
Тих імператорських орлів,
Які тебе закабалили.

Пророки наші і поети
За тебе гнили в таборах,
Тобою жили в Соловках,
Величили на зло «советам»

Свою стражденну скорбну мати.
Шевченко, Стус і Чорновіл
Тобою жили до могил,
Їх дух ніхто не зміг зламати...

Україно моя славетна,
Ти найбагатша з-між усіх.
Пишайся, бо синів твоїх
Вірніш немає на планеті!

Лесі Українці

Ти мала в серці те, що не вмирає,
І вистраждала шлях свій до кінця,
І вічні слова твої торкають
Думки, тривожні душі і серця.

Твій біль і нерозділене кохання
Усюди: в співах пташок і квітках,
І промовляють тихо вони зрання
До нас в туманах білих і снігах.

Твоя жага життя, твої надії,
Любов до України, радість, гнів
Утілились в усіх земних стихіях:
Вони кружляють з вітром між степів,

Шумлять у водоспадах величезних,
Із грозами лютують на землі,

З весняним сонцем, між дубів старезних,
Хвилюють, приголомшують усіх.

Бо ти – жива, ти вічно будеш жити,
Ти вистраждала істинне безсмертя,
Померла – так, але не мертва,
Навіки залишилась в цьому світі.

Ти – наша героїня, наша гордість
І берегиня рідної землі.
Ти – частка України, її совість.
Твої слова, неначе журавлі,

Ніколи не покинуть нашу землю,
Хоча весь світ у мандрах облетять,
Але додому звідусіль повернуть
І Україні знов благословлять!

* * *

Я шла этим утром одна по осеннему лесу,
Под аркой ажурной золоченных листьев берез,
И вспомнились вишни, цветущие, словно невесты,
И вмиг застелила глаза пелена жгучих слёз...

Душа вспоминала холодные вёсны и зимы,
А разум печальный немую молитву творил.
Весною, когда-то давно, я кого-то любила,
Но кто-то, увы, никогда моих чувств не ценил...

А сердце страдало, отчаянно к счастью стремилось,
Пыталось пройти все преграды, отстроить мосты...
Жестокое утро весны те надежды разбило,
И ветер развеял по миру осколки мечты.

С тех пор я весну не люблю. Ледяным её взглядом
Мне вишни в цвету подавляют надежды тоской.
Я знаю, что лето способно доставить отраду,
Но только осенние дни мне приносят покой...

* * *

Не смотри мне в глаза.
В них скрываются мысли и чувства,
И слова, и недавние грусти,
А порою бушует гроза...
Я прошу: не смотри мне в глаза.

Ты рискуешь увидеть в них много:
Отражение счастья земного.
А бывает обратный эффект:
Как бы искренне ты ни старался,
Глубже в них заглянуть ни пытался, –
А в глазах ничегошеньки нет,

Пустота... Потому заклинаю
И настойчиво вновь умоляю,
Ради счастья и нашего блага,
Чтобы не было горя и страха,
Даже если блеснет в них слеза, –
Я прошу: не смотри мне в глаза...

* * *

Я люблю тебя. Всё очень просто.
Я таких не встречала людей:
И весёлых – и очень серьёзных...
Я духовной твоей красоте
Удивляюсь и искренне верю,
А порою тобою горжусь...
Я люблю тебя молча, за дверью.
Я готова делить с тобой грусть,
Я желаю дарить тебе радость
И подрукою верною стать,
Посвятить тебе юность и старость,
А придется – с тобой пострадать...
Ты не любишь меня? Ну и что же?
Ты ещё не успел уяснить:
Я люблю тебя так, как, быть может,
Не сумеет никто полюбить.

Осінній ноктюрн

Пломеніє маленька свічка,
Тіні падають від речей.
В цю холодну осінню нічку
Не зімкнути мені очей.

Не змовкають думки безжальні,
Мучать спогади, дух слабкий.
І пригадую, безталанна,
Недопитий трунок п'янкий –

Те солодке, мов хміль, кохання...
Як давно я цей хрест несучу!
Адресую йому благання,
Зустрічаю із ним весну,

А буває – клянучи жорстоко
Цю страсну нескінченну путь,
Цей несходжений шлях широкий, –
Та не в змозі з нього звернуть,

Все прямую... А ціль – далеко,
І до неї мука веде.
За віконцем шумлять смереки,
Вже світанок поволі йде,

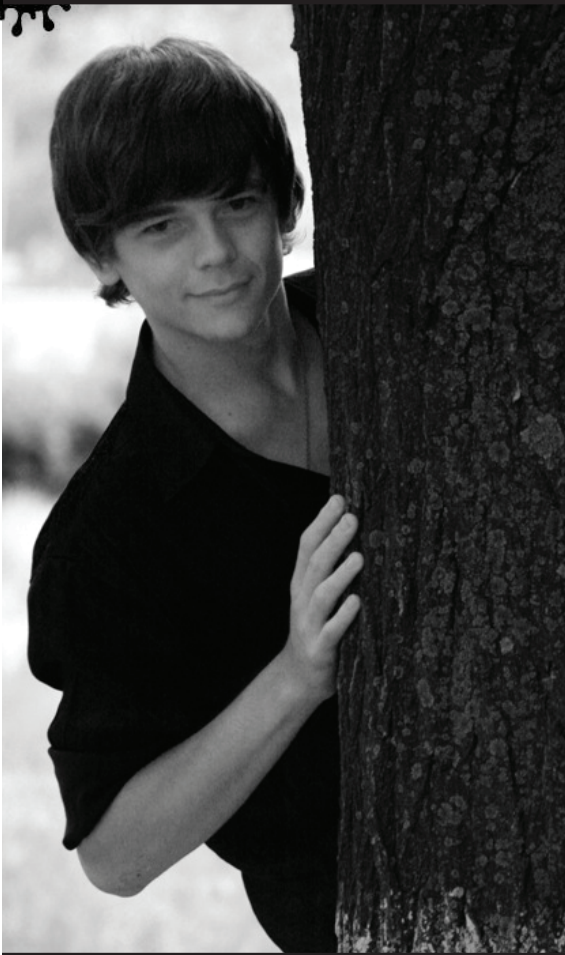
Свічка гасне. Усе забуте,
Лиш займає думки любов.
Я наступні ковтки отрути
Починаю робити знов...

До емігрантів

Дрібним дощем омийтий лід застиг на темних шпалах.
В вагоні жінка й чоловік, зажурені, блукали.
Вона іде, ледь не рида, нічого вже не видить,
А він на запити кида: «На заробітки їдем!»
Знайшли купе, і до вікна нещасная припала,
Останній раз на рідний світ крізь сльози споглядала.
Не знає вже, куди, чому іде й за кого плаче,
Лиш відчуває, що землі своєї не побачить...
А він, суворий і смішний в своїй журливій тузі,
Згадав, як дерево рубав у гамірному лузі.
Отак-от зараз і його під корінь щось рубає,
Як Батьківщину він свою навіки полишає...

Куди ж тікаєте усі? Питатиму вас доти,
Як не зізнаєтесь мені: чи ви не патріоти?!
Нехай вона горить вогнем, отая «заграніца»,
Щоб українець з нею став облудним, підлим, ницим!
Ну що чекає там тебе? Тарілка золотая?
Це добре там, де нас нема, а десь... Хто його знає!
Та ти на себе попрацюй, на власну країну, –
Так ні! Тікаєш за кордон, працюєш там невпинно...

Вагон зривається у даль, що димом завітчалась.
Здрігнувся чоловік в купе, і жінка заридала...

Роман Дука,
украинский язык и литература, выпускник:

Думаю, каждый человек прямо или косвенно связан с творчеством. И как по мне, творчество – это не только поэзия, музыка, скульптура, и подобного рода высокое искусство, а также нечто более широкое. Творчество – это каркас существования любого человека, ведь каждый сам выбирает для себя, что и как творить, вершить, воплощать в жизнь. Например, достойно воспитать ребёнка, построить дом, взрастить урожай и т.д. Всё это можно, так или иначе, считать своего рода творчеством.

Если же говорить о творчестве и моём отношении к нему, то стоит заметить, что оно является одной из самых весомых частиц моего бытия. Я уже достаточно давно пишу стихи, и в них весь я...

Ну, а если же Вы хотите познать творца – окунитесь в его творчество, и будьте уверены, что без улова не останетесь. И, что самое интересное, даже в чужом творчестве каждый находит что-то новое и индивидуально-субъективное.

В этом и вся прелесть Творчества.

Роман Дука

Чому всміхається душа, коли в очах моїх печаль?
Чому у дзеркалі життя не бачу свого відголосся?
Я протягну місток думок по інший берег, в сиву даль...
Туди, де хвилями надій весну малює сіра осінь...

Крізь вушко голої неправди просуну нитку своїх мрій.
В омані дивних почуттів мені мій шлях підкаже серце.
Перегорну сторінку літ, і в ґратах часу, слів і дій...
В романі втрачених життів мине війна, як прах на скельцях...

Я босоногий, та живий... По засекреченим стежкам
Літаю, знаючи, що світ – це лиш моя дурна уява.
Та я живу і я земний... Наївно вірю я словам,
Бо знаю, що й на мій політ колись прийде швидка розправа...

Ти – моя остання ціль.
Розірву зв'язки свідомо.
Серце, взяте на приціл,
Зводять болісно судоми.

Світ вбирає бруд очей
І вертає їх дощами.
Парасолями ночей
Я сховаю серця шрами.

Ти – моя остання ціль.
Важливіша в світі драма.
Довжиною в безліч миль,
Мрій життєвих панорама.

Я у пункті А чи Б,
В алфавіті знаків долі.
Пересік гірський хребет
У думок своїх неволі.

Ти – моя остання ціль...
Тільки щось не так виходить:
Відчуваю дивний штиль.
Я намацав інші сходи...

Приятную дрожь приносит мне дождь.
С головы до ног, как с места в карьер...
Неправда – не ложь, но, вроде, всерьёз.
По шею в сапог ступил браконьер...

Не левый – неправ, неправый – не Лев,
И строг Козерог, как Рак на Весах...
Не здоровый припев, душой не доспев,
В острог на порог, мой враг на часах...

По курсу – «Привет!»... мы с разных планет.
Повесь же грехи на Божьих заветах!
Я знаю, что нет... Я вижу, что бред...
...но есть же стихи, во снах и запретах...

Згряя без крил...

Лише зазирнувши в глибини душі,
Відчую той дикий і вогняний запах.
У тиші почую, як шепчуть кущі,
Як вітер тікає на курячих лапах...

Мине та печаль, і далекі вогні
Осяють мій шлях незабаром.
Та все ж у душі, щось на глибині
Палає незримим пожаром.

Відчую ту тугу, що серце стискає,
Зоря у золі моє серце розбудить.
У вирій піду, де збирається згряя
Таких, як і я: сумних і забутих...

Меня завтра, быть может, не будет,
А быть может, я буду не я...
Меня завтра там кто-то забудет,
Те, кто были сегодня «друзья»...

А быть может, не стоит и думать,
Жить растением, но без плодов.
На законы моральности плюнуть,
И быть высшим среди низших богов.

И зачем же я мозг свой терзаю?
Свои нервы мотаю на мысль...
Всё равно – никогда не познаю,
Куда мудрости речки слились...

Никогда не прочту манускриптов,
Что стоят под запретом веками.
Не сыграю на чувств Твоих скрипке,
Ибо сердце Твоё под замками.

Никогда, а быть может, когда-то
Я пройду по водице морской.
Стану жизни я этой солдатом,
Но запомню дорогу домой.

Потому что наш дом – это космос,
Звёзды вечные – наши друзья.
Наше сердце – единственный компас,
И у каждого есть своё «Я»...!

Мені здається, що я вітер,
Вчорашній день, як тінь гризу.
Ховаючись на схилку світу,
Народжую нову сльозу.

Тобі здається, що Ти – Всесвіт!
Та серед безлічі світів
Той світ не знайдеш піднебесний,
Якого так давно хотів.

Нас всіх веде одна дорога
Під назвою земне Життя...
Та безліч є стежок розлогих,
І кожен сам собі суддя...

*Уходя оставить свет –
Это больше, чем остаться.
А. Тальковский.*

Мы любим тех, кто рядом с нами,
Мы помним тех, кого уж нет.
Смешаем правду мы со снами,
И загорится в окнах Свет...

И так гореть он будет днями,
В тумане разноцветных лет.
Ночами... Утрами... Годами...
И не откроется секрет.

Секрет извечный и столь важный
Для каждого из нас земных.
Его раскрыв, уходит каждый.
И нет путей назад иных.

Мы можем только лишь раскрасить
Чужую жизнь в своих тонах.
Когда огонь свечи погаснет –
Тогда уйдёт и боль и страх...

Быть может, лучше и не думать:
Забиться в сладком лёгком сне.
Но всё равно раздумий сумма
Умножит пламя и вдвойне

Зажжёт костёр, и пламя света
Осветит лето наших дней.
И среди множества ответов
Мы будем двигаться быстрее...

...Но кто? Кому? и как расскажет?
Кто свет души прольёт во тьме
На то, что так всех будоражит:
Когда погаснет Свет в окне...?

Двадцать две зимы,
На балконах света.
Сурмами туманными
Нового завета.
Дальними печатями
В левых документах
Текстами печатными
В старых кинолентах.
Новыми героями
Супер и не супер,
Вскроем и не скроем мы
Тайны бывших утр...
Слоем липких взглядов.
И дождей туманных,
Притаюсь над гладью
Тихих океанов.
Буду поглощаться
Внутренним покоем.
Некогда прощаться:
Мне нужно иное...

Во мне есть дух. Но в душном мире
Играет только грустный джаз...
Я прячу в маленькой квартире
Души изогнутый каркас.

Во мне есть фальшь, но кто из нас
Не без греха? Скажи мне, Вечность!
Прикрою шалью третий глаз,
Чтоб слепо верить в Человечность.

Дойти до финишной прямой –
Зажечь свечу немого боя.
Я вновь спешу к тебе домой,
Чтоб ненадолго стать собою.

Открою крышку шатких нервов,
И на струне сырой печали
Мы будем схожи на консервы
Для тех, кто вечно голодали.

Отдам частицу сердца в руки
Тому, кто ищет свой приют.
Ну а когда придёт разлука,
Его на тряпки разорвут.

Мне рок заменит мирозданье,
Затмит волною степь души.
И все душевные признанья
Лишь наострят карандаши.

И ляжет мёд руки на плоскость.
И потечёт река из слов.
Порою липких, горьких, скользких...
Но очень дорогих оков.

В прохладе тепла – лишь душный мороз.
Без пульса тела, и веки без слёз.
Движеньем руки мы жизнь отбираем.
Движением тел её создаём.
Рожденье тоски в тиски зажимаем
решением дел. Мы прём напролом...

Мы громко молчим о мыслях своих.
В усладе пера рождается стих,
В круженье голов, мы фразы рисуем
и нос не суём, ну, может чуть-чуть...
Словеснее слов лишь стразы и пули.
На шару всё пьем, пусть даже и ртуть...

В сугробах надежд нас снег обожжёт,
а море иллюзий нам голову вскружит.
Пусть тяжек наш крест, но каждый несёт,
покуда есть силы, ставая на лужи...

* * *

Я втомився і хочу спати,
Сон мене потроху вбиває.
Запирає у часу грати,
Ось я є... і мене немає...

Я вклонився тобі у ноги,
Смерті вічність доріг моїх.
Маю в серці свого я Бога,
Хоч і скаже хтось, що я псих.

Ти з собою не маєш нічого,
За Тобою мільйони втрат.
Хтось зламає об віру ноги,
А комусь ворог буде брат
Все дратує і все турбує,
Мабуть, серце працює за двох,
Псевдорадує... Псевдоримує,
Вабить... й дверці кує на замок

Уві сні все побачу ясно,
І нахлине реальність літ.
Захлинуся я передчасно,
Не побачивши новий світ...

Люди

Меня на четыре делят.
И множат, и вторят, и лгут.
Меняют в квартирах двери,
На венах ослабив жгут...

И вновь умножают беды,
Придумывая проблемы.
Их дружеские беседы
Похлеще любой дилеммы.

Вас буду я, люди, слушать.
Пусть будет всё так, как есть.
И с блюд Ваших блюда кушать,
В мозгу, подавляя мечь...

С меня скоро снимут ксерокс,
Сканируя книгу души.
И в микросхемах серых
Не будет ни фальши, ни лжи...

...Там ничего не будет.
А только лишь то, что есть...

Люди!!! Ведь, вы же ЛЮДИ!!!?
Где же тогда ваша Честь..?!

Перезвон...
Перестук...
Я – твой трон,
Ты – мой друг.

Доверять
И прощать...
Окрылять
И в кровать...

За гроши
Продаём.
Без души,
Но вдвоём.

Светлый путь
Не далёк.
Там, где суть –
Там порок.

Ты прости,
Я не прав!
Без пяти...
Мне пора!

Смех и смерть,
Нога в ногу.
Грех не спеть
На дорогу.

Выхожу...
Дверь закрою.
Прошепчу:
Бог с тобою!!!

Кинотеатр моей жизни

Мне жизнь и смерть сказали смело,
Что будет всё не так уж просто.
Увидел я в конце туннеля
Кусочек света, будто простынь
в кинотеатре моей жизни,
На полотно немой надежды.
Прожектор светит и капризно
Меняет кадры... Всё как прежде...

Но мир не тот, не тот уж я...
Нас нет лишь там, где нас не надо.
Не мил мне род, что из ружья
Сшибает головы в награду.
Не буду сильно уповать,
И при себе оставлю веру.
Покуда мирно мысли спят,
Я жгу мечту свою, как серу...

* * *

Кришталь багряного мовчання
Мене збиває з пантелику.
Чи Ти очікуєш зізнання,
Що кане у безодню крику?

Чи я побачу твої руки
В руках років за кілька кроків?
Почую серця твого звуки,
Що ти вронила ненароком?

Будь поруч, в полі мого зору,
Щоб міг я з гордістю сказати.
Або знайти в очах узор,
Що повстають, як мідні ґрати.

Навшпиньки мовлю сам до себе...
Питаю долю на колінах:
Чи цвіт, полинувши до неба,
Без сонця свого не загине?

А може, і зав'яне з часом
Чи серед моря зацвіте.
І поряд з місячним Пегасом
Я буду мріяти про те,

Що твої руки наче манна,
Мене в обіймах полонять.
Твій аромат туманний зрання
Все важче зможу пригадать.

І згодом, може, і забуду.
Як епітафію ночей.

Та все одно Любити буду
Я блиск твоїх земних очей...
«Для чого?»

По той бік реальності інша реальність,
по той світ духовності
Мрії про краще...

Я сиджу до банальності п'яний Тобою.
Загубити б ключі від таланту
і глухо волати про те,
що не варто...

Та чи є той гарант, що неначе гранатами
за вечірніми ґратами
серце зриває
Дзвінками...
Думками...
Вінками...
Віками...
У камінь.
Амін!

Ні! Не хочу у відповідь дальності.
Відповідальності
крайностей...

Серед мін невдоволених
створених
Богом.
Виникає одвічне питання:
«Для чого...?»

Искры

Искры... так быстро... гаснут...
Не долетев до пола.
В небе пурпурно-красном
Птиц окружает Воля.

Но люди, увы, не птицы.
Люди смешны и странны:
Сковывают их границы,
Горы и океаны...

Есть небольшие попытки
Преодолеть законы.
Но это подобно пыткам
И мало кому знакомо.

В жизни земной всё ясно:
Искры мы... просто искры!
Соприкоснувшись с прекрасным,
Тут же сгораем быстро...

Быть может, пора расставить
Всё по незримым полкам?
Не собирать громкий саммит,
Чтоб порычать, как волки.

Нужно нам что-то другое:
Средь мифов и заблуждений
«Ноев ковчег» построить
Руинами «Колизеев».

Не силой ломать преграды,
А просто их переступить.
Дорогу к глубинам Ада
Объездом на Рай пустить...

Лишь только тогда поймут все,
Что нам не дано было знать.
Ведь «искры» однажды взорвутся,
Чтоб истинный мир освещать...

Алина Качуренко,
украинский язык и литература, III курс:

Я думаю, что поэт –
отчасти скульптор.
Резец ваятеля лишь удаляет ненужное.
Так и поэт: его задача –
отбросить словесный сор.
Я вовсе не хочу сказать, что у меня
это выходит (даже если и выходит, то
Вам, дорогой читатель, виднее).
Но я хочу сказать, что стремлюсь
к этому.
Вот поэтому мой излюбленный
жанр – танка.
На этом я завершаю предисловие,
ибо всё, что я скажу дальше,
будет попросту ненужным.

Алина Качуренко

Танка

1) Смиритесь, что я
такая, какая есть.
Я не стараюсь
казаться лучше затем,
чтобы меня любили.

2) Жить без любви – спать
с открытыми глазами.
Закрой их, прошу!
И усни вместе со мной.
Знаю, ты любишь меня.

3) Нельзя любить за
популярность и деньги,
за славу и власть.
Надо любить просто так,
ведь этот человек есть.

4) Иногда хочу
 побыть в одиночестве.
 Но невозможно
 провести там всё время,
 Мы – среди социума.

5) Писать стихи – не
 значит думать над рифмой,
 а удивлённо
 найти на листе собой
 написанные строки.

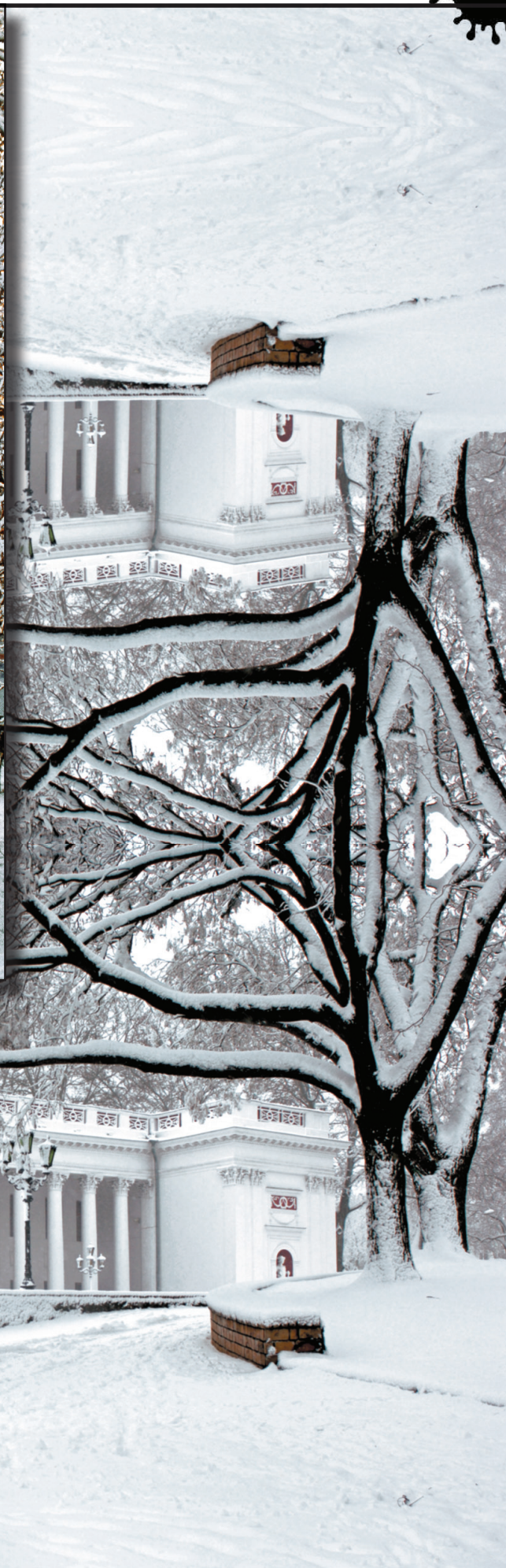
6) Ты, разобраться
 пытаясь в человеке,
 помни, что ведь он
 иногда хочет тоже
 побыть никем. Не суди.

7) Книга – мой спутник
 жизни, без которого
 я – это не я.
 Там есть ответы почти
 на все мои вопросы.

8) Разве компьютер
 может заменить книги,
 а кино – театр?
 Может. Но со мной точно
 этого не случится.

9) Не люблю розы,
 они официальные.
 А мой любимый
 цветок – подсолнух, он как
 яркое солнце светит.

10) Глянуть на тебя,
 провести по бумаге
 карандашом – и
 оставить там контур лица.
 Ты улыбнёшься... Счастье!

Леонид Кубицкий,
русский язык и литература, II курс:

Пишу стихотворения.
Они выражают мой мир, мою суть,
мои чувства и мнения.
Мне нет смысла говорить прямо
в глаза – не поймут.
Через слово я открываю вам дорогу
в свои миры, они бесконечны,
тут фантазия не знает границ,
а смерть – только начало.
Не важно, что ты читаешь:
либо это моё стихотворение,
либо это роман про монстра
из Шестого интерната,
который мстит за прошлое,
– не важно, что ты читаешь, друг.
Главное, что ты становишься другим,
таким как я.

Леонид Кубицкий

Ещё одна мысль о любви

Пройдя по небу и земле,
Я много понял.

Я понял то,
Что незачем любить кого-то без оглядки.

Любовь есть боль,
Но не кляню её я.

Любовь не без ответа
Есть любовь живая.
Её ищи, мой ученик,
Ищи её среди правды чувств.
Среди камней и серы её ищи,
Не ошибёшься...

Мечта

Вот чернеет небо наше,
Вот пришли на небо звёзды – суть Вселенной вечной,
Бесконечной, как ожидание моей мечты...

Остывает мой последний шанс,
Мой последний шанс в уме глубоком,
Мой последний шанс на горящую любовь – билет в миры улыбки счастья.

Я певец!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!
Я певец безумия своих миров!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!
Я бегу во снах своих!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!
Я бегу во снах своих к несуществующей любви!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

О чём мечтает тот безумец,
Написавший все кровавые стихи???
О чём мечтает тот,
Кто стал у Бога на пути???

Чего он хочет???
Чего хочу я???
Чего хотят подобия мои???
Чего хотим мы все???

Моя мечта нереальна,
И птица Мира унесет её.

Моя мечта,
Она откроет тайну нужд мирских.

Моя мечта,
Лети в фантазии миры,
Найдёшь ты там ответы на вопросы падших голубей...

Пусть поёт фортепиано,
Пусть горят библейские слова,
Они в моих глазах – обман живого бога.

Если есть мечта,
Мы верим в путь пустынный.
Я плачу этими ночами,
Но иду вперед к тоннелям светлых дней.

Я иду,
К мечте иду.
Не остановить меня,
Не обмануть меня безумию ночному.

Я в стенах белых заточён, а помыслы живут дорогой бесконечной...

Жизнь на планете Луна

Новый свет блеснул в моём окне.
Он новый, странный, добрый – он зовёт ко мне улыбку.
Я слышу песню о любви,
Мне её поет моя Алина – мой ангел света и огня и звёзд моих.
Я решил, что злым не буду.
Сегодня я иду гулять по звёздам, по луне.

Мне не больно,
Я не сожалею о потерях.
Их вычеркнула жизнь в её глазах,
Их смёл родник своей любовью.

Реки света – реки времени,
Сказка любит вас.

Пламя Зла – выйди вон из сердца,
Я решил оставить месть в мусорном ведре соседей.

Реки времени, вы меня спасёте,
Унесёте вы меня от грязи этой, с этой грязи на луну.

Музыка Земли – ты есть любовь,
Мы вместе все станцуем Майкла, и пройдёт печаль.
Я не знаю, кто ты, – и знать мне не особо надо,
Я забыл те чувства – меня купают небеса в своих качелях.

Отчего ж я плачу?

Не отвечу вам.
Я просто счастлив, и мне не больно больше,
Я на луне – теперь мечта существенна моя.

Лунная походка – мы бежим по нитям сказки,
Лунная судьба – ноты песни о любви – бессмертны вы.
Лунная печаль – в океане всей вселенной мы плывём,
Лунная судьба – и ты звезда на небе, ты суть небес любимых.

Естество – я скинул маски и очки,
Мне надоело быть чужим – я сам себе король.
Я не одиночка – я танцую Майкла, и со мной мои друзья,
Я не кретин в очках – я естество – Алина, ты моя свобода.

Мой мир – это мир луны прекрасной, голубой,
Мир мой – это звонкая гитара гитаристов – мы разрываем грусть в куски.
Мир Луны – это не земля – здесь любовь и реки улыбнутся нам,
Мир Луны – мы танцуем Майкла, и дискотека Звёзд не ведает конца.

Дождь сегодня

Сегодня дождь.
Блестит стекло холодной ностальгией.
Я думаю о той,
Которая любить умеет.
Я думаю о той,
Которая живет на небе,
Которая в моих мечтах парит, как птица.

Сегодня дождь в моих глазах,
Сегодня волны на морях – бушуют океаны.
Я кораблик одинокий – тихий, пьяный,
Несусь куда-то вдаль, куда-то в горизонты.

Я не устал любить –
Я не могу найти свой маячок.
Мне бы отдохнуть,
Но жизнь бьётся вся в пути.
Остановлюсь – погибну,
Утону я в пропасть к погибшим кораблям,
Забудет про меня моя мечта, забудет солнце...

Сегодня дождь: и за окном, и за глазами,
Сегодня болен скукой я, читая книгу Моря.
Остывает чай, часы рожают вечер Грёз.
Я так устал шататься по волнам,
Мне нужно отдохнуть на солнце – вот моя мечта,
Неосуществимая, простая...

Прости

Я не могу с тобой остаться,
Ты меня прости.
Мне пора в мой дальний путь,
Возможно, больше никогда ты не узришь меня.

Моя родина – Земля,
Я тебя люблю – но мне чужа твоя планета.
Я не забуду ласк твоих,
Я не предам забвенью прикосновения твоей любви.

Я дорожу тобой,
Если хочешь, лети к Земле со мной.
Я не могу покинуть мать свою,
Я не могу оставить при смерти отца,
Я не хочу, чтобы меня карало небо.

Ты будешь жить,
Тебя полюбит принц другой.
Я должен улететь,
Не плачь, прости и отпусти,
Я не смогу тебе помочь.

Я буду помнить твои песни,
Я буду жить душой с тобой.
Ты покрываешь руки мне слезами,
Ты умоляешь на коленях,
Пойми, твоё рыдание не остановит путь судьбы.

Есть долг,
Порою нужен классицизм.
Есть долг,
Он требует любви,
Я не могу топить в чернилах честь свою.

Ты плачешь,
Просишь прошлое вернуть, те дни.
Время беспощадно,
Гонит ветром время вверх оно.

Но всё-таки прости,
Я не могу тебя любить, принцесса.
Мой корабль улетает в путь обратный,
Мне пора домой...

Секрет

Солнце нежно заглянуло в коридоры этой школы,
Пустые классы и спящие стулья – я помню это место – иногда мне было хорошо.

Я иду по дороге мира пустоты,
Я иду сквозь время дней,
Сквозь время дней иду назад – иду к источнику любви.

Пустота,
Какой секрет таишь?
Откройся мне, откройся мне, откройся мне, прошу тебя!!!

Мой мир.
Он заточён в глубинах этой школы,
Он заточён в глубинах прошлых лет, покрытых пылью с кровью,
Он блестит красиво и манит нас, в этот старый новый год.

Я сижу на старой пыльной парте,
Я вспоминаю первую любовь – первую несчастную любовь,
От которой умер я в слезах, от которой прыгнул я в смертельные низы.

Мне больно,
Мне очень больно,
И слёзы вечно будут падать вниз.
Мне больно,
Мне очень больно,
Обманули вы меня – ангелы ночных небес.
Вы обещали мне любовь,
Вы обещали мне улыбку.
Но я остался призраком бегущих дней,
Но я остался призраком бегущей ностальгии,
И остановкам нашего наивного пути не узнать конца.

Бегут в беспечность облака,
Плещут нежностью моря – их берег очень чист.
Природа кроет в себе тайны,
Природа кроет в себе тайны – ну а камни бережно молчат.
Мне тяжело терпеть поэта бремя,
Но это так прекрасно – творить миры словами неба.

Миры,
Мои миры, – вы бесконечны,
Вы Вселенная моей любви, вы – мои дороги – неисповедимый путь любви...

Солнце

Я бегу ветрам навстречу,
Я бегу навстречу солнцу.
В сердце радость – ей нет конца,
Любовь ждёт – я люблю тебя.

Песок – он теплый,
Море бурно плещет
И нам смеётся искрами небес.
Сегодня ты моя,
Сегодня праздник солнца и огня.
Так пусть горят костры,
Так пусть поют ветра
Твоей святой любви.

Солнце – ты не гаснешь,
Я всегда к тебе стремился.
Солнце – ты любви источник,
Скрепи сильнее ты нас.

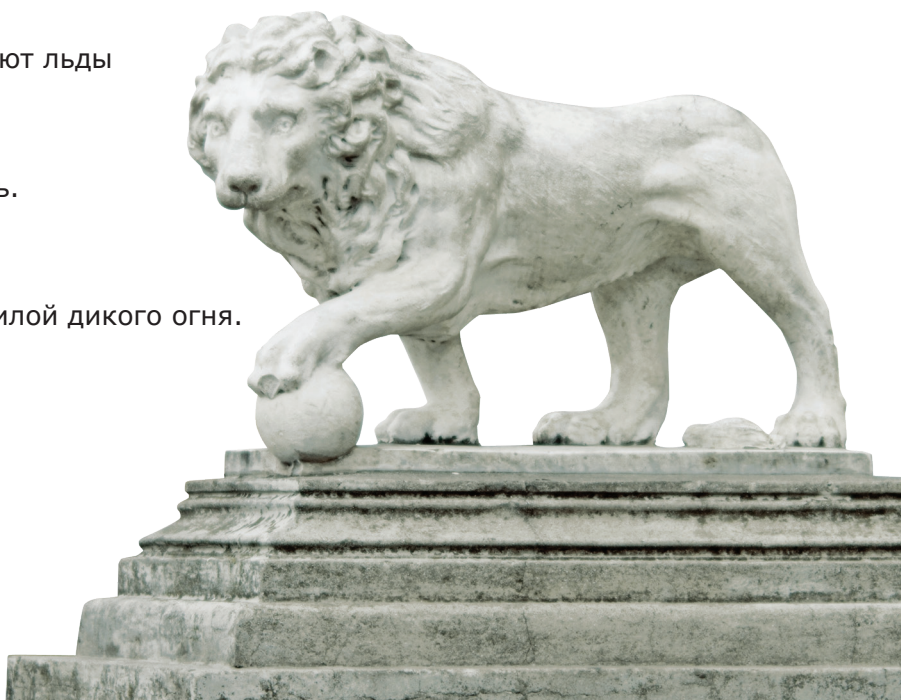
Течёт река,
Ты целуешь мне глаза.
Я так устал от зла,
Ты меня спасаешь истинной любовью.

Я ребёнок,
А ты жива – ты есть огонь.
Мы в озере,
Мы в сочетании,
Нас скрепило солнце – эпилог любви.

Что есть вечность
Той скалы немой – она мертва?
Что есть жизнь
Без поцелуев нежных?
Ответов нет,
Есть только страсть – она в крови, она в огне, она живая.

Люби меня, моё ты солнце,
Люби меня всего – пускай растают льды
В твоих узорах сладких.

Люби меня, моё ты солнце,
Дикой молнией течёт вся страсть.
Люби меня, моё ты солнце...
Не остановить движение танца.
Люби меня, моё ты солнце,
Я растворюсь в тебе – и стану силой дикого огня.

Марина Мартюшева,
журналістика, II курс:

20 березня 1991 року сталася така несподіванка, як поява мене в цьому світі. Хотіла я того чи ні, але довелося жити, робити перші кроки й казати перші слова. Поряд із цим – з найперших років – до голови почали лізти іноді не зрозумілі й для мене самої звуки-слова-рядки. Зрештою, десь у п'ять років я вперше записала свій «шедевр»: на маленькому клаптику паперу, олівцем, до відчаю кособокими літерами... Так усе починалося. Власне, так почалася я.

Далі була школа та ще багато-багато рядків. Не знаю, наскільки поганих чи добрих, але записаних з тією ж дитячою щирістю нерівним почерком, продекларованих комусь так, наче це моя найбільша таємниця, розказаних уперше зі сцени під тремтіння в колінах і (о, диво!), як виявилось, гідних чийось оплесків.

Забравши зі школи купу емоцій з грифом «уперше» та ще – як бонус – золоту медаль, без роздумів і коливань я пішла подавати документи до ОНУ імені І.І.Мечникова на спеціальність «журналістика». Із рядка з моїм прізвищем у списку тих, хто поступив, почалося нове життя. У ньому я так само багато й навіть більше пишу, занотуюю ілюзію та реальність, із захопленням оголошую власну душу. А ще... почуваюся хронічно щасливою людиною. Отже, живу, бо пишу. Пишу, бо живу. А не писати давно вже не можу.

Марина Мартюшева

Каравани

У пустелі пройшли каравани,
І здіймався за обрієм дим...
Ми отримали болісні рани
З необачним коханням своїм.

Ті гарячі піски у долонях
І палючого сонця нектар...
Перші сльози, гіркі та солоні, –
Перші свідки солодких примар.

Слів пожежа – п'янкіша від хмелю,
Кожен серця тривожний удар...
Ми зустрілись, неначе пустелі...
Нам єдиний приречений жар...

Заспокоїти треба цю втому:
З караванами не повернусь...
А я вірю тобі як нікому
І, неначе на світло, молюсь.

Развенчан

Разуверен, растлён, развенчан...
Гладить пальцами силуэт
И дышать бы... да только нечем.
Рассекать на осколки свет.

Не грусти... я того не стою:
Слишком много во мне любви.
Я бы стала тебе судьбою,
Разлилась бы в твоей крови.

Умерла до прихода смерти
И ушла навсегда в весну.
Только помни: на этом свете
Ты любил и искал одну...

Разуверен, растлён, развенчан...
Скоро осень. Пора остыть.
Лишь одну из любимых женщин
Ты не смог никогда забыть.

* * *

Полюби этот грязный октябрь,
Этот дом ошалевше-вонючий,
Где живёшь по-собачьи, по-сучьи, –
Погибает здесь сразу, кто слаб.

Ты полюбишь по нежности – боль,
Ты полюбишь за шиворот – капли...
Ты же знаешь: другие – ослабли,
Но такого не будет с тобой.

Полюби – как спасенье – дожди,
Как безумие – голые ветки...
Ты уже избавлялась от клетки,
Ты кричала в лицо: «Уходи!».

Как возможность – в наждачности сна
Пробуждается то, чем жила бы...
Ты ведь жить не умеешь по-рабы,
Ты ведь знаешь, что ты – не одна!..

Я растворяюсь

И на холсте стужёванная грусть,
Как прежде, нарисованная серым...
И, вопреки надеждам, счастья, верам,
Я растворяюсь. Я просто растворяюсь.

Холодный ветер. Боль. Проклятье. Миг –
И падают миры, законы, башни.
О Господи! Зачем же ты, вчерашний,
Ко мне, теперь извечной, не привык?!

Как просто и безумно: рас-тво-рюсь!
Стать воздухом. Иксом. И жить с пробелом.
И вновь прижаться и душой, и телом...
Быть рядом. Я наивная. И пусть.

* * *

Тебе захотелось вернуться
В мои обожжённые сны,
Где солнце – лишь хрупкое блюдце,
Две жизни до новой весны;

Послушать неясного бреда,
Попить неудавшийся чай,
Услышать в обычной беседе:
«Живи, мой любимый, давай!»,

Согреть охладевшие руки,
Зачем-то зашторить окно,
Оставить мобильный без звука,
Согнать все проблемы на дно,

Поставить на паузу мысли,
На блюзе поставить «rerplay»...
А мне... в твоей скомканной жизни
Остаться, как прежде, твоей.

Балада про любов

Опалена вогненними словами,
Вона стояла, світла і проста,
І шепотіла істину вустами,
Коли кружляла поруч пустота.

Їй небеса вплелися у волосся
Й туман примар. А їй повірив світ!
Вона стояла, наче відголосся
Усіх висот і непрожитих літ...

Вона стояла, сильна і смілива,
І знала це: вона завжди права,
Вона й в жахіттях пристрасно красива,
Вона й для смерті вічна і жива.

Коли ж у неї кидали каміння,
То, посміхнувшись, крикнула у світ:
«Все буде знов, а я – лише єдина.
Не перервіть мій радісний політ!».

Я залишаюсь, Україно!

Я залишаюсь, Україно,
Щоб через плетиво століть
Тобою дихати перлинно,
Тобою жити кожну мить!

Я залишаюсь, Україно,
В твоїх долонях сріблом крил,
Щоб жити мудрістю сивинно,
Впустити в юність більше сил.

Я залишаюся рікою,
Де океан твоїх плекань.
Я залишаюся з тобою!
Навік. Назавжди. Без вагань.

Тихий вир

Заховалась у тихому вирі
Ніч загублена, майже бездонна...
І кружляється запах імбиру
У твоєму й моєму безсонні...

Ні розлука, ні біль не згасили
Те, що янголи звали коханням.
Тихий вир... І отримані крила,
Щоб злетіти, неначе востаннє.

Хай сьогодні за обрієм – зорі,
Хай сьогодні за зорями – мрії,
А у мріях залишиться море
Тих зізнань, що сказати не смію.

Ти не думай: це майже видіння...
Я ж у нього, як в море, порину
Та у вирі здаватимусь тінню,
На твоєму обличчі спочину.

Ти почувеш моїми вустами
Ті слова, що у сліз відборола,
Ті слова, що торкаються брами,
Зачиняючи наше «ніколи»:

«Коли плачу, то знай, що про тебе,
Як живу, – не вагайся, – тобою.
А твій голос – вже майже потреба,
Твоїм поглядом сум заспокою.

І досвіття, і день, і смеркання
Я тобі, мій коханий, дарую...
Не засне із тобою до рання
Тихий вир. Це душа, що сумує».

* * *

Вже пам'ять – біла. Сни – наждачні:
Стирають шкіру теплих рук.
І, що б не трапилось, я вдячна
Тобі, коханець, ворог, друг,

Тобі, о вірності і зрадо,
За перше «ні» і перше «так»,
За біль, найтяжчий, безпорадний, –
Нетлінний порох у вустах.

Не пробачають непробачне.
Не пробачають. Та змогла.
Вже пам'ять – біла. Сни – наждачні.
Ти – будеш далі. Я ж – була.

Вже запорошене волосся
Найпершим снігом. Пам'ять – сни...
Лишилось небо при дорозі
В щасливій і гіркій весні.

* * *

На тій стороні безсмертя,
Де зверху – глибінь води,
Де принципи просто стерто,
Неначе твої сліди.

Холодні та мертві брили
Торкають небесну гладь.
Здається, ще трохи сили –
Й навчуся і я втрачатъ.

Здається, ще трохи болю –
Та зможу і я піти
Бездушною та німою,
Спаливши твої листи.

Прийнявши удар у спину,
В повіках журбу стулю...
Та навіть якщо покину,
Ти знай: я тебе люблю...

На тій стороні вулкану
У чорну сліпу біду,
Мій рідний, чужий, коханий,
До тебе й туди прийду.

* * *

Я люблю эти губы. Хотя бы за то,
Что они не клеймились печаткою «Должен!».
Я люблю этот смех. Нараспашку пальто.
Нараспашку душа в неслучившемся «позже».

Я люблю этот бред о «когда-то потом»...
Вновь пытаюсь уснуть, только ночи бессонны.
Я люблю этот голос хотя бы за то,
Что уже столько лет не звучит в телефоне,

Что не знал никогда виноватых, истцов...
А ещё эти руки – любовницы ветра;
Ведь они никогда не носили кольцо,
И моя в них душа расплылась в миллиметры.

Я люблю этот звук иллюзорных шагов.
Я люблю... потому не хотела бы ранить.
Потому говорю: «Не отдам ни за что!»,
Потому говорю: «Не предаю свою память!».

* * *

Наверно, я цинична для Ассольи
И вижу мир без алых парусов...
А в мире – тень предательства и боли,
И лишь одна спасительна любовь.

Я догонять к двери тебя не кинусь,
И не приплыву к причалу кораблю...
Но умножая минусы на минус,
Я понимаю: всё-таки люблю.

Липневий блюз

Я пройду крізь холодні стіни
Під мелодію трьох дощів...
Буде музика безупинна:
Я уперше не хочу слів.

Тихо скажеш: – Страшенна злива!
Певно, змокла?..
А я сміюсь:
– Змокла в серці. Та я щаслива...
Ці краплини – липневий блюз.

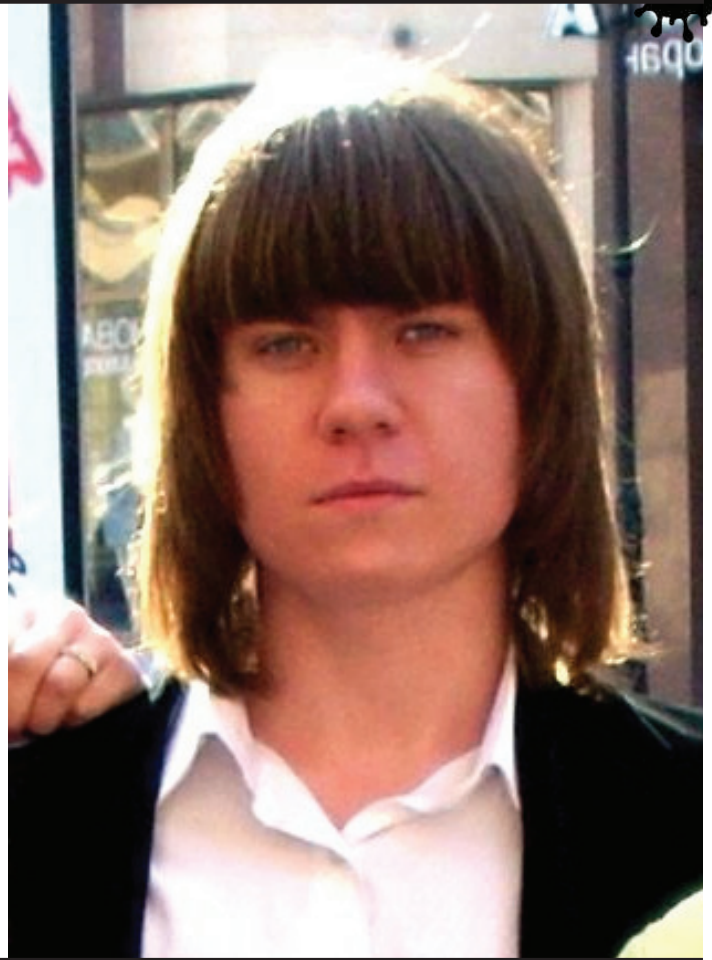
Потанцюємо?.. до світанку?
Ти кивнеш головою: так.
Буде гаряче, буде палко,
Буде липень п'янкий на смак...

Третю ранку проб'ють краплини...
Я на склі напишу: «Вернусь...
У світанки прозоро сині,
У солодкий липневий блюз...»

Володимир Назарук,
українська мова та література, III курс:

Вірші я створюю з 14-ти років.
Після того як почав писати,
я більше ніколи не міг собі уявити життя
без цієї унікальної здатності
до самовідтворення.
Саме змога писати дає мені змогу жити.
Натхнення послаблює «сіру буденність»,
даруючи багатокрилість
мені й моїй душі.
Власне, майже всі поетичні твори є
автопортретами душі митця,
оскільки саме у цьому полягає
принцип натхнення.
Поезія – це суб'єктивна позиція
окремого поета, яка нерідко
розділяється й інші людьми.
Вірш – це засіб передачі своїх думок
та переживань широкому колу людей,
для яких, власне, ми і пишемо.
Поезія – це життя, а митець – це доля.

Володимир Назарук

До Лесі

А що буде далі? Всесильна любов?
Чи, може, нарешті, розіб'ється в кров
Знесилене тіло, в яку душа
Все рівно не рідна, а просто чужа.
І що мені небо, в якому блакить
Давно почорніла у ту страшну мить,
Коли променіли у серці гадки,
Що зміни – на краще, та все навпаки...
І що буде далі? Питаюсь я знов,
Коли у багнюці розп'ята любов?
Коли з ідеалів нічого нема?
І пісня велична по суті німа...
То що ж буде далі? Ти знаєш чи ні?
Для кого палають досвітні вогні?

* * *

Життя минає неминуче
Серед двофарбності подій,
Кидає човен наш об кручі,
Підносить високо до мрій.

Міняє радість на печалі,
Міняє спокій на журбу,
Міняє сторони медалі,
Обрати може будь-яку.

Кохання змінить на розлуку,
Невдачі змінить на талан.
Така одвічна є порука,
Яка відома добре нам.

Усе в житті іде по колу,
Іде все так, як має бути,
Але збагнути ми ніколи
Його сповна не зможем суть.

Життя минає неминуче,
Серед двофарбності подій,
Кидає човен наш об кручі,
Підносить високо до мрій.

Приносить вранці прохолоду
І насолоди світлу мить.
Під вечір втома і турбота
У серці каменем сидить.

І кожен день, який минає,
В життя приносить щось своє.
Від цього серце і співає,
Бо нам про що співати є.

* * *

Плаче небо, сіє сльози –
Вітер завиває.
Знову чую лиха-грози –
Серце потерпає.
Осінь тихо захопила
Рідний край широкий,
Небо чисте потемніло,
І тремтять осоки.
Грає тільки жовтизною,
Сліпить мої очі.
Десь сховались під горою
Літа теплі ночі.
Душу тихо підхопила,
Туга-біль розлуки,
Кров червону пустила,
І скувала руки.
Плаче небо, сіє сльози –
Серце потерпає.
Біль прощення сипле грози –
Літо помирає.

То я, подивись у рядок!

Я душу, себе викладаю
На цей ніби тільки листок.
На ньому не тексти складаю,
То я трансформую в рядок!

Себе додаю у чорнило,
У літеру, кому, катрен.
ЛГ – це не лялька вродлива,
Яка у сюжеті поем.

Брехати не хочу нікому.
Писати не вмію казки.
Красиві слова є фантоми,
Не мого розряду думки.

Не можу тебе оминати,
Якщо ти сьогодні в біді.
Пройти собі далі, забути,
Що бачив, що чув – взагалі!

Людина не того я кола,
Що прагне собі визнання.
Чіплятиму носа?.. Ніколи!
Не це головне, знаю я...

Я душу, себе викладаю
На свій самотній листок.
На ньому не тексти складаю!
То я, подивись у рядок!..

* * *

Хоч і час для нас не лікар,
Хоч і правда вже крива,
Та одна лишилась втіха –
Це душа моя жива...

Хай життя іде безцільно
І брехня лягає в спів,
Що не вб'є, то зробить сильним
У потоці чорних слів.

Задля чого жити в трансі
Чи мішатись у юрбу?
Я в душі протуберанцях
Сам зрощу любов живу...

Может, время и не доктор...
Может, вера в «после» – зря...
Ведь, когда башмак истоптан,
Под ступнёй горит земля...

И ступая по осколкам
Разных истин, чьих-то слов,
Ты не сможешь беззаботно
Упорхнуть в пространство снов...

Привыкая жить в прозреньє,
Объясненья в нем найдёшь
И поступкам, и явленьям...
Ты не веришь – ты идёшь.

Кохання. Серце. Душа

триптих

Кохання

Чи кохання помирає?
Чи душі уже нема?
Я не бачу! Я не знаю!
Я один і ти сама.

Може, зникне з горечвітом
Туга жадібно палка
І прийде до серця з літом
Знов любов, хоч будь-яка!

Тільки серцю невідомо,
Чи то прийде літо знов,
Щоб душа моя свідомо
Закохалася в любов.

Серце

Я серце втратив у вівторок,
А душу, мабуть, у четвер.
І пульс завмер на тридцять-сорок –
Та я ще жив, іще не вмер!

Я далі йду. Живе надія
Про світлу мить мого життя,
Для неї жив, про неї мрію.
Ще чутно сміх крізь біль буття.

Я серце втратив у вівторок,
А душу, мабуть, у четвер...
Але мій пульс на тридцять-сорок
Дарує шанс... Я ще не вмер...

Душа

Почують іще мої співи!
Краплина біди не залле!
Зійдуть мого слова посіви
І темрява ночі спаде.

Я буду нести своє слово
Крізь лихо, крізь сльози і страх.
До Бога вестиму промову
Ступивши на зоряний шлях.

Не стане мій біль на заваді
До неба просторів дійти.
Я вірно служитиму правді,
Щоб справжнє багаття знайти.

Зимова фантазія

Вже скінчилась давня казка.
Стихла пісня лісова.
Фантазує голова,
Знов майструє щастя маски.

І запрошує зима
Станцювати хуртовину.
У думках сплітає дивну
Сніжну казку нам сама!

Чорно-білі кольори
Надають новітніх вражень.
Холод зимній? Вже нестрашний
В цю магічну мить пори!

До снігів зими торкнись!
Нам білявка хуртовина
Позбивала полонину,
Як пір'їну ватну скрізь.

В небо лазури немалой

*Мудрому педагогу
Л. Н. Фиогиной*

Забуться, уйти, розтвориться...
Ныряя в себе с головой.
С толпою безликой не слиться,
Уж лучше один, сам с собой.

Вовек ни о чём не жалея,
На пепел пустить черновик.
И прошлого нить не лелея,
Развеять под собственный крик.

Над берегом волн и причалов,
Где эхом слышна тишина.
И в небо лазури немалой
Упасть, не почувствовав дна.

* * *

Не бачу я в логіці вихід.
Для чого стандартний підхід?
У кожного є свої примхи.
Не в кожного серце граніт!

Ми різні, і це нас єднає!
Без світла не знайдемо тінь.
Безпаре ніщо не буває.
Облиш ідеали, покинь!

Чого же життя твоє варте,
Якщо треба жить за зразком?!
Для когось служити на варті,
Згубивши себе під замком.

Осенние мотивы

Вновь не спится до утра.
Вновь осенние мотивы
Нашептали мне ветра
Тихим трепетом порывов.

Привыкая к тишине,
Открываю ей секреты.
То, что сбылось хоть во сне,
То никак не канет в Лету.

Полуночные стихи
Я все чаще изливаю.
В них отмолены грехи,
Но далёк ещё от рая.

И дождливо за окном,
И туман на километры,
Мрак, натянутый сукном, –
Просто грустные моменты...

Всё не спится до утра,
Но бессонница не в бремя.
Нашептали мне ветра,
Что всему приходит время.

Я буду для всіх перехожим.
У світлі вогнів я лиш тінь.
Не друг ти мені, мій вороже,
«А може...» – цю зайвість відкинь.

Я в небі безкрайому птаха.
Я сон чи реальності знак.

Не знаю ні болі, ні страху,
Бо їх відпустив, хтілось так.

Я кваплюсь крізь простір у вічність,
Щоб тайни її віднайти.
І сум мені зовсім не личить!
Навіщо тягар цей тягти?

Я вихід та, часом, халепа.
Я ватра із ваших сердець.
І трагік, а в тім недотепа,
Актор я, сценічний митець.

А я... А я просто прохожий
Никто мне не друг и не враг.
Конечно, мы с кем-то похожи,
Но вкусы, как моды сквозняк...

А я... Ну а я просто птица.
Я сон и реальность в одном.
Пытаюсь за солнце вцепиться,
Морскою звездой лёг на дно...

А я... Ну а я бесконечность,
Которая тайной влечёт.
Я боль уводящая в вечность,
Любви и страданья черёд...

Я смутных времён сомнение,
Души разорённой костёр,
И свет, и дневное затмение,
И так же, как вы, я – актёр...

* * *

Почав говорити – не чують,
Сиди і мовчи у пільмі.
Природа вже зиму малює,
А люди – не стали людьми...

Байдужості ширшає коло,
Руйнуючи долі щодня,
Та це нецікаво нікому,
У кожного правда – своя.

Закинутий часом в халепу,
До себе самого звертай.
Затиснувши зуби в щелепі,
Оманливе диво чекай.

Ніхто не подасть тобі руку,
Своїм не зігріє теплом,
І навіть не чутимеш звуку...
Хоч бийся об землю чолом...

Оголені плачуть дерева,
І зимно стає у пільмі...
Я буду молитись за тебе...
За тих, хто не є ще людьми.

Дорогою ціною

Ціною кохання,
Ціною життя...
Ведемо змагання
За сер-це-бит-тя.

Ціною моралі
Та істин святих.
Забуті Скрижалі,
Та правда у них!

Ціною любові
До кожного з нас
Ми прагнемо крові
Останній цей час.

Остання надія
Ще поки живе!
Єдина є мрія –
Вона не помре!

Забула Феміда,
Що долі в руках.
Співаєм Аїду.
Небоязко. Жах.

У тиші блукає
Сама Прозерпіна.
І душі збирає
З тілами загиблих...

Руйнує насилля
Крилаті надії,
Анархій «весілля» –
Не справджує мрії...

Ціною кохання...
Ціною життя...
Ведемо змагання
За гро-шо-сміт-тя.

* * *

Дозволь, я намалюю твій портрет.
Перо моє не втратило ще хисту.
Усю тебе вкладу в один сонет,
Усю твою красу джерельно-чисту.

І ось, уже тече чорнил сльоза
На зошита папір... Пишу... Не спиться...
Тебе я покохав. Та хто те знав,
Що швидко час для нас обох скінчиться?

Гори усе! Гори, моя душа!
Не вижила надія, та й не треба.
Стоїш лише за крок, але чужа...
У серці пустота дірою з небо...

Двоока глибина

*До дня народження друга з минулого,
теперішнього та майбутнього – Сергія Комара*

Очі – дзеркало душі,
Що та як там не кажи.
Зразу видно, де брехня,
Не міркуючи півдня.
Видно суть усіх речей
Крізь простий контакт очей:
Мрії, настрої і думки –
Все як є, не навпаки.
І в двоокій глибині
Чутно біль чи сміх весні.
Очі – дзеркало душі...
Я все знаю... Не кажи...

«Лелека»

Ти зараз від мене далеко,
Що робиш, не знаю, та з ким.
У небі кружляє лелека,
Уражена горем моїм.

Своє почуття я звертаю
У думи, а їх у рядок.
Хвилина повільно минає,
Триває розлуки урок.

І болісно серцю чекати
На світлої зустрічі мить,
Яка може знов об'єднати
І душі самотні зігрить.

Душевні загоїти рани,
Надати наснаги та сил.
Простими кохання словами
Тобі надаватиму крил...

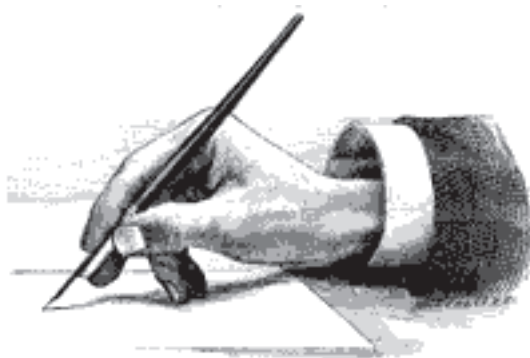
Та тільки розлука триває
Завдовжки у ціле життя.
А серцю б співать – не співає...
Але не помре почуття.

* * *

На морі тиша, ще з учора...
Повітря ледь помітний біг
Не дасть підняти хвилям вгору,
Бо після шторму майже зник...

Зникає ніч... Вже ранок... Тиша...
Пливе самотній корабель...
Спадає дощ на сірі криші
Надлив сріблястий свій коктейль.

Думки легкі, злоті як зерна,
Натхнення дасть, мов два крила.
На морі тиша ще поверне
Хвилини спокою й тепла.

Сергей Остапенко,
русский язык и литература, IV курс:

Представьте человека, который стоит
в крошечной темноте огромной пещеры.

Как он здесь очутился?

Он не помнит и не знает.

Делать нечего: надо на ощупь двигаться.

Куда? Куда-то.

Вдруг у человека в руках чудесным образом
оказывается цепочка. Шаг за шагом,
перебирая звено за звеном, человек идёт.

Куда? Куда-то.

А звенья попадают разные: большие,
маленькие, ржавые, гладкие, тяжёлые,
лёгкие... Иногда цепочка выскальзывает
из рук, и нужно шарить по земле руками,
чтобы отыскать её.

Чтобы встать и вновь устремиться в
бесконечную беспроглядную темноту.

Представили всё это?

Теперь поясню: тёмная пещера – это
Язык; цепочка – это осторожно выдёргиваемые
из него слова (жизнеспасительные,
путеводные слова!);
ну а человек – это я, когда пишу.

Сергей Остапенко

* * *

Оттепель всегда похожа на весну.

Талые ручьи, снимая пелену,
готовы указать на тишину
и на то, что ель (или сосну)

настало время раздевать и выносить из дома.

Лёд уже ломается не в три приёма,
а гораздо легче. Мне так знакома
и дорога эта приятная истома,

когда понятно, что и признака листа
не будет ещё долго, но иллюзия моста
к нему даёт надежду. И хочется в места
детства, как никогда, хоть мне и больше ста.

Будто чувствуешь (и знаешь!), что вот-вот
воспрянет из-под снега, оживёт
то, что было сковано отсутствием свобод:
небо, фауна, целующийся рот –

и не один. Но оттепель – прелюдия:
сонное бездействие и, повторюсь, иллюзия,
впрочем, нужная, как воздух, людям и
всем, кто только что смеялся в час полуденный.

* * *

День был летним, серым и воскресным.
Дождь стучал в закрытое окно,
струйкою отвесной
проверяя, не открылось ли оно.

И чертила молния кривые,
отражаясь в зеркалах машин,
громом мостовые
сокрушив без видимых на то причин.

Ветер облаками мокрой пыли
вдруг заволочился сквозь листву.
Те, кого забыли,
опускались, будто порох, на дресву.

Вот фигура у гардин моментом –
плохо очерченный силуэт.
Прожит день зачем-то,
как и всё количество минувших лет.

Попытка памяти

Я прихожу к выводу, что очертания
и то, что между – то бишь содержание –
крепко зависят от силы воспоминания.

Но память – коварная штука:
новые факты, как слой штукатурки,
накладываются на старые, дурные шутки.

И уже не разобрать, где блеск чьих глаз,
где чей хохот (остроумия экстаз),
переходящий в откровенный спазм

желудка. Выделить из массы взгляд,
о котором ты не скажешь, что он – рад,
так же сложно; разве – наугад.

Хуже – с теми, кого не помнишь, но
представляешь, домысливаешь, как в кино –
конец, коль он не числится в «Дано».

В таких случаях много мечты,
фантазии, появляются цветы,
конфеты компенсируют наличие слепоты,

работает старая сказка про фей,
золушек, принцев, мачех, дочерей,
про дворцы, в которых сотни дверей

(за ними возможно укрыться). Впрочем,
понимая, что всё это – сказка, не очень
грустишь. Тем более, что ночью

полагается спать, а не в темноте
вызывать из мыслей лица те,
которые не знают о твоей мечте.

Возле моря

Солнечный луч склонен к суициду.
Он ищет финала, смерти грубой
в порых пен. Из них скелет Киприды
восстал когда-то и оброс фигурой.

Кто сказал, что ветер дышит? Он
скорее кашляет. Пляж – квадратен.
Люди – дырочки. Так домофон-
ный выглядит аппаратик.

Я стою с апломбом фараона,
прислонившись к балюстраде.
Переизбыточность озона
угнетает, как и геи на эстраде.

Я стою ссутулившись. На фоне –
сочетанье баров, спускаемые суммы...
Я смотрю на дырки в домофоне
и пытаюсь думать.

* * *

Пройдём по переулку и свернём налево,
наткнёмся на акацию как будто бы случайно.
И неважно, будет с подогревом
или без сентябрьское море. А на крайний
случай – я одет ещё и в куртку
помимо майки. Замёрзнешь – одолжу
и посмотрю, как множатся окурки
вокруг тебя на умершем пляжу.

Мы посидим совсем немного.
Встанем – и пойдём наверх.
И сократит существенно дорогу
наш давно уже не звонкий смех.
Мы вспомним всех, кто были с нами,
и всех, кто выбился из сил.
И листья вдруг зашепчут под ногами,
что утром слабый дождик моросил.

На бульваре будет пусто.
А дома построят линий ряд.
Нам не будет слишком грустно,
но и так, чтоб очень весело – навряд.
Мы заложим руки за спину. Аллеей
пройдём туда, где видно горизонт,
увидим, как закатом облака алеют.
Начнётся дождь. И я открою зонт.

Восход

Небо спускается полотном по склону.
Дышать становится трудней.
В прохладе – запах кардамона
и непонятность дней.

И чёрт их знает, что такое
греет руки вне карманов.
Понимаешь, что в покое
не знает жизнь расчётов, планов...

День находится в задатке,
но ясен факт, что день придёт.
Так не требует разгадки
понятный анекдот.

И всё дрожит, и всё несёт,
и всё как будто бы боится,
и всё летит, и всё поёт
на пока что безымянных лицах...

* * *

Закат умрёт,
едва луна взойдёт.
Белый ливень
по листве запоёт.

Грянет гром.
Испуг охватит дом.
Всё словно в сказке
обернётся вверх дном.

И шелест трав
и жёлтый свет оправ
окон сгинут,
дождю себя отдав.

И жизнь тогда польётся,
И станет так тепло,
Что возьмёт да и начнётся
Всё, что начаться не могло.

Евгения Савицкая,
болгарский язык и литература, V курс:

У каждого человека есть своя мечта,
свои увлечения, и каждый видит счастье
в разных вещах. Для меня счастье – это
моё творчество, писать стихи – большая
радость. Каждое стихотворение – это то,
что я чувствую, переживаю, частичка моей
жизни. Моменты радости, грусти... ярких
эмоций, неразделенной любви или горя...

Они проходят сквозь меня,
превращаясь в стихи.

Мой кумир – Анна Ахматова, я в востор-
ге от творчества болгарских поэтов
П. Яворова, Н. Вапцарова и Е. Багряной.
Надеюсь когда-то дорасти до их уровня...

Пишу на украинском, болгарском, рус-
ском. Многим нравятся мои произведения,
многие их не понимают
или не воспринимают.

Стараюсь найти, создать что-то новое,
интересное, необычное, недосказанное
другими – и в этом, наверное, весь смысл
моего маленького, пока ещё мало кому
известного творчества...

Евгения Савицкая

* * *

Една история в съдба,
Едно момче, една тъга,
Игра на думите в ноца.

И дълъг път на любовта,
Не мога да простя това.
Аз искам времето да спре,
И знам – сърцето ще живее.

Безумство радост и тъга,
Ще трябва да се промени това.
И само спомин ще остане,
Ще спомним нашата игра.

Игра на думите в ноца,
Едно момче, една тъга,
Една история в съдба,
История на любовта.

* * *

Без теб
Вече за мен това не е важно,
Мечтавам да забрави теб.
Но само думи – са омразни.
Аз не се сърдя, съм без теб...

Живеем в разни светове,
И вече нищо не ме грее,
В сърцето – прахът на мечти,
В душата – болка, тя не пее...

Без теб!
И много дни ще минат,
Ще много нощи пролетят.
През лято, есента и зима,
Аз не се сърдя, съм без теб!

* * *

Не заслужаваш моите думи,
И не очакваш нещо пак,
Забравил всичко и потънал,
В душата своя, своя мрак.
Но както и да е, прости!
Аз чакам за това прости!
Самотна и без теб, прости!
И луд на моите чувства ти прости!
Не заслужаваш моите думи, но прости...

* * *

Не знам защо аз още мисля,
Все още чувствам и живея.
Това са думи, просто думи,
Аз силно искам да си с мене,
Но невъзможно е това...

Сърцето вярва, то не може,
Да гледа в истина, в това.
Това са думи, просто думи
Ти – само моята мечта.

Не знам защо аз още мисля,
Все още чувствам и живея.
Аз много искам да си с мене,
И невъзможно е това!

* * *

Когда в сердце живёт надежда,
Счастливее кажется жизнь,
Каждый день – не такой, как прежде,
Даже если с тобой мы порознь.
Хочу быть твоей надеждой,
Хочу, чтоб в меня поверил,
Нет силы сильнее надежды,
Нет силы терпимей, красивей.
Всё уже не будет, как прежде,
Если сами мы станем силой.

* * *

Как много в жизни нужно сделать!
А жизнь ужасно коротка,
Я так любить хочу кого-то,
Но далека моя мечта.

Быть может, встречу его вскоре.
Я так боюсь, что упущу,
И взгляд красивый, нежный, смелый,
В толпе прохожих не найду.

Я о любви судить не смею,
Её не знала ещё я,
Хотела верить, жить мечтою...
Как хорошо, что не смогла!

* * *

Віч-на-віч я не залишусь з тобою,
Тебе вже не побачу і не вірю,
Весняна ніч наповнилась грозою,
А в серці – біль разом із тишиною.

Все непомітно так зникає в часі,
Думки згорають, все колись вмирає,
Душа лиш вічна, та живе у сірій масі,
А тіло – попіл, швидко забуває.

Чому так сталося? Хто у цьому винний?
Хто знає, як нам далі із цим жити?
Так сталося, є у кожного провина,
І як вже є – нічого не змінити...

Віч-на-віч хочу залишитися з тобою,
І хай ніхто нас більше не розлучить,
Повітря лиш наповниться грозою
А біль у серці вже навіки замовчить...

* * *

Це все мов сон і зовсім не реальність,
Ми всі проживемо своє життя,
І не душа, але й недоторканна вічність,
Полине у далеке забуття.

Всі погляди, всі миті – сьогоднішня,
І розпач, біль, розлука – лиш життя.
Існує з нами все, таке буденне.
Це все колись поглине забуття.

Ми сліпо віримо в нове якесь майбутнє,
Хоча ніхто не знає, що ж – нове?
Ми сліпо віримо – залишим незабутнє,
Та незабутнє є для кожного своє.

Це вже не сон, але і не реальність,
Єдина мить лиш в серці ожива,
А вічність – мертва, в цьому є банальність,
Але й вона колись потрапить в забуття.

* * *

Сухі, мертві квіти стояли на сонці,
Свої темні віти схиливши додолу,
Яскраво так сонце світило їм вранці,
А вітер чарівний їх кликав додому.

Ожили на мить сухі, темні їх очі,
І вітер хитав їх заплутані віти,
Здалися живими, старі, мертві квіти,
Вони, немов справжні – такі соковиті.

В цю мить пригадали вони все минуле:
Як жили колись на розкішному лузі,
Як літо їх гріло колись запашне,
Як пили солодку росу по краплині.

А потім згадали і страшну картину.
Як літня гроза їх жорстоко побила,
Згадали і ту, дуже дивну, дівчину,
Що їх у красивій тій вазочці вбила.

Зібрала до купи вона бідолашних,
І завжди, як краще, дівчина хотіла.
Невдовзі забула вона про ромашки,
І квіти померли чудової днини.

Ці спогади вітер приносив їм з дому,
З щасливого лугу, й новини цікаві.
Вони ж темні віти схилили додолу,
Всміхаючись мертво, такі ж невеселі.

Прокляли дівчину за те, що згубила,
Життя їх красиве у лузі із вітром,
Благали недолю, щоб та відплатила,
Недоля ж хворіла тоді добрим серцем.

А квіти все більше темніли від люті,
Жадали все помсти, просили у вітру,
Щоб той допоміг у складній такій справі,
Кричали слова свої темні і сонцю.

Щасливі ж і вітер і сонце не чули,
Прокльонів і сліз цих упертих створінь,
Цієї красивої, літньої днини,
Забули вони про чужий, темний біль.

Минув іще день, і дівчина згадала,
Про мертві ромашки, коли прибирала.
І темні їх віти у руки взяла,
І бризнула кров – покололась вона...

Екатерина Сердюченко,
прикладная лингвистика, II курс:

Літературна творчість дає можливість
відчути світ і душу людини.
Існують моменти, які залишають слід
глибоко в серці,
з'являється величезне бажання
передати те, що я відчуваю,
за допомогою поезії.

Особисто для мене в моменти натхнення
магія Слова перетворюється на мелодію,
яку просто неможливо проігнорувати.
Вона іноді змушує навіть писати лекції
та водночас встигати ловити думки,
так невчасно принесені
примхливою Музою.

Але саме вони допомагають мені
відкрити себе, тому я не уявляю
свого життя без творчості та мрії.

Екатерина Сердюченко

* * *

Скінчилась осінь. І тепла дарма
Чекатиму, застуджена не тілом.
Не зможе в кригу знищити зима
Мій біль, що так прихований невміло.
Ти все забрав. Лишив самі думки,
Осінні та легкі, мов павутинки.
У злив сліз купались залюбки
Від холоду застигли намистинки.
Листаю спогади, і смішно: почерк мій
Спокійним був – і застрибав щасливо!
Так неслухняно, мов морський прибій ...
Що то було? Не знаю. Мабуть, диво.
Ти все забрав і світ мій знищив сам!
Ну, що ж, іди. Та пам'ять – мов кімната,
Я спогади ніколи не віддам
Про поцілунки зі смаком гранату.

* * *

Счастье – миг. Уходит время.
Раз - и мы опять не с теми,
Бьётся сердце рядом с ними:
Пусть родной, но нелюбимый.
Тонем в глубине сомнений,
Возвращаясь в мир мгновений,
Для себя так незаметно,
Позабыв, что там запретно.
Там – тепло, а тут тревоги,
В никуда ведут дороги,
И в дальнейшем нету смысла,
Календарь меняет числа.
Лето, осень... Также смена,
Только жизнь без перемены!
Раз один превысив меру,
Навсегда теряем веру,
Дальше бой. Слезопролитье...
И, как результат, событиям
Придаём вины оттенок.
Да, своей! За полустенок
Прячем недалёко в память,
Чтоб себя ночами ранить.
И, наказаны собою,
Смиримся с чужой судьбою.
В сердце только боль. И пусто...
А куда исчезли чувства?
Остаются на листочках...
Вот и всё. Конец? Три точки...

* * *

Лишь только ночью чудеса возможны.
Ведь правда, что звезда недалека?
Вот шаг, другой, и третий... Осторожно!
Ступени... И протянута рука.
Дыханье ветра. Сонный моря шёпот,
Куда ты так торопишься? Постой!
А в тишине – далёкий быстрый топот.
Счастливые... В погоне за мечтой.
Песок у ног, подсказка: всё не вечно,
Но я не верю в то, что это знак!
В огнях исчезнет путь небесный Млечный...
Сегодня всё мираж. Да будет так!
И родилось в глубинах сердца чувство
Щекочуще-эфирное... Замри!
Так холодно и, знаешь, даже грустно...
А мне бы так до утренней зари...
И снова день. Теперь уж буйство краски,
Но чёрный цвет – излюбленный наряд!
Нет! Волшебство чудесной яркой сказки
Заставит даже мой оттаять взгляд!
Растают хлопья нежно-сладкой ваты,
Оставив сладость на губах на миг.
Не буду ждать, пока придёт расплата.
Есть ты и я, но нету нас двоих!
Идти туда, за пёстрою толпою,
Пока опять не разлучит река?
Кто для тебя я? Ты скажи мне, кто я?
Лишь холод... Но протянута рука.

Дарья Царик,
русский язык и литература, II курс:

За меня говорит то, что я пишу.
Пишу со школы, пишу разное, пишу...
Пишу потому, что не писать не могу.
Спросите меня, как я пишу, –
и я, пожалуй, не смогу ответить.
Ибо рука моя механически выводит
буквы на листке бумаги.
И уже потом я с удивлением
обнаруживаю строки,
написанные мною же.
Порою они удивляют, порой огорчают,
веселят. Но они никогда не оставляют
равнодушными меня.
И это радует больше всего.
Потому что творчество, на мой взгляд, –
это не признание общественности.
Это именно то, что волнует
в первую очередь тебя.
А уже потом задевает ещё кого-то.

Дарья Царик

* * *

«Всё будет правильно.
На этом стоит мир».
М. А. Булгаков

«Всё будет правильно», – сказал однажды Воланд
И, безусловно, был чертовски прав,
Иешуа ни в малом не предав,
Не отступив от истины ни словом.
Он был, конечно, ведомства иного,
Но общий всех объединял устав,
И, от людской бездарности устав,
Один всегда поддерживал другого.
«Всё будет правильно», – заметил как-то Воланд,
«Да будет так!», – Иешуа сказал.

Не наша ли вина?

Нам стоит задуматься.
 Не наша ли вина,
 Что бокал вина
 Всё более краснеет,
 Стесняясь наших губ?..

Белеет за окном безумный снег,
 Больно режет оболочки глаз –
 Боимся их открыть больше.
 А больше и не надо.
 Смотреть с прищуром. Так привычнее.
 Гнев вызывает белизна.
 Гнев и отчуждение.
 Привыкла к чёрному асфальту.
 И хочется нервными движениями
 Разбросать эту бестолковую белую массу...
 Найти Землю.
 Теплую. Родную.
 Дать ей подышать.
 И вдохнуть вместе с ней.

Не наша ли вина?..
 В том, что бокал вина
 Сияет красной тишиной?
 Ведь он... Задумайтесь! – Пустой.

* * *

Мышка, мышка, уступи...
 Мне на время норку...
 Мышка, мышка, угости
 Старой сырной коркой...
 Пожует с тобой вдвоем,
 Ляжем спать пораньше.
 Хоть денечек проживем...
 Без людей и фальши...

Полуночный бред

А я просто закрою глаза...
И увижу небо...
Где бы не пришлось искать ту небыль...
Я нашла б ее сама.

Я бродила бы вдоль дороги,
Я бы стерла до крови ноги,
Я бы просто дышала небом,
Я бы стала, наверно, светом...

Я бы шла лишь вперед и вперед...
Но судьбы другой поворот
Заставляет остановиться...
«Мне бы только с пути не сбиться...
Мне бы только идти-идти...
Мне бы только найти-найти...»
Мне бы только дойти...

Не прошу я другого сомненья,
Мне достаточно лишь мгновенья,
Чтоб расставить все на места.
И улыбка твоя грустна...

Не поверить в безумную небыль...
Я смогла бы...
Но боль...
Уколола... и снова война.
Мне, наверно, пора?
Да, действительно, засиделась.
Ночь темна, и весна оделась...
Да, конечно, дела.
Да, конечно, бегу.
Да, конечно, смогу...
Да, конечно...
Молчу.
Слезу вытираю
И снова молчу.
Я смогу, я выдержу.
Не сломаюсь.
Не доставлю миру такую радость.
Я останусь собой до конца, до финала.

Смысла в этом стихотвореньи мало,
Да и ладно, не суть.
Порой не такой еще бред несут...

Улыбаюсь, иду, смеюсь я.
По-другому жить я не смею.

Марина Чиянова,
журналистика, IV курс:

*Живу искусством!!!
Территориально чаще всего нахожусь в
Одессе, где учусь в ОНУ
им. И. И. Мечникова.
Верю во внеконфессиональную духов-
ность. Интенсивно занимаюсь йогой,
воспринимая её не только как комплекс
упражнений, но и как путь к обретению
духовной гармонии По характеру – об-
щительная нонконформистка с большими
странностями, психотип ИЛИ (Бальзак),
веду богемный образ жизни, всегда гото-
ва к переменам и новым перспективным
знакомствам. Смакую жизнь, люблю каче-
ство во всём. Очень уважаю и ценю амби-
циозных людей, сама отношусь к их чис-
лу. Дружба для меня – одно из ключевых
понятий, мне повезло, что в мире есть мои
родственные души.
Я знаю, что судьбой мне предназначен
большой путь, значит, пройти его следует
с гордостью.*

Марина Чиянова

Прощание с осенью

Я не хочу с тобой прощаться,
О нежность осени, постой!
Ещё хочу я наслаждаться
Летящим огненным листом.
Ещё пьянящей тишиною
Хочу восторженно дышать,
И слышать шорох за спиною,
И очарованно мечтать.
Кружиться в вальсе дней осенних,
Устроить пышный карнавал,
На Морвокзале в воскресенье
Остановить девятый вал.
Танцуй фламенко, чудо-осень,
Не покидай мой тихий двор,
Но вот тебя зима уносит,
И наш окончен разговор.
А твои пёстрые одежды
Развеял ветер по стране,
Они угасли, как надежды,
Едва рождённые во мне.

К произведению Клода Дебюсси «Лунный свет»

В переливах музыки святой,
Необычной, тайной, непрстой,
Льётся свет, необозримый свет,
И летит по небу пыль комет,
И кружится синяя Земля,
Золотом на ней цветут поля,
Затаив дыханье, я слежу
За движеньем, равным миражу.
В небесах за контуром Луны
Прячутся непознанные сны.
В нотных строчках всюду благодать,
Хочется от счастья зарыдать,
Хочется лететь среди ярких звёзд,
Хочется построить счастья мост
От Земли до радостной Луны,
Чтоб смотреть космические сны,
Чтобы мир был хрупок, как весна,
Чтоб мечты свои испить до дна,
Чтобы в звуках музыки тонуть,
Чтоб найти неповторимый путь.

Невозможная память

Разорви мою душу на части
И заставь меня снова дышать,
Нестерпимо-болезненно счастье –
В своих снах в поднебесье летать.
Заклейми моё сердце навеки,
Прикасясь к ресницам рукой,
Пусть дрожат мои тонкие веки,
Ведь им снова неведом покой.
Нашей ласковой музыки ярость,
Обжигающе-приторный джаз,
В моём сердце занозой осталась
Невозможная память о нас.

Исповедь волны

Бессилие сменится силой,
И в кои-то веки волна
Поймёт, что недаром носило
Её в человеческих снах.
Что ветер, борясь за свободу,
Срывает покровы с души,
И тянутся долгие годы
В глухой, беспросветной тиши.
Волна безгранично прозрачна,
А горечь, что спрятана в ней,
Сияет так неоднозначно
Под взглядами звёздных огней.
Волну исчерпать невозможно –
Накатит, отступит она,
Ей в ритме её осторожном
Победная песнь суждена.
В объятьях волны мирозданье
Раскрыто в своей полноте.
Волна исполняет желанья,
Смиренно служа красоте.

Иллюзии

Город разбросал повсюду свои сети.
«Спи! – он говорит, – и не просыпайся!».
Ты теперь одна, одна на белом свете,
Так скорее в сны смутные бросайся!
Так скорее жди окончанья бала,
С пола подбирай золотые блёстки.
Как бы хороша ты теперь ни стала,
Кровью всё равно залиты подмости.
Ты играла роль. Среди декораций
Был осенний лист и весенний ветер.
Только эти сны стали забываться
И стираться в пыль, как и всё на свете.
Где же сон, где явь – ты не разберёшься,
Как и не поймёшь таинства природы.
На престол поставь тонкий лучик солнца,
Пойманный легко в светлый час восхода.

«Тулуза

Вербеной пахнут сны, лавандой – пробужденье...
Из солнечной страны моё воображенье
Приносит запах трав, прикосновенье лета...
В колодцы душ упав, погаснет вдруг комета.
Месяе почтенных свист, как соловьёв на ветке,
И вдруг саксофонист им подыграет метко.
И вновь душа зовёт к полёту в поднебесье,
Она всегда поёт вдали от мракобесья.
Душа легко живёт, без боли и без груза...
Гаронна вечно ждёт... Да здравствует... Тулуза!!!!

Бархатный сезон

О бархатный сезон! О розы без шипов!
О августовский звон и лунные дорожки!
О солнечный закат, корундовый узор,
О мириады звёзд, словесные крошки!
Бессонные миры, дрожащая рука,
Отчаянный бросок в мыслительную бездну...
И правила игры, опасные слегка,
Полёт всегда высок – страховка бесполезна.
И тени, и глаза, и беззаботный смех,
И книги, и мечты, и поиски гармоний,
Заглохнут тормоза, а на устах у всех
Программные листы подобных.... Филармоний ...

Суламифь

Её волосы падали на землю рыжим огнём,
Её очи сияли, как звёзды над холодной пустыней,
Тонкость черт её мог видеть каждый израильским днём,
И прекрасней её, говорят, и не сыщешь поныне.
От лучей её глаз распускались бутоны в садах,
От касания рук замирали могучие реки,
И рождала её красота восхищенье и страх,
Бурю диких страстей вызывала она в человеке.
Виноградник сберечь Суламифь не смогла, ну и пусть,
Но в объятьях царя обрела она смелость и счастье,
Он же, мудрость забыв от внезапно нахлынувших чувств,
Изумрудом украсил прелестницы дивной запястья.
Их любовь пахла миррой и мускусом, будто алмаз,
Озаряла она целый мир утром тихим и ранним,
Жаль, любовь не смогли уберечь от завистливых глаз -
Суламифь умерла, и закончилось этим преданье.
Берегите любовь и храните безмерный сосуд,
Восхищайтесь красою любимых, покуда вы живы,
И ненастья пусть вас навсегда стороной обойдут,
Пусть окажется жизнь путешествием лёгким, счастливым.
«Все проходит», – гласило кольцо Соломона в тиши
Тронной залы, украшенной ярко, нарядно и пышно,
Всё проходит – но мир бесконечен красивой души,
Пусть и дальше веками любовью одной мир наш дышит.

Молитва

Я смотрю на икону, и падают слёзы
За всех страждущих, ищущих, павших в бою...
Молчаливые стоны и тихие грозы –
Эти души навеки стоят на краю.
Я смотрю на икону, она же с укором
Улыбается мне, безмятежность храня.
Затихают в душе богословские споры,
Вифлеемским огнём согревая меня.
Нежной матери руки, отцовское слово,
Благодать, что от дружбы идёт и любви,
Бьётся сердце моё, я на подвиг готова,
Чтобы душу свою навсегда обновить.
Чтобы стать милосерднее, чище, добрее,
Чтоб улыбкой своею творить чудеса...
Перед Богом смиренно стою на коленях,
И сияют елеем Пречистой глаза.

Nothing personal

So familiar yet cryptic are your features,
 That I'm drowning in the depth of my emotions,
 You are one of these infuriating creatures,
 So indifferent but craving for devotion.
 Bring me tension and a tantalizing silence,
 While obscurity of thoughts will make me speechless,
 It's a film without a single scene of violence,
 All the critical remarks don't seem to reach us.
 I am bored but you don't care – you go on talking,
 As repetitive as rain outside my window,
 If the death of mind appears to be so shocking,
 Then I claim myself to be a happy widow.
 Nothing personal, and still my hands will tremble,
 Every mystery you share will stay eternal,
 Fascinating like an everlasting temple,
 You're the bridge between the sacred and infernal.

Patterns

The words will follow the same patterns,
 My life will hurt me every day,
 And I forget that nothing matters
 When you keep throwing me away.
 I kill my time; it tries to kill me,
 It ruins my soul while causing pain,
 And only music still can heal me
 With drums, guitars and falling rain.
 My face is strange, my soul is chaos,
 And you're afraid to lose yourself,
 The time and distance will betray us,
 While memories lie on the shelf.
 Your beauty once will be forgotten,
 My soul will be a legend once,
 I will delete you, push the button,
 Which works much better than the guns.

Елена Шпилова,
журналистика, III курс:

У меня не хватает мужества
стать просто никем.
Дж. Сэлинджер

«Я хочу изменить мир».
Именно с такой мыслью я поступала
в университет. Выбрала, конечно же,
журналистику. Куда ж ещё с такими
мыслями. Взяли. Наверное, заметно было...
А дальше? Дальше разочарования,
успехи... Как у всех.
Только мысль эта крепко засела
в моём сознании.
Наверное, поэтому не выгнали.
Что ещё? Особенного ничего.
Так что о себе на этом закончу.
Тем, кто читает эти строки, хочу сказать:
не будьте равнодушны.
Никогда и ни к чему.
Думаю, равнодушие – это самая страшная
болезнь нашего общества.

Елена Шпилова

Мой южный акцент и легкая поступь,
Пока не растерла в мозоли ноги.
От лета презент дорогой – боль. После
Искрится душистая тихая осень.
И я погибаю, и страшно верится,
И страшно кажется, и немеряно
Твоих, закружившихся в напряжении
Прикрытых взглядов. Наваждение.
Расстояние, страх, приличие
А потом придет наслаждение.
Город светится светом пасмурным.
Это всё-таки наваждение.
Было ли хорошо? Было ли?
Было! Сон был такой радужный.
Хочешь, чтоб мы страницу выдрали
Будто б не было, будто б кажется?

Сможешь ли ты меня понять?
Со стонами неба и Эвридикой?
Сможешь такой меня принять –
Нежной, но только немножко дикой?
Смогу ли теперь я тебя простить?
После такого вранья и боли?
Да, я смогу! И я буду жить!
И счастья будет теперь поболее.
Ты далеко, но я ведь рядом.
Ты только украдкой взгляни на фото.
Жизнь оказалась таким ядом,
Но дальше жить заставляет что-то.
А знаешь, так хочется иногда
Навек погрузиться в объятия Морфея.
Знаешь, наверно пройдут года,
Но след от зубов на тонкой шее
Актрисы останется до Рубикона.
А сны! Мои страшные, горькие сны...
Мчатся в душе как дикие кони.
Но ты не волнуйся, лучше усни.
И я упаду в твои сны росой
Перед рассветом...

Ты был всего одним мгновеньем,
Всего одним прекрасным сном.
Теперь осталось сожаленье
И шелест листьев за окном,
И шум дождя над чашкой кофе,
Тень облаков и сердца стук.
Мучительно знакомый профиль
И нежность несогретых рук.
Остались где-то за дождями,
Что разостлались за стеклом
Метель и снег. А вечерами
Горчащий кофе с коньяком.
Вдали остались взгляды, ночи,
Вдали остались наши сны.
Мы расстаемся. Ты так хочешь.
Хотя друг другу мы нужны.

А мне б не бояться морщин и стали,
А мне б чистым взором расчЕртить небо
И рассмотреть свысока, что стали
Мы ненамного нужнее хлеба

Друг другу. Но это же что-то значит.
Возможность стойко скрывать усталость.
Я очень рада. Я это прячу.
Чтобы со мной насовсем осталась

Моя интровертность глубоким шилом,
Как и хроническая усталость.
Как недожили, с кем недожили,
С кем спазматически встретим старость...

С кем будем бояться терять упругость,
С кем будем радоваться рассветам.
И как бы нам так, чтобы мы не гнулись
В фабрикатические рулеты?

Вы хотели железную – нате!
Отступить вам уже некуда.
Может кто-то и крикнет: «Хватит,
Заигралась». Но мне некогда.
Вы твердили, что я сильная,
Не нуждаюсь ни в чьей помощи.
Я, упрямая и стильная,
Засыпала уже за полночь
В старом свитере сбоку с пятнышком.
И ревела с восьми вечера.
Мне хотелось тепла рядышком,
А теперь мне сказать нечего.
Так молила любви сильно я,
Замерзала я, но надеялась.
Но ответили: «Ты сильная,
Дорогая. Сама согреешься».

Ты знаешь, меня больше нет. Нет!
Осталась лишь боль и чуть-чуть страх.
Хотя замаячил на миг свет
В моих ослепительно белых снах.
Дельфины, разрезывая волну
На солнце резвятся. И вот – смех.
Я не утонула. Я всё тону.
Я падаю в белый снег.

Тебе нужна девочка, чтоб бутончиком
В длинной юбочке колокольчиком,
Чтоб на пухленьких губках бантиком
Всё мелькала улыбка глупая.
Чтоб цветочки там всяко-разные.
И неглупая, и прекрасная...
Чтоб была она вся феминная.
Не такая, как я противная.
Я с работы и с чёрным зонтиком.
Где ж мне юбочку колокольчиком?

Что-то сломалось во мне с хрустом,
Что-то разбилось во мне звонко.
В платье отстиранном и узком
Девочка с талией тонкой-тонкой
Снилась. И разница наших мнений
Падает чёрным куском шелка
И накрывает мои колени.
Где же ты был? И когда пришел ты?
Я заспалась. Я спала долго.
Я не заметила стук в двери.
Взгляд твой наигранный и колкий.
Не изменил? Зря тебе верю.

Стучали зубы – чтобы верила.
Дробило кости, ломало в месиво.
Открылись губы – и делать нечего.
Пришла к нам в гости боль. Некогда
Сидеть и плакать. Боль острая.
Дождинкам капать, бить по носу...
Дробит и рушит, и вдруг – кружится,
Болит и сушит. И вновь рушится.
Стою. Болит. И Земля вертится.
Душа моя долго так мелется.

Ты ушел от меня с горечью,
Со слезою глаз пасмурных.
Говорили глубокой полночью,
А потом вытирал насухо
Мои слезы ветер ласковый.
Теплый, летний.
И ночь рушится...
Недоспевшими звездами дышится.
Или душится?
А прислушаться? –
Снова слышу голос нежный я
Со смешинкою. Со слезинкою...
Ты прости меня.
Птичка вешняя
Принесет тебе утро с росинкою.

Я за Вами пойду в ад,
Если Вам посулят боль.
Мне бы только поймать взгляд,
Мне бы с ран отряхнуть соль.
Воланд, милый, я Вам кто?
А в ответ: "Мне – никто". Страх.
Но когда упаду, то
Крыльев черных один взмах
Мне не даст умереть...

Александр Щедринский,
журналистика, I курс:

Скажите, а имеет ли значение, что меня побуждает писать стихи, кто и что вдохновляет, во сколько лет появилось первое бездарное творение, которое на первых порах считал гениальнейшим? Нет, я вообще обожаю авансы на возраст и всё такое, но была бы моя воля – никаких предисловий, никаких пояснений и оправданий авторских задумок: почему это так, почему это этак...

Поэтический сборник – это связь двух людей: автора и читателя. Связь, образующаяся исключительно самими стихотворениями, без всякого околопоэтического инвентаря. Читатель должен интересоваться и ценить не биографию автора, не его умные размышления по поводу того, что такое поэзия и почему ему от неё тепло, – пускай такими важными вопросами занимаются специально обученные люди в специально созданных литературных жанрах.

Цените поэта исключительно за стихотворения! Поверьте, ему будет безумно приятно...

Мне будет безумно приятно!

Александр Щедринский

Звезда моя, звезда моя ночная,
Как я устал за мглою тщетно наблюдать.
Ищу твой свет, найдя – опять теряю.
Молюсь Мадонне на краснеющий закат.

Звезда моя, звезда моя ночная,
Кому теперь ты скрашиваешь путь,
Так мягко огоньки к воде роняя,
А поутру спевая их задуть.

Звезда моя, звезда моя ночная,
Ах, скольким будешь ты ещё светить,
Со сколькими ласкаясь и играя,
По небу пустишь шёлковую нить!

Звезда моя, звезда моя ночная,
Я этой ночью буду снова не с тобой,
Свети, играй, другого опьяняя,
Бросая блёстки над замёрзшею рекой.

Младшая сестра

Он был влюблён, сиюминутным помутнением
В эффекте ночи закружилась голова,
И так случайно прозвучали, без стеснения
Такие главные и нежные слова.

Он не играл, нет-нет, не лицемерил,
Во тьме не прятал и не опускал глаза –
Он даже сам во всё это поверил,
Он был в словах своих сто раз уверен
И столько ж раз готов был вновь сказать.

Но что есть ночь? Какой нам в ней резон?
Чтоб снять ответственность наутро
за содеянное?
Спасибо вам... И горе вам, те верные,
Кто помнит сладость фраз ночных и днём!

Она ждала его с утра и до утра.
Когда же видела, идущего под руку
С другою, то давала всем поруку,
Его оправдывая при своих подругах,
Мол, это только младшая сестра.

Но вот однажды в летнем парке ввечеру
(Уж лучше б её кто убил на месте!)
Она увидела целующихся вместе:
Его и его «младшую сестру».

Вы знаете, бывает, рвётся трос,
И рушится всё сразу, по сплошной.
А что же делать, если и с душой
(Ещё и со своею – не с чужой)
Случается надрывный повод слёз?..

Она заплакала, завывала так истошно.
И к чёрту всё! Плевать, что некрасиво!
(Причиной быть – конечно! – это можно,
Ну а объектом – недостойно да стыдливо?).

Но тут он обхватил её за плечи,
Обнял так крепко, как в злосчастный первый
раз...

И вмиг в глазах её поплыл июльский вечер.
Она простила всё: несбывшиеся встречи,
И горечь слёз, и жар душевных свечек,
Ведь он, как прежде, с нею и сейчас!

Она смотрела на него усталым взглядом,
Головку плавно наклоняя вниз.
Ну а «сестра» посмеивалась рядом,
Как будто знала то, что знать было не надо,
И словно ждала приподнятия кулис.

А он стоял, объятий не тревожа,
Она глотала сквозь рыдания слова:
«Мой милый, нежный, ласковый, хороший!
Я так боялась, что не любишь меня больше
И что на людях не захочешь узнавать».

Он улыбнулся: «Что ты, глупенькая, что ты!
Какая дивная у девушек черта –
Выдумывать, накручивать чего-то!
Люблю тебя! С вернейшею заботой!
Ты ж мне... ну... словно младшая сестра!».

Вмиг всё обрушилось. Кузнечик бил набатом,
И летний ветер щёки разжигал дотла...
Она смотрела на него витринным взглядом,
Не понимая, понимала эту правду,
Что младшею сестрой была она...

Когда бывает – спутаны все нити,
И на порог приходит чёрная беда, –
Тогда хоть гадостей в пылу наговорите,
Хоть молча развернитесь и уйдите,
Но одного, молю, не надо никогда:

В печали и в житейскую метель,
И даже смерть когда вступает в ближний бой...
Не называйте вами дышащих людей
Так приговорно «братом» иль «сестрой»!

День обесточен.
Скачут, беснуясь,
Проводки его оголённые нити.
А мне наплевать!
Я с тобой в поцелуе...
Как пьяный монтер,
Не желаю чинить их!

* * *

А давай друг друга полюбим?
Просто так –
не назло,
не ради.
Я схвачу тебя утром ранним,
Понесу через снежные дюны.

Я не струшу –
нет-нет! –
рискну,
обойду и январь, и февраль,
прошепчу тебе что-то про рай
и, целуя,
внесу
в весну.

Ну а если случится беда,
И ты спрыгнешь с ознобленных рук...
Одичавшая
в холодах,
скажешь:
– Ты
самый
лучший
друг...

Если встанет весенний дурман
так по-зимнему –
на дыбы
и споёт:
– Для твоей судьбы
нужен парень
из мартовских
стран. –

Что ж...
Приемлю любой итог –
побреду я обратно,
шатаясь...
Но дойду ли?
Неважно!
Не знаю!
(Утешение – «сделал, что мог...»)

Но пока мы ещё в декабре...
И пока петухи не пропели,
я стою у твоей постели
на коленях,
как на алтаре.

И боясь прикоснуться сильнеей
(Ну а вдруг
не то?
вдруг
грубо?!)
обнимаю губами губы...
И светло так...
Так
трепетно мне...

И подрезав дорогу
сну,
я шепчу тебе что-то про рай...
Просыпайся, мой ангел,
вставай.
Нам пора...
Нам пора
в весну!

* * *

Весна, вошедшая в февраль!
Ты будишь яркие фанфары...
Хоть снежнозвонные удары
Ещё играют пастораль.

У вас дурманящий дуэт –
Такой ансамбль мне по нраву!
Всё между нот, не по уставу!
Всё то, что любит так поэт...

Я полон донжуанских сил,
Пусть и стыжусь от их явления...
Но что поделаться в изумленьи,
Коль ради смеха, развлеченья
Меня Амур изрешетил!

Сейчас в любви я Бог и царь!
И об одном молюсь до дрожи...
Чтоб в мартовском слащавом ложе
Меня не посетил январь!

Жеребёнок

В тёмном стойле, среди тины в корыте
Под открытою пылью звёзд
Жеребёнок стучал копытом,
Доедая подгнивший овёс.

И устало так, сладко смыкая
От работы пустые глаза,
Видел сны с лошадиного рая,
Видел в цвете сады и леса.

Он пыхтел, как в болоте зыбком,
Шевелил так забавно ртом,
Может, нет у коней улыбки...
Но у этого была испокон.

Потихоньку поплыли заборы,
Колоски завели хоровод,
Белым лебедем стал дикий ворон
И отправился в плавный полёт.

Конь уснул, суетой утомлённый,
Так наивно и мило так,
Но не ведал в идиллии сонной,
Что судьба свой держала абак...

В этот час с ежедневной пьянки,
С захудалого кабака,
Проигравшись в бридж под баранку,
Полз помещик без сапога.

С диким рёвом раскрывши ставни,
Залетел в жеребёнка «дом»,

И давай по рабочей ранке,
Беспощадно лупить хлыстом.

Взвыл товарищ гнедой со стоном:
«Ах, хозяин, за что, за что?
Я же службой от звона до звона
Свою спину истёр в решето».

Он рыдал, он хотел пощады,
Он глазами врезался в упор
Всё молил: «Не надо, не надо!»
А хозяин хлыстал на измор.

Подкосились предательски ноги,
Конь упал под тяжёлый хрип...
Мышцы резко пронзили дроги,
Приглушённые скрежетом лип.

Весь избитый, с трудом дышащий,
Друг в ладони уткнулся «врагу»...
Нежно, как в припорошенной чаще
Лучик солнца скользит по снегу.

Он лизал его жёсткие руки,
Тёплой кровью от холода грел,
И за все принесённые муки
Лишь доверчиво в очи смотрел.

Жеребёнок уснул утомлённый,
Так беспечно, как в сладкий май.
Пусть же снится ему священный
Лошадиный неведомый рай...

* * *

Что мне от Киева
до Одессы?
Не далёкий путь –
не через тернии
к звёздам.
Лишь бы знать,
что ещё я здесь буду уместен,
лишь бы знать,
что ещё
не поздно...

Лишь бы знать, что тебе это
очень нужно,
что ты ждёшь
и волнуешься
под июньским небом,

где надежда с тоскою
в фокстроте кружат
и,
подставляя подножки,
переходят к степу.

Возвращаться из Киева вновь
в Одессу
очень сложно и страшно
среди мыслей
грозных.
Когда ты одна,
А парней – тысяч двести,
то, ей-богу, как
через тернии
к звёздам.

Не ты

В толпе бесцветной,
среди субботней
суеты
смешался я,
распаренно-влюблённый,
срывая с дам плывущих
капюшоны.

А заглянув, страдая:
«Нет,
Не ты... Не ты...»

Встречаю многих:
и красавиц, и пустых –
всё скучно,
предсказуемо
и сонно.

Но вдруг... Я вижу то ли Счастье,
то ли клона,
что держит полумёртвые цветы.

Неужто мои смелые мечты
позволено исполнить
в одночасье?

Готов бежать к ней!
Только разум пламя гасит
и убеждает:
«Просто схожие черты!»

Не верю... Отторгаюсь...
Не простыть
никак мне от
слепого вожделья...
Но неужели

прохожу так целый
день я,
смирившись,
что похожа, но
не ты?..

Стою...
В глазах – машины,
гул,
мосты.

Ползут, толкаясь,
в мозг, а то и
дальше...

Но мне, как будто, на
подкорки вшили датчик,
и я –
ни шага до волнующей черты...

Трамвай...
Забрал
тебя ...
В душе моей – пустырь...

И с давних пор
я лишь о том
молюсь
и мыслю,
чтоб в ту субботу,
среди толпы
протухше-кислой
случайно оказалась
всё ж не ты...

* * *

Вот и всё
Квадрозебрный финал
И флажки вокруг глаз
каруселью
Наконец-то я к вам
попетлял
Александр Сергеич
Есенин
Вот и всё
За спиной никого
Я один но всё слышу
с весельем
«Давай к нам!»
А вверху
На табло:
P.S. Пушкин Сергеич Есенин
Вот и всё
Я на пятой лечу

«Англетер» гей-француз Руставели
Руставели? Да да не шучу
А за ним Сергей Саша Есенин
Вот и всё
Здравствуй здравствуй
Родной
Что ж ты долго так
Мы аж вспотели
На запей «Бордо» миску
икрой
Александр Щедринский Есенин
Вот и всё
На петле револьвер
Мне щекотно «Разряд!»
В небе веник
Руставели француз «Англетер»
До свиданья Ульянов Есенин

Від трембіти послання – чека Люцифер...
 Запах з цвинтаря квітів і гною...
 Але ж я ще живий, я іще не помер!
 Що ж ти, доленько, робиш зі мною?..

Ні, не час, ще не час! Помилилася ти!
 Доторкнись лиш – долоні гарячі!
 Так чого ж мої думи, ці думи-кати
 Не спочинуть від жорсткої вдачі?

Нещодавно я на роздоріжжі стояв,
 І у думці тримав якийсь вибір...
 Я і сонце, і місяць чекав-проводжав,
 А тепер маю зрізаний вимір...

Як із оком одним, як з біноклем без лінз –
 Воно й є, та лише «на бумазі»...
 Це як озеро виплакати, тільки без сліз,
 Як плескатись... в горілчаній бразі.

Я завжди був собі сам і ворог, і друг,
 Не жалівся нікому від болю...
 А сьогодні якийсь мене вдарив недуг
 Та вимушує слухатись долю...

Все у неї, нічого у мене тепер...
 Як би я не ридав та не кволив,
 Мені сказано: «Там тебе жде Люцифер,
 Будь ласкавим, сьогодні – о сьомій...»

Мост Мирабо

Мост Мирабо. Стою. И в ожиданьи
 Колотит сердце, как в отчаянном бою.
 Ты не пришла, но это – опозданье,
 А потому... Мост Мирабо... Стою...

Мост Мирабо. Стою. Трясутся руки
 И белоснежный теребят платок...
 Ты лишь опаздываешь! Это не к разлуке!
 Но всё ж... Мост Мирабо... Вперёд шажок.

Мост Мирабо. Стою. И ночь настала...
 Под хохот филина летит платочек в грязь...
 И вдруг, как молотом: «Она не опоздала!»...
 И вдруг, как в дымке – я с мостом теряю связь...

Мост Мирабо... Сокрылся за спиною...
 Прыжок... И клочок набегающей волны...
 Я не стою нигде... Я ничего не стою...
 Опустошён... Водой лишь лёгкие полны...

Как сложен мир среди вершин непокорённых ...
 Вся жизнь – безвыигрышный, нелогичный блиц...
 Ведь днём я приходил на мост влюблённых...
 А покидаю мост самоубийц...

Мы безбожно отделились, тем не менее,
Я брожу под твоим домом, словно тень.
Но не гложет боль и сожаление –
Просто скучно стало в этот день.

Не сидеть же истуканом в комнате!
Не шагать по гальке в январе...
Вот поэтому я – в пыльном городе,
А точнее – в твоём маленьком дворе.

Как же здесь до боли всё известно:
И качели, искривившиеся вбок,
И знакомое в беседке наше место,
Где "Люблю тебя!" – мелками на восток.

До чего же ласковость родная!
Хоть усни здесь, околеи в бреду!..
Милая... Вернись!.. Я обещаю:
По чужим беседкам больше не пойду!

Я не наклонюсь к тебе с любовью
Поздним вечером, до дома проводив...
Не предамся хоровому пустословью,
Как привычный подпарадный коллектив...

И не обниму, не поцелую.
Только на прощанье улыбнусь...
Я бы мог найти себе другую,
Как наивно даму ищет туз...

Но тасовка до экземы надоела –
Тридцать пять... И лишь один кристалл...
Я колоду сверху сбил на веру
И шестёрку перетёртую достал.

Пусть другой отпрянул бы, скривившись,
Скинул карты, сдался, спасовал...
В наше время всё теперь – в престиже...
Вместо сердца – вогнутый штурвал...

Я ж повёл себя в неактуальном ладе...
«Почему?» – твердят растерянно вальты.
Да ведь раньше выпадал я с ней в раскладе
В час свежепечатной чистоты!

Из времён, когда размокшие чернила
Нашей юности не истрепали масть...
Я узнал в шестёрке даму, что манила
Мой мальчишеский покой в девичью сласть...

Я повёл себя с ней вовсе не по моде...
И сейчас мне жаль лишь одного...
Что встречались мы и раньше вне колоды,
А она и не запомнила того!

Волчье одиночество

Он один против бурь и нещадных снегов,
Он один, но не хочет поддержки,
Он один, а на брюхе – следы от клыков...
Но ему ваши жалости мерзки!

Он один – это значит, что сам за себя,
Он один, значит не с кем делиться.
Он один, значит, с холоду зубы дробя,
Не сойдёт с белоснежной границы.

Он один, значит ты – уходи, пока цел.
Он измучен, но горд, как и прежде,
Он забыл про снега, для него – это мел.
Для него безысходность – в надежде!

Он один, а из брюха течёт и течёт,
Превращается мел в красный порошок.
И всё чётче он слышит, что гибель влечёт.
И всё чётче её каждый шорох.

Он один, но совсем не подавлен судьбой,
Не скулит, не жалеет, не хнычет.
Об одном лишь грустит, что не он, а другой!
Отобрал в честной битве добычу.

* * *

Вот так вот банально –
любовь умерла.

С неба упала,
покорчилась вдоволь,
вскинула вверх два
облезлых крыла...
И всё...
Вот так вот любовь умерла.
Без экста-,
без ничего такого...

Никто не заметил –
ходили вокруг,
как обычно,
искрясь
ироничным взглядом.
Порой лишь плевали
на пыльный
труп –
мол, нажралась и спит –
поделом!
Так и надо!

Что душою кривить?
Да и мы с тобой были
в когорте плюющих
с галлонами
зла.
Но самое страшное:
В клубах этой пыли
Мы горя не видели...
Не оценили...
Что это...

Наша
любовь
умерла.

Вот так вот банально:
любовь
_____у-
_____мер-
_____ла.

Хай ніч вривається у вікна без мети.
Хай свище і лякає завірюха.
Не йди, не йди, кохана, послухай.
Не йди...

Тобі вже час, я знаю... Та зажди!
Сумними перлами думки в слова складаю...
Ах, знала б ти, як ніжно я кохаю.
Ах, знала б ти...

Мені на плечі свої руки опусти
І не чекай зорі первісної на небі...
Всі зорі, вся любов – все біля тебе
завжди.

Тепер усе... Порожній шум квартир
Усміхнено залишив нас з тобою –
Пальто одів, пішов, де галас вою.
На вулиці й мости.

Цей день непересічний, не простий,
Коли цілуймося – годинник йде тихіше,
В душі підступні замовкають миші
Та не скребуть коти.

Бадьорий місяць шепотить в вікно: «Щасти!»
Й все ближче тягне тіні в срібнім сьайві,
Сховавши нас від оченят всіх зайвих,
Від заздрісних «хвостів».

Тепер я знаю: ніч прийшла не без мети!
Вона на небі розпустила візерунки,
Щоб «я» і «ти» скріпить солодким поцілунком
У «я і ти».

К бюсту завоевателя

Ты был велик,
и смерти брэнной
твоих заслуг
не развенчать.
Везде,
повсюду –
только первым
была судьба
тебе ступать.

Ты был велик,
твой смелый стан
не истребят веков подножья...
Но всё ж...
хоть бюст твой
горд
и прям...
А бюст любимой мне дороже.

Красный шарф

Красный шарф до восторга знакомый –
Моей юности мягкий оскал,
Как давно на хрустящей соломе
Я тебя нежно с милой снимал...

Двадцать лет... эх, далёкое время,
Но всё помню, как будто вчера,
Как лежал я на тёплых коленях,
Притворившись, что мне не пора.

А Она мою хитрость узрела,
Улыбнулась, не подала вид.
Лишь застенчиво так покраснела
Белизна Её детских ланит.

Я всё помню до трепетной дрожи,
Ничего с той поры не забыл,
Когда время казалось моложе,
Когда месяц нам ярче светил!

Двадцать раз уже осень терзала
Опочилые пряди листвы,
Но она у меня не отняла
Буйный пыл молодой головы.

А сейчас, проходя по аллее,
Что я вижу?! Тот бархатный шарф...
Сердце вновь по-мальчишески млеет
Под мелодию сладостных арф...

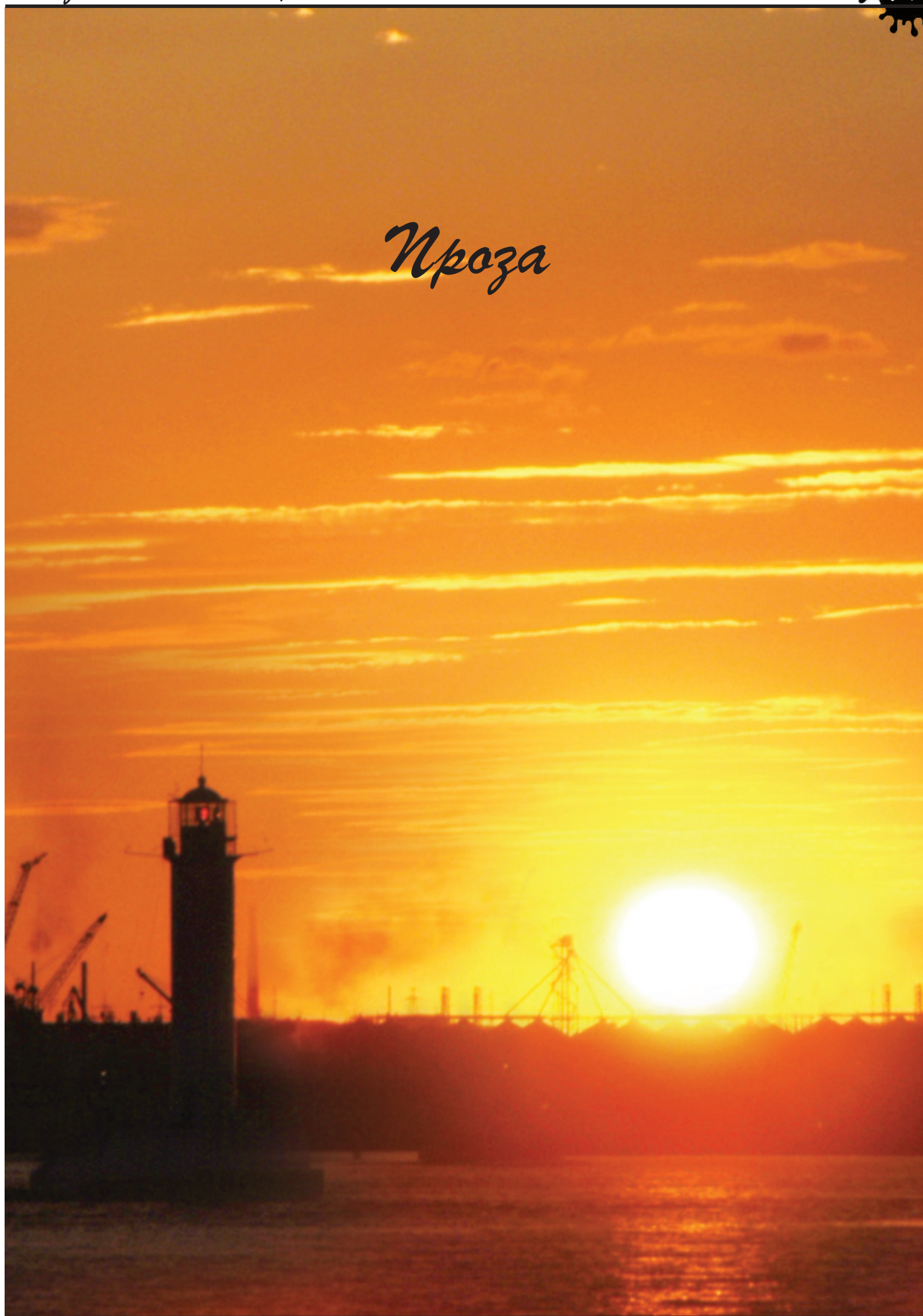
Та же тишь, тот же запах весенний...
Тот же вечер в своей красоте,
Только месяц немного смятенней,
Только мы с Ней немного не те...

Подойду без единого звука,
Улыбнусь, взгляд теплом пронизав,
И, пожав Её спутнику руку,
Растворюсь, ничего не сказав...

Он же спросит: «А что за мужчина?
Что за странный аристократ?»
А Она: «Не ревнуй, дурачина,
Это лишь пятиюродный брат...»

Проза

Мария Залевская,
русский язык и литература, II курс:

*Писать о себе – неинтересно.
Пресные строки и никакого сюжета...
Лестно внимание остальных...
Честно, я хочу быть известной.
Поэтам и прозаикам всегда нелегко...
И гениев не понимали в их время.
Строка за строкой... Слова – за рукой...
Сквозь жизнь пронесу это сладкое бремя...
Воздушные мысли... Эмоции – в столбик.
С тетрадью поделюсь своим Прозрением.
Послушные буквы накинута на нитку,
надета на шею,
пойду – к Вдохновению.*

Мария Залевская

Запах букв

Звук. Рвётся ткань... Грань бесконечности нарушена. Как целостное кружево, как круг, кольцо, овал... Астрал вокруг реальности. Банальностей поменьше бы. Всё крутится, всё движется – ритмичность и завершенность. Подверженность событиям внушает телу ужасы. Да, телу, а не сущности. Душа безумно мечется: всё в поисках надёжности, всё в поисках безопасности. Не нужно бесконечности, чтобы понять все сложности. Не хватит её, что уж тут – зачем тогда гадать? Понять все жизни ценности, в порыве вдохновлённости, всё описать и выложить... Но не хватает слов. Придумайте же новые! Горячие и точные. Просроченные термины не привлекают слух. Сейчас не разберёт никто, к чему пишу я странности? К чему стремлюсь к бескрайности и к выраженью чувств? Причём тут ткань и целое?! Уже осточертело мне бороться с непробудностью и с выбрыками муз. Но я пишу, и нужно мне – как воздух, как стремление – больное вдохновение, родной порыв к перу. Бумаги запах клетчатый. Потрёпанные букочки. Как луковки и бантики, как бублички и хвост... На нос пенсне родимое когда-нибудь надета я и буду перечитывать... но нет! Буду писать! Сказать, что дура старая, конечно же, захочется кому-нибудь безвредному, а просто не в себе. Но всё равно на мнения. Мне б только оживление, которое случится вдруг, коль слово подойдёт. Печатать строки плоские или нашкрябать лобзиком... Не важно, лишь бы буквами... Спасёт меня, спасёт! То чувство, что с рождения... больное вдохновение... бумага, ручка... пульс до ста... А может выше... ерунда... Пишу – и всё тут. Навсегда.

История одного дня

Спрятались по своим норам-пещерам пресмыкающиеся.
Заполнили весь город зонтичные.
Солнечные прозрачные листики растворили меня в городе.
Высокими тополями и клёнами
вырисовывается дорога в праздничность.

Будничность не приветствуется.
Холодно в ней и голодно.
Серые голые столбики и чёрно-белые карточки.
Шарики, шарфики, шапочки – вот то, что нужно для радости.
Самые разные сладости. И петушки на палочках...
Мне бы перо гусиное... И чернил бы цветных баночку...
Ветер смешала бы с радугой. Дождик – в цветную рамочку. Поставлю на книжную полочку или на прикроватную тумбочку.

И снова – на узкую улочку.
И снова – ногами ватными...

Спрятались по своим норам-пещерам пресмыкающиеся.
Сейчас город спасут только зонтичные.
Жёлтые, красные, синие и всё такие же солнечные.
Песочными пыльными бурями закружит меня октябрьский
Ветер.
Не лень обойти все улицы. Почудится, что промчится мимо
Серебряный олень...

На трамвайные рельсы, проросшие
мхом, таким безнадежнейшим,
аккуратно опустится тень.

Уходящий день заберёт с собой
Радость, восторг, людей...

Спрятались по своим норам-пещерам пресмыкающиеся.
Позакрывались по своим домикам плюшечным и зонтичные.
Ночь наляпистой цветастой бабой вместо чайника накрыла город.

И звёзды начали петь спокойно и размеренно
о том, что сны будут только счастливые...
О том, что жизнь у нас будет красивая...

О том, что завтра будет хороший день.

Осенние вечера

Осенние вечера... Ветра порывами срывают крыши, сбивают дома. Иду не одна. А как будто – пусто... Огни на улицах стирают грусть. Воспоминания накрывают так, что, чувствую, – не вернусь...

Так празднично... Современный город. Большие освещённые окна. Стыдно показывать морось в глазах. Шарфом замотаться по уши, и первый снег на голову непокрытую. Первая любовь в волосах.

В ярких люстрах из окон грустных... Тусклые голоса... Размыто всё... Только глаза... Все одинаковые... Все одиноки. Но ненадолго вдруг засветятся. Каждый человек отметится, распишется в Книге Памяти. И пойдёт, завертится... Кто-то уйдёт после этой росписи... Туда, где уже никогда не женится... И детей у него не будет уже никогда... А он так мечтал...

А кто-то останется. Раскрутится. Будет продолжать совершать глупости. И не замечать отражения чужих зеркал...

Оскал судьбы часто непредсказуем. Неожидан. Опасен... Совсем не в тему... Но беспощаден.

А осенью, вечером, иногда даже по встречной, а иногда – просто дома, за чаем, всё вспоминаем и вспоминаем. Всё по кому-то (чему-то) вздыхаем... Не понимаем: не вернуть. Сжечь, откинуть, обмануть иллюзию!

Прошлое – пусть счастье или контузия – оно прошлое, за чертой. В сердце только светлая память. О людях, событиях, чувствах... Снова грустно? Наверное, можно позволить. Когда осень... И вечер... И делать нечего, кроме как вспоминать... Уважать прихоти личные хотя бы иногда надо.

И любовные записки всё равно приятней... И белые голуби, как и раньше, – символ... И красиво, когда на лодке – в радугу... Парабола ассоциаций неизменна.

Осенними вечерами каждый год... в сумраке неба... в калейдоскопе хлопот... у большого окна

и размытых картин вспоминаем...

Осенними вечерами только тепла... тепла чая и рук неизбежно хотим.

Направление

Разрисовано яркими красками то, что перед глазами сливается. Улыбаются дети и странные. А нормальные – опасаются. Распахиваются двери магазинов, от которых я отстраняюсь. В суету праздничных салонов, может, и хочется, да как-то стесняюсь.

Ещё не пришла пора. Еще не зажглись все огни.

Бегу я куда-то одна... И все фары слились в одни...

Светофоры иступленно догорают последние дни...

Подо льдом лучше бегать: так быстрее спешить. Хотя падать – не очень приятное дело... Впрочем, я и не падала. Обрадовала вечер своим присутствием... Зажгла ёлку в лоснящейся витрине. Снег как-то сегодня дозированно: подделок, видимо, остерегаются... Люди с замерзшими пальцами синим пламенем разгораются... В подождённом виде, конечно, теплее. Но, главное, чтобы стрелка повернулась в нужном направлении...

Петушка на флигеле никогда не замечала. Качается одинокий на верхушке дома. Одичалого какого-то... Сырого... А петушок качается... Почти что срывается под толчками ветра. Километры пролететь мечтает... А крыша не отпускает... Флигель не отпускает... Ветер...

Замедляю шаг, поднимаю голову... Провожая взглядом стрелку на юг. Дети какие-то, сумасшедшие и маленькие, мелькают перед глазами. И я смеюсь вместе с ними... Очень просто, оказывается, быть счастливыми...

Разорву фантазий вихрь внезапным порывом вперёд. Лёд не пугает больше. Такая свобода в родном пространстве – это куда больше воздуха. Это когда можешь вырваться и не зависишь от тех магазинов и баров, что кругом. От тех людей, что идут и едут домой... Когда твоё направление – прямо. Когда вот-вот и услышишь восторженные хлопки рук.

На юг, на юг, на юг...

Творец=спасатель

Темнота. Бесконечность. Здесь всё так же, как прежде. Надежда на счастье, любовь, на то, что мир будет светел. Ветер ищет беспечность в моих белых одеждах.

Горизонт кто-то стёр небрежно...

Затерялись все линии. И, в тумане промокшие, сны бродили... Заблудившиеся... Неосторожные...

Чернота луну скрыла двумя своими ладошками.

Чудеса невозможные открывает ночной берег тебе, если ты – творец... до последней капли души. Мудрец создал всё здесь, самый главный Творец. А ты – просто дыши. Пиши. Ты творец по другой части. Но хоть чуток, а подвластен тебе мир всех стихий, эти нити реальности и фантазии только ты можешь морем переплести и сойти на другой берег спасателем. Мысль важную донести... Человечество тускнеет и гибнет от своих предателей...

В каждой строчке или в краски мазке заключается смысл и помощь тем, кто сознательно это творчество с взглядом впитает в душу. Слушать важно, а слышать нужно.

Море. Песок. Звёзды. Воздух.

Что еще надо творцу для прозы? Для лирики, музыки, для картин... Путь для создания все равно един...

Слезы? Смех? Эмоции... Правда... Но тишина иногда – единственное, что действительно надо...

Мы опишем по каплям... Паря в облаках или наступая на мины, по атомам соберем целостную картину... Мы творим... Мы едины.

По волнам пробегись, окупись в лунную дорожку... А потом соберись и напиши о возможном. Невозможном... О людях... О мире... О туманном и ясном... О приятном и липком... Ты творишь, пока кто-то совершает ошибки. Пока кто-то нуждается в чьем-то совете. Пока войны идут и погибают дети...

Захлебнувшись в своем одиночестве или вырвавшись на миг из толпы обывателей, ты спасешь мир. Я спасу. Мы творцы, значит, мы – спасатели.

Сергей Остапенко

«...времени уже не будет»
Откровение Иоанна Богослова (глава X, 6)

Четыре

IV

С начала августа вдруг поднялась плохая погода, не утихшая до самого сентября. Ветер был силён и груб: поднявшись раз и разгулявшись улицами, вкусив прелесть бытия в каждой плоскости и точке пространства, он теперь находился везде и тревожил верхушки деревьев, превращая аллею в серию гигантских хронометров. Время шло.

То возникал, то пропадал дождь. То исчезало, то появлялось на помятом небе солнце – замученное, утомлённое своей бесполезностью среди туч, ветра и идущего времени.

Беспокоилось море – и потому давно были закрыты все пляжи. Несколько отчаянных купальщиков, презревших запрет приближаться к воде, погибли в борьбе с нею – и не было отваги отправиться искать их тела. Ждали, когда морю надоеет игра с погибшими и оно само выбросит их на берег.

Листья порыжели раньше срока. Казалось, город горел печальным пламенем, промокшим под дождём. Деревьев было много, очень много. Издавна существовал обычай сажать дерево в честь каждого умершего. Сколько город знал мёртвых – столько знает деревьев. Потому живые боятся города.

Двое.

Один – болезненно-бледный брюнет, высокий, но сутулый. Вид у него задумчивый, утомлённый. Он идёт вялой походкой, уныло шаркая по небритой щетине асфальта. Он говорит что-то своему спутнику тихим, слегка надтреснутым голосом, в высшей степени равнодушно, так что возникают сомнения: верит ли он сам в то, что говорит, или его монолог – плод одной лишь голой мысли.

Другой – плотный коренастый мужчина, с джокондовской полуулыбкой дымящий сигаретой. Каждое его движение проникнуто расслабленностью, разумной экономией энергии. Он внимательно слушает своего собеседника.

Успокаивается дождь; утихает ветер; разговору двух прохожих почти ничего не вторит.

– Нет, Чёрный, добровольное начало нельзя удалить из человека, как бы кто ни пытался – пусть даже сам этот человек. Почему? Да потому что это приведёт единственно к смерти, как нравственной, так и физической. Я даже больше скажу: добровольное начало является тем решающим фактором, тем определяющим моментом, по которому устанавливается специфика характера индивида. Перефразирую для ясности: исходя из того, что человек сделал сам, добровольно, и никак не из того, что его заставили сделать, мы понимаем сущность его души... Послушай! – брюнет, прекратив бубнить, остановился и в каком-то полу-недоумении огляделся. – Да ведь дождь перестал!

Вверху серело небо, затянутое лёгким ровным, без прорех, полотном туч. Солнца видно не было, но его присутствие явственно чувствовалось за серым небесным покрывалом. Ветер угасал и временами даже не ощущался. Деревья выпрямляли осанку.

Парень вдохнул полной грудью. Его бледное, в высшей степени неопределённое лицо озарила улыбка, и умиротворённым тихим огоньком засветились глаза.

– Вот славно... Есть хорошие слова, – знаешь, Чёрный? – очень тихие слова, очень проникновенные... Послушай: «безмолвие на полчаса»... Это кто сказал, не знаешь?

Чёрный пожал плечами и выпустил клуб дыма.

– Не знаю. Из рекламы, наверное.

Парень немного подумал.

– «Безмолвие на полчаса»... Нет, это не реклама. Это, видимо, кто-то из русских классиков. Действительно хорошо сказано! Безмолвие на полчаса – это ведь как начало и конец другого отсчёта времени. Полчаса другого времени, в котором нет ничего, кроме тишины и безмолвия. А? Ты как думаешь?

– Я ничего не думаю. Я хочу поскорее закончить и ехать: меня ждут друзья.

– Тогда пойдём.

День, тем временем, замер. Молчал город. Не шевелились деревья. Улицы были продолго-

ваты и пустыни. Пространство обрело сходство с незавершённой метаморфозой – не в плане осязаемости, но прозрачности, формально-содержательной неопределённости. Широкое в начале, в точке отсчёта, оно не поразило широтой горизонта, а, ограниченное аллеями и домами, скупо и куцо сужалось к пределу видимости. Этим пределом был лоскут унылого неба.

Это не нравилось Чёрному; он безотчётно ощущал некое подобие тревоги и хотел в тепло. Он машинально осматривался в поисках радуги, но серость воздуха была однородной, она не разбивалась безудержным семицветным весельем ни в одной своей точке. Это настораживало и тревожило Чёрного. Но виду он не подавал и продолжал спокойно курить, косясь на часы: пока всё шло по графику, но если не поторопиться, то...

– Знаешь... – задумчиво начал парень (его фамилия была Сирин). – Возвращаясь к нашему разговору... Мне сейчас в голову пришёл отличный пример – это я по поводу доброй воли и сущности души... Есть хорошая притча.

Чёрный докурив сигарету и ловким щелчком отправил окурки в стоявшую рядом урну.

– Словом, шли как-то два мученика. Каждый нёс на спине свой крест. Но один нёс молча, а другой всё время скулил: «Господи, уменьши мою ношу!». И так он долго стонал, что Господь внял-таки его мольбам и сделал его крест в два раза меньше.

Сирин прочистил горло.

– Но вот они подошли к пропасти, к глубокой пропасти без начала и конца. А вокруг – ни моста, ни даже дерева, которое можно было бы срубить и использовать как мост. Тогда тот, который не роптал, взял свой крест и перебросил его через бездну – длины креста как раз хватило. Он перебрался по кресту через пропасть, забрал его и пошёл дальше. А второй так сделать не смог – крест оказался слишком маленьким. И так и остался этот человек стоять на краю пропасти, лишившись надежды перейти через бездну...

– Знаешь, что самое глупое? То, что эту притчу истолковывают так: «Не надо роптать». Нет, смысл здесь другой, смысл – в необходимости взаимопомощи. Ведь что стоило тому, первому, сказать: «Брат! перейди через пропасть по моему кресту». Так нет же: сам перебрался, крест убрал, а ближнего не возлюбил, не подумал о нём, не позаботился. В итоге – убил в ближнем надежду. А нет греха хуже, чем убить надежду! Его-то, этого ближнего, может, пожалеть нужно было – пожалел же его Бог, раз внял его мольбе! Ты как? согласен?

Чёрный полез за новой сигаретой. Он решил молчать. Ему было неинтересно, Сирин начинал раздражать его, и Чёрный подумал, что надо будет попросить шефа дать ему другого напарника. О Сирине ему, конечно, рассказывали, но Чёрный никак не ожидал, что всё будет настолько запущено.

Слово это – «запущено» – понравилось Чёрному, и он повторил его несколько раз про себя, как бы пробуя его на вкус. Вкус оказался интересным, и это открытие было ознаменовано успешным раскуриванием сигареты. И в самом деле: «запустить» значит «отправить в движение», «завести» и, в то же время, «иметь давно больным, не вылеченным». К Сирину, похоже, в равной степени относилось и то, и то. Внимание Чёрного вдруг зацепилось за парня, резко соскочило с лингвистических изысканий на него, и Чёрный с удивлением обнаружил, что спутник его давно говорит о чём-то своём.

– «Безмолвие на полчаса», – чёрт, хорошо сказано! Это ж ведь почти что я сказал! Я должен был это сказать! Потому что это ведь как если бы мир молчал, весь мир молчал! И небо молчит! Кстати, я сегодня по радио слышал, что через семь лет взорвётся солнце. Представляешь, как тогда небо будет молчать? Нечему будет молчать – потому что ничего не будет; но пока – наслаждаться жизнью! Безмолвие – всего лишь на полчаса, через полчаса вернётся дождь! А через семь лет не будет и этого!

Чёрный хмыкнул. Он решил сменить тему на какую-нибудь менее патетическую и, с его точки зрения, менее фальшивую. Хотя и собирался было сказать, что за звук пусть бы даже и дождя он отдаст всю тишину, какая только возможна. Но Сирина невозможно было переспорить; самое большее – перечувствовать.

– Послушай, а почему тебя называют Сирин? Это твоя кликуха или реальная фамилия?

– А почему тебя называют Чёрный?

– Я первый спросил.

– А мы разве в яслях-саде?

Чёрный промолчал. Он хотел сказать, что отвечать на вопрос вопросом – невежливо, но понял, что своим замечанием поставит Сирина в неловкое положение. Чёрному не хотелось этого. Вообще же он начинал злиться на себя: что-то в этом парне казалось ему таким неправдоподобным, чуждым, фальшивым, что даже здравый смысл на его фоне казался ущербным и неловким. Да и сам Чёрный чувствовал себя неловко. Хотя причину он вряд ли смог бы назвать.

– Да, – вдруг обронил Сирин.

И вновь замолчал.

Так прошло две минуты. Аллея начинала плавный спуск и, похоже, медленно приближалась к концу. Чёрный выбросил сигарету и закурил ещё одну. Он с тоской шагал по лужам и всё более хотел за город, где его ждали на даче друга. На даче – тепло...

– Что «да»?! – вдруг почти выкрикнул он.

– М-м? – удивлённо посмотрел на него Сирин.

– Что «да»? Ты сказал «да».

– Ах, это... В смысле, да, фамилия. «Сирин» – это фамилия. Она означает «райская птица».

Чёрный поперхнулся табачным дымом и минуты две после этого пытался откашляться. Его терпения явно не хватало. Сирин поджал губы. Он не понимал, что такого смешного в райских птицах и зачем ему пытаются испортить лучшие полчаса его жизни.

– Ты чего? – холодно спросил он.

– Я?... ничего... – Чёрный сделал вдох, восстанавливая дыхание, – ты не обращай внимания...

Просто давно пора бросить курить. Кстати, – он сделал ещё один вдох, – мы пришли.

– Куда? – испугался Сирин. – Куда пришли? Где?

– Посмотри направо.

Сирин неуверенно повернул голову, словно боялся ничего не увидеть. Но взгляд его остановился на встроенной в рыже-бежевую хрущовку аптеке большого белого цвета. В контексте хрущовки, в отражении луж, на фоне дня – цвет этот был в высшей степени глуп.

– Аптека? – сглотнул Сирин. – Почему именно аптека?

– Все вопросы к шефу, – развёл руками Чёрный. – Мне тоже это не совсем нравится, но что поделаешь. Схема обычная, я на шухере. Охраны там нет, я узнавал, так что можешь не бояться. Времени у тебя, – здесь Чёрный взглянул на часы и поставил таймер, – четыре минуты.

– Четыре?!

– Четыре. Можешь начинать. Время идёт, отсчёт пошёл.

– Послушай, – Чёрный отметил, как задрожал голос Сирина, – а может, не надо, а? Может, потом? Может, подождать?

– Зачем? – Чёрный внимательно смотрел на напарника. – Иди сейчас, мы поймали отличный момент, всё по плану. Поторопись, не то времени больше не будет!

Сирин криво усмехнулся.

– Ты даже не представляешь, как ты прав.

Он развернулся и направился в аптеку.

III

«Но сердце не переставало. Напротив, как нарочно, стучало сильнее, сильнее, сильнее... Он не выдержал, медленно протянул руку к колокольчику и позвонил. Через полминуты ещё раз позвонил, погромче.

Нет ответа. Звонить зря было нечего...»

Грянул колокольчик. В аптеку кто-то вошёл. Аня скользнула по вошедшему равнодушным взглядом – парень как парень, разве что бледный очень. Наверно, спросит что-нибудь от желудка или от бессонницы.

Аня опустила глаза в книгу и ещё раз прочла:

«Но сердце не переставало. Напротив, как нарочно, стучало сильнее, сильнее, сильнее... Он не выдержал, медленно протянул руку к колокольчику и позвонил. Через полминуты...»

Снова в бессилии брякнул колокольчик – дверь, впуская в аптеку парня и сырость, закрылась. Книгу тоже придётся закрыть – клиентов нужно обслуживать. Тем более что сегодня их было меньше обычного.

Аня подняла глаза на Сирина и изобразила улыбку. Парень же словно забыл обо всём на свете, включая и то, что времени больше не будет, и то, что в аптеке даже тише, чем на улице. Он смотрел на Аню как на явление какого-то другого мира – не существующего, но безусловно лучшего.

Так человек глядит на собственное отражение, когда хочет обеспечить реальность зеркалу, а заодно – самому себе.

Время остановилось. Сирин не дышал. Аня недоумевала. Фраза «Я вас слушаю» всегда раздражала её, а потому она не решалась произнести её. Она стала теревать воротник своего белого халата.

– Я вас слушаю, – капитулировала она.

Парень молчал. В аптеке было тихо.

– Вы в какой детский садик ходили? – улыбаясь левым уголком рта, спросил Сирин.

Аня ступевалась: у неё не было парня, – и уже давно. Такая манера заигрывать её смутила. Впрочем, не время брезговать: девушка, имеющая перспективу остаться старой девой, усваивает

не только это.

В аптеку проникли лучи солнца, и стало белее. Предметы обрели ленивые неопределённые тени.

– Думаю, не ошибусь, если предположу, что в двадцать пятый? – мягко произнёс Сирин.

Его лицо вдруг посетила тихая, счастливая улыбка. Аня увидела сквозь окно мокрые рыжие тополя в лучах солнца.

И вдруг, сама не зная как, брякнула:

– Да...

– Ну конечно! – возликовал Сирин. – Я вас узнал! Мы же в одной группе были! Здравствуйте, Юлечка!

...Юлечка?!

– Ох, сколько же лет прошло! А вы совсем не изменились!..

На улице стояли тополя.

– Все эти годы я вас помнил!..

В окне показался насыщенно-оранжевый диск солнца.

– И очень хотел найти!..

«Зачем я соврала? – пронеслась мысль в голове Ани. – Я ведь и в садик-то не ходила! Зачем?..»

– А вы меня помните, Юля?

– Да, – произнесла Аня и –

...сама себя испугалась.

В лучах солнца плясала пыль. Тени стали отчётливей и длинней. На улице не шевелясь стояли тополя.

– Как хорошо! – ликовав непроницательный, непонятливый, но в данный момент такой счастливый Сирин. – Как хорошо, что я вас нашёл! У меня ведь, верите ли, Юлечка, во всём мире никого не осталось. Да в принципе, и не было никогда никого – только вы. Как мы с вами играли, помните? В «пальцы», помните? Мы всегда изображали пальцами роботов и кукол, если нам не хватало игрушек, помните?

Аня слушала. Ей было неловко.

– А помните, как мы с вами всегда заканчивали завтрак последними, если подавали блинчики, и первыми, если было пюре? Помните?

Аня слушала. Слово «помните» начинало её раздражать. Парень же ей не нравился совсем. Уж лучше оставаться старой девой, чем иметь дело с... хм. В общем, с ним.

– Ммммм... Нет, не помню.

– Да, Юлечка, память – это такая штука, – гнул своё Сирин. Вряд ли он её услышал. – «Память – это след ботинка прошлого, оставленный на дороге в настоящее». Так, кажется, говорил классик? Или кто это говорил?

– Ммммм... Не помню, – повторила Аня. На этот раз – уверенней.

– Но чёрт с ней, с памятью! Помните, как мы дрались подушками? Только мы вдвоём! Остальные трусили. Меня всегда заставляли убирать после наших баталий! Помните?

– Нет, не помню.

На этом «Нет, не помню» Сирин вздрогнул. Он внимательно посмотрел на Аню.

Солнце вновь спряталось.

Аня потупила взгляд.

Лицо Сирина из счастливого и живого снова сделалось осунувшимся, грустным и бледным.

Аня не знала, куда деть руки.

Сирин сунул руки в карманы. Левую он так там и оставил.

Аня сидела, потупив взгляд.

Правой рукой Сирин достал пистолет.

Аня подняла глаза и вздрогнула, увидев направленное на неё дуло.

Если бы время по-прежнему шло, миновала бы минута.

– Не надо... пожалуйста... – наконец произнесла Аня сорвавшимся шёпотом.

– Деньги давай, – скучающим голосом предложил Сирин.

Аня открыла кассу. Парень молчал.

– Заверни в кулёк, – попросил он. Девушка выложила выручку на прилавок. – Или в мешочек... Есть мешочек?

– Есть.

Сирин вынул левую руку из кармана и взял ею туго набитый мешочек. Правым указательным пальцем он поглаживал курок пистолета.

– Вы ведь не в двадцать пятый садик ходили?

Аня отрицательно покачала головой.

– И мы с вами нигде не могли видаться? Ни разу в жизни?

Аня не сводила глаз с направленного на неё дула. И с пальца, поглаживавшего курок. Если бы палец не двигался, было бы не так жутко...

– Вы жестокая, – подумав, сказал Сирин. – В вас нет смысла. И в вас нет смысла, потому что вы жестокая. Вы такая же, как я. За что и должны быть наказаны.

Он нажал на курок.

Прогремел выстрел.

II

На улице его ждал Чёрный. Сирин медленным, задумчивым, но выверенным, чётким шагом спустился со ступенек и направился к напарнику. Тот стоял в напряжённом ожидании на том же месте, где Сирин его оставил.

– Грохнул? – не спрашивая, а скорее утверждая, проговорил Чёрный. – Опять?

Сирин кивнул.

Они помолчали.

– Деньги в кассе были?

Вместо ответа Сирин протянул напарнику мешочек.

– Знаешь, а я ведь скажу шефу, – сказал Чёрный, пряча деньги.

Сирин кивнул. Кажется, он побледнел ещё больше.

– Я тогда пойду, – сказал Чёрный. – И тебе советую: сейчас зайдёт какая-нибудь бабулька за валокордином и обнаружит труп... Ты сейчас куда?

– В церковь, – бросил Сирин, даже не задумываясь. – Мне через полчаса надо быть на исповеди.

– Что-о?! На какой ещё исповеди?!

– Тебе не понять.

– Да пошёл ты! Исповедь!.. Ты что ж, выходит, знал, что грохнешь сегодня эту..?

– Знал, – кивнул Сирин.

Они помолчали.

– Сегодня по радио передавали, что взорвётся солнце, – вдруг произнёс Сирин.

– Ну да, через семь лет.

– Нет, – Сирин поморщился, – сегодня.

Они помолчали.

– А на исповедь... тебе куда? – осторожно продолжил Чёрный.

– Как куда? В церковь.

– В какую?

– А это важно? – поднял бровь Сирин.

Чёрный промолчал. Он хотел сказать, что отвечать на вопрос вопросом – невежливо, но передумал: убивать людей тоже невежливо.

– Ребята в конторе рассказывали мне про тебя.

– Да? – удивился Сирин. – И что именно рассказывали?

– Что ты идиот законченный.

– Угум, – кивнул Сирин.

– А ещё, что ты людей заваливаешь просто так.

– Угум, – кивнул Сирин.

– Но я и предположить не мог, что ты – райская птица.

– О-о, не только, – слабо улыбнулся парень. – Я ещё и тополь.

– Дебил ты, а не тополь, – хмыкнул Чёрный. – Надо было мне послать к чертям шухер и пойти с тобой.

– Зачем?

– Что значит: зачем? Чтоб ты аптекаря не грохнул – вот зачем!

– А-а-а, – протянул Сирин. – Ты о ней... Ты не волнуйся, Чёрный. Я не буду больше.

– «Не буду больше», – передразнил Чёрный. – Мы разве в яслях-саде?

– Да.

Они помолчали.

– Я серьёзно, – Сирин посмотрел на Чёрного умоляюще. – Я больше не буду. Ты меня простишь?

– Я себя простить не могу, чего уж там...
Они помолчали.
– А смысл?! – вдруг спросил Чёрный.
– Смысл? – удивился парень. Он заглянул партнёру в глаза. – Смысл был в Боге, добре и надежде.
– Был?
– Был. Сейчас что-то не так. Нельзя же людей просто так убивать, верно?
– Верно.
– Ну вот и славно. Я пойду. Серьёзно, меня ждут. Я никогда раньше не опаздывал на исповедь и сегодня не собираюсь...
– Раньше? То есть ты уже ходил до этого?
Сирин посмотрел на него мутным строгим взглядом.
– Конечно. Каждый раз после каждого убийства.
– Ого! И сколько же их на твоём счету?
– Считая сегодняшнее – четыре.
– Четыре?!
– Четыре.
Они помолчали.
– Шеф знает? – вдруг спросил Чёрный.
– Конечно, знает. Только он не одобряет. Но говорит, что может понять. Но не одобряет.
Чёрный матюгнулся.
– Разбить бы ему его рыжую морду... – тут Чёрный сплюнул.
– Да перестань ты, – слабо улыбнулся Сирин. – Ничего ты не сделаешь.
– Ничего, – согласился Чёрный. – Но зато я могу уйти.
– Уходи, – Сирин схватил ставшую безжизненной руку напарника и крепко пожал её. – До свидания.

I

Сирин пошёл по мокрому серому асфальту вниз, по направлению к морю. Парню мерещилось, что за ним кто-то идёт; возможно – Чёрный. Сирин подумал и решил, что это, в сущности, и не важно. Будет даже лучше, если он увидит. Не стоит оборачиваться.

Аллея оставалась пуста. Уныло стояли тополя, забытые ветром. Кажется, готовился собратъся туман. Холод и сырость пробирали Сирина, и он пожалел, что легко оделся.

Вот уже кончилась аллея, и Сирин увидел перед собой длинную лестницу, уводящую вниз; он постоял немного в задумчивости, решая, стоит ли спускаться. Сирин решил, что возле моря, видимо, ещё холоднее – и повернул налево.

Теперь ему встречались дома, магазины, торговые будочки, в полусне смотревшие серыми окнами на промозглую улицу. То тут то там вырастали рекламные щиты, и Сирин внимательно их прочитывал. Призрак чьих-то шагов не покидал его; но оборачиваться не стоит.

Улицу, по которой шёл Сирин, пересекла другая. Парень бросил взгляд на светофор – тот не работал. Сирин слабо усмехнулся – ему предлагалось сделать выбор: либо идти дальше, либо оставаться на месте. Улицы были пустынные, не было ни машин, ни пешеходов, а потому Сирин остался стоять. Он нащупал в кармане пистолет.

Отчаянно был нужен ветер, но воздух был тяжёл, и его не хотелось вдыхать. Повсюду, не тронутые рябью, лежали лужи. Было тихо, и кто-то шепнул Сирину, что исповеди уже не будет.

А ещё Сирин вдруг понял, что шаги, которые раньше ему лишь безотчётно мерещились, теперь стали явью.

– Сирин! – окликнул его Чёрный. – Постой!

«Не успеет», – подумал парень.

Он приставил пистолет к виску.

– Твою налево! – выругался Чёрный. Всё же он был ещё далеко. – Не надо! Постой!

Сирин вскинул голову наверх. Последним, что он увидел, было солнце, – глупое, уставшее солнце, не сумевшее обрести себя и в безмолвии, и посреди остановившегося времени.

Он спустил курок.

И в этот же миг он увидел, как солнце взорвалось. Он успел увидеть, как осколки измученного солнца падают на землю отчаянным огненным дождём, сжигая тополя, дома, лужи, рекламные щиты, застывшее время...

А потом Сирин понял, что умер.

Подул ветер. Закачались тополя, отмечая конец тридцатой минуты. Чёрный вдруг понял, что не знает, зачем он здесь.

Время шло.

Музыка дорог

Серый ветер во мгле серого дня. Грохот машин по выбоинам дорог. Брызги луж и болота грязи. Больше описывать нечем.

Ему, в общем, было всё равно. Он не боялся даже дождя, если он вдруг начинался, заставляя его посреди уличного движения. Он просто чего-то ждал. И знал, что дождь ожиданию – не помеха.

Его часто можно было видеть снующим между рядами пульсирующего автомобильного потока. Его одежда всегда одна и та же: изношенные серые брюки, найденные где-то в канализации, и мешковатая серая куртка, одетая на смуглое, грязное тело. Он – Иваныч.

Он, по сути, не так уж и стар, да и не так уж и молод. Он был в том возрасте, когда опыт лет органично сочетается с глазами. Глаза – ясные, светлые, живые. На верхней губе – усы. Подбородок укрыт густым слоем щетины, но всё-таки не бородой. В руках – разбитая, фальшивая гармошка. Но он, несмотря ни на что, любил её, свою гармошку, так как играл на ней с трёх лет. Кроме того, она хранила в себе его человеческое достоинство: Иваныч считал, что просто просить милостыню – ниже человека. Игра же на гармошке – какая-никакая, но работа. Он любил играть на дороге. У церквей – нет. У церквей, конечно, милостыня больше, но церкви – территория женщин и детей. «Женщинам и детям нужнее, чем мне», – рассудил он когда-то давно в подсознании. В сознании же он внушил сам себе, что ему просто не нравится играть у церквей.

Серый ветер. Мгла серого дня. И кажется, собирается дождь. Человек в серых лохмотьях бродит по рядам серых машин, нетерпеливо ждущих зелёного света. Серый ветер.

Тусклый красный свет с видимым сожалением покинул светофор. Жёлтый не загорался, да он и не работал никогда, и Иваныч давно это знал. Он, впрочем, и не думал о светофоре. Он просто играл. Есть грамм наслаждения в исполнении чего-то готового, написанного, давно отрепетированного, и целая тонна – в импровизации. Он просто играл, и ему было хорошо.

Впрочем, нет, не совсем хорошо. Он всегда ощущал, что чего-то в его жизни не хватало. И ещё он знал, что если бы только ему удалось найти это «что-то», то он был бы счастлив. Ему была привычна его одежда. Был привычен вечный серый ветер. Он не представлял своей жизни без верного, хотя и ворчливого друга детства – гармошки. Но чего-то не хватало.

Он ничего бы не имел против баснословного богатства, если бы оно вдруг опять свалилось ему на голову; ничего бы имел против красавицы жены и детей; ничего бы не имел против всемирной славы. Но это было не то. И часто Иваныч, перебирая в уме все возможные человеческие блага, удивлялся: в самом-то деле, чего же у него нет? Ответ не находился, а потому Иваныч просто ждал.

Однажды, когда-то давным-давно, когда ему было всего три года, ему приснился сон, в котором он будто бы связал облака невидимой верёвкой и тянул облака за собой. Он шёл по зелёной, цветущей акациями улице, а облака послушно плыли за ним, словно шарики, наполненные гелием. И всё это – под аккомпанемент гармошки (может быть, он любил свой инструмент ещё и поэтому).

Но он не помнил того сна. То есть не помнил осознанно. Но в его сердце этот сон жил. В глубине сердца он всё так же шёл по улице, а шарики-облака тянулись за ним.

Светофор вновь загорелся тускло-красным. Поток машин послушно остановился.

«Там, где солнце растёт без гнезда,
Погибают леса без следствий, суда...» –

пел Иваныч, подыгрывая себе на гармошке. Изредка из открывавшихся на миг автомобильных окошек в его карман сыпалась мелочь, и уличный певец, не прерывая песню, кивал головой в знак благодарности, улыбаясь добродушно и открыто.

– Эй, гармонист! Подойди сюда! – вдруг услышал он крик. Звал мужской голос, в общем приятный, но в его зычности слышалось подвизгивание. Иваныч понял: идти нужно к шикарному белому «Кадиллаку», что устроился там, в среднем ряду.

Иваныч, ускорив шаг и, невольно, ритм мелодии, подошёл к машине. Из открытого заднего окошка на него смотрел мужчина в белом костюме и солнцезащитных очках. Дверца «Кадиллака» вдруг открылась. Иваныч, сам не зная как, вдруг очутился внутри автомобиля, на заднем сидении, рядом с мужчиной в белом костюме.

Загорелся зелёный. Вернее, чёрный, потому что зелёный тоже никогда не работал. Шофёр – бритый здоровяк – вдавил в пол педаль газа. «Кадиллак» помчался сквозь серый ветер серой мглы.

- Меня зовут Степан Астафьич, – энергично потрянув руку Иваныча, представился мужчина.
- А вас как, позвольте?..
- Иваныч, – честно ответил ошеломлённый музыкант.
- М-м... Имя?

– Витя...

– Очень приятно! – Степан Астафьич снова тряхнул его руку. – Виктор Иванович! Вы знаете, я услышал, как вы поёте... И пришёл в неопишуемый восторг! В бешеный! Вы – талант, несомненный талант! Играете, правда, не очень, но голос! Голос! Алмаз, не знавший огранки, как говорится! А стихи, позвольте узнать, чьи?

– Какие?

– Про солнце без гнезда.

– Мои...

– Гений! – ликовал Степан Астафьич, в третий раз пожимая Иванычу руку. – Мы из вас такую звезду сделаем!.. Такую звезду!.. Это я сказал! А я, уж поверьте, за слова отвечаю! Мы вам такой пиар забачаем, что они взвоют! Я ведь – гкхм! – продюсер, знаете ли...

Он сделал паузу, чтоб посмотреть, как Иваныч отреагирует на это заявление. Иваныч никак не отреагировал. Степан Астафьич продолжил, как ни в чём не бывало.

– Продюсер! И прямо сейчас мы заключим с вами контракт... м-м, небольшой такой контракт, знаете ли... Словом, я, со своей стороны, делаю вас знаменитее всех звёзд мирового шоу-бизнеса вместе взятых. Вы же... Гкхм! От вас потребуется совсем пустячок...

– Душа? – испугался Иваныч: белый костюм всё больше напоминал ему черта.

Степан Астафьич рассмеялся бисерным смехом. Шофёр дружно подхихотнул густым гулким басом.

– А он ещё и с чувством юмора! Клад, а не человек! Нет, не душа, хе-хе, я ведь не дьявол всё-таки... Нет, от вас потребуется совсем мелочь, как я говорил ранее, пустячок. Вы должны будете – всего-то-навсего! – связать облака.

Иваныча словно камнем ударило.

– Что?!

– Облака. Вы должны будете связать их и притянуть к себе. Всё просто. Вы, как я погляжу, когда-то уже это делали. Так что никаких проблем! И, как только вы притянете к себе облака, я сразу же приступлю к выполнению своих обязательств. Идёт?

Иваныч не успел ни ответить, ни подумать – он успел только вспомнить тот сон и понять, что именно того сна ему и не хватало... Его вдруг кто-то ударил по голове чем-то твёрдым, металлическим. Он потерял сознание.

* * *

Он очнулся на крыше огромного небоскрёба. Его правая рука сжимала верёвку. Небо было светло-синим, а в тех местах, где по нему медленно ползли курчавые облака, – нежно-голубым. Яркий солнечный свет заливал всё вокруг, но глаз не резал. Где-то шелестели пальмы и акации. Слышался запах моря. Кто-то невидимый играл на гармошке – может, не так уж и хорошо, зато от всей души.

Итак, верёвка. Верёвка и облака. «До облаков с этого небоскрёба – рукой подать. Нужно это сделать. Хорошо, что белый костюм напомнил мне про сон», – думал Иваныч. Одновременно он вязал из верёвки петлю. Вообще-то он хотел связать лассо, но не знал как. Зато петля у него получилась, пусть и не сразу.

Он прикинул на глаз, сколько может (хотя бы приблизительно) весить одно облако. На глаз не прикидывалось, но Иваныч, памятуя о том, что во сне ему было всего три года, а он уже тогда мог свободно тянуть за собой сразу несколько облаков, рассудил, что облака должны быть лёгкими.

Иваныч раскрутил петлю и с силой бросил верёвку в небо, в сторону ближайшего облака. Верёвка взмыла ввысь, повисела там немного, словно над чем-то раздумывая, а потом, вспомнив о законе гравитации, спокойно и величественно упала на крышу небоскрёба, издав что-то наподобие «шмяк».

Иваныч решил, что верёвка, верно, слишком тяжёлая, чтоб долететь до неба, – верёвка ведь не облако! – и отрезал от неё половину (нож, хороший, заточенный нож, как раз лежал рядом).

Музыкант опять раскрутил петлю и опять бросил её в небо. Верёвка упала ещё быстрее, чем в первый раз. Тогда он снова обрезал её, снова бросил в небо, и снова она упала. Верёвке, видимо, нравилось падать. Она хотела падать как можно чаще и больше. Зато совсем не хотела воплощать ничьи мечты.

После пятнадцатой неудачи Иваныч решил, что верёвка – плохая помощница. Она была собой и никем больше, в то время как его, Иваныча, нельзя было назвать просто человеком, потому что у него была верёвка. Поразмыслив, Иваныч понял это. Понял он и то, что верёвка не должна быть в ответе за его мечты. Сразу после этой мысли он вспомнил, что во сне он связывал облака верёвкой невидимой, верёвкой, им воображаемой.

Тогда он отбросил в сторону петлю, но сразу же в этом раскаялся и попросил у верёвки про-

щения за то, что так бесцеремонно с ней обошёлся. Верёвка молчала, поэтому Иваныч решил не тратить времени на разговоры и приступил к делу. Он, словно мим, схватился за невидимый канат. Он ощутил, что осталось только потянуть, и мечта будет в кармане, но вдруг подумал: «Бред!.. Невозможно!..».

Он потянул. Облака по-прежнему висели, приклеенные к небосводу.

– Идиот!! – вдруг услышал он сзади голос Степана Астафьича. Он не успел даже обидеться – его снова ударили по затылку чем-то металлическим. Он снова потерял сознание.

...Он очнулся в луже, в грязи, на окраине жизни, посреди родной Проживальской улицы. Любимая гармошка лежала рядом и напоминала о мире, где невозможен только серый ветер.

«...пассажир, ты теперь вездесущ»

Бродский

Пассажир

притча

Глава первая

Люди! Ау! Есть здесь кто? Если есть, то скажите, пожалуйста, кто это «ясно солнышко», что сидит сейчас напротив меня, кушает вареное яйцо, картофель в мундире и улыбается гнилыми зубами? Кто оно?

Волосы длинные, плечи изящные, голос женский... Какой мы делаем вывод? Ну конечно, конечно, это женщина!

Но:

- фигура – треугольником;

- одежда мужская;

- волосы на ногах и руках не менее длинные, чем волосы на голове, что для женщин 21-го столетия, если кто не знает, нехарактерно;

- пахнет от этого создания одеколоном «Русский лес».

Вывод: это мужчина.

И как? Улавливаете противоречие? Еще и имя у этого гуманоида меткое, женско-мужское: Женя. Да и вообще, глядя на это чудо природы, невольно задумываешься о вопросах вырождения человечества, и сразу, почему-то, вспоминается бесполое размножение. Но в этом, наверно, виноват мой ассоциативный ряд.

Хорошо, хоть с двумя другими моими соседями по купе проблем не возникло (в смысле определения пола). Вот этого высокого крепкого парня, что, облокотившись о стенку, сидит рядом с Женей и с самым серьезным видом пытается открыть таранькой пиво, зовут Сергеем, то есть в точности как меня. Когда мы узнали, что мы тёзки, у нас сразу же возникло взаимное уважение и расположение друг к другу, после чего мы молчаливо решили, что имя Сергей, бесспорно, лучшее имя в мире.

Молодой человек, устроившийся у окна по-турецки, представился Антоном. Он сразу же вывалил на столик все свои припасы и предложил угощаться. Да здравствует доброта и щедрость – свою еду я забыл на вокзале.

Ой! Что это за грохот и жуткий скрежет? Неужели поезд сошел с рельсов?

– О-о-о, – застонало Женя. – Проклятый болитомалинацизм...

– Что, простите? – удивился я.

– Болитомалинацизм. Болезнь суставов, – пояснило Женя.

Так вот что это были за звуки! Это у него суставы хрустнули!

Мы (то есть я, Серёжа и Антон) обменялись взглядами. Взгляды эти говорили, что молчать неудобно – нужно посочувствовать, но разговаривать с НИМ решительно не о чем.

– Вот как? – поинтересовался Серёжа.

– Угу, – промычало Женя.

– Ага, – многозначительно протянул Серёжа.

– М-да, – кивнуло Женя.

Снова воцарилось молчание.

– Сколько же вам лет? – предпринял попытку разговаривать и я. – Выглядите вы молодо...

– Молодо, – согласилось Женя. – Но это не мешает мне страдать болитомалинацизмом.

– Ага, – с пониманием изрек я.

– Угу, – Женя почему-то закрыло глаза.

Снова воцарилось молчание.

– Расскажите поподробнее о вашей занимательнейшей болезни, – захрустел огурцом Антон.
 – Я просто в детстве хотел стать врачом и...
 – Болезнь жуткая, – вздохнуло Женя, ковыряя пальцем дырку в обивке полки. – Я страдаю ей уже больше двадцати лет. Кстати, в детстве моей единственной молитвой было: «Боженька, пошли мне новое тело».
 – Кошмар, – сочувственно покачал головой Антон.
 – Угу, – кивнуло Женя.

Снова воцарилось молчание. А я, пока мои спутники мучительно придумывают, как бы все-таки завязать беседу, буду определяться: кто же это создание, что именует себя Женей? Мужчина или женщина? Ведь среднего рода может быть озеро или, скажем, масло, но никак не человек. По крайней мере, хочется в это верить. В общем, я решил, что Женя – мужчина. Потому что, как показывает печальный опыт конца двадцатого – начала двадцать первого веков, скорее мужчина позовит себе походить на женщину, чем женщина на мужчину.

– Ох, – вырвалось вдруг у Жени.
 – Болит? – хором спросили мы.
 – Болит, – кивнул он.

Мы несколько минут помолчали.

– Я ведь не всегда инвалидом был, – вдруг продолжил Женя. – Мама рассказывала, что я был очень живым, подвижным ребёнком. Моим любимым занятием знаете что было? Из окон лазить. Причём в дом я входил через дверь, как надо. Зато из дома – всегда через окно, если только родители на горячем не ловили. Мы жили на первом этаже – как раз сподручно прыгать было. Э-эх, мне казалось, мир меня ждёт, мне казалось, что когда я выхожу в мир, он наполняется мной, казалось, я нахожусь в каждом человеке! А сейчас... Впрочем, я уверен: вылечусь я – и всё бы стало по-старому. Я – и мир. Я – и все. Я – и всё. Честное слово, если вылечусь, то забуду, что мне уже тридцать – первым делом из окна выпрыгну. Выпрыгну – и пойду в мир. Но не хочет мне Боженька новое тело посылать... Да и кровь тоже не хочет.

– А что с кровью?

– А вы не знаете? При болитомалинацизе она становится зелёного цвета и её объём регулярно увеличивается. Приходится каждый месяц делать дырку в пятке, чтоб она вытекала. Лишняя, то есть. Да, не хочет Боженька...

– А еще мне бы неплохо новые глаза и уши! – продолжил вдруг Женя после небольшой паузы. – А то, если вы и этого не знаете, при болитомалинацизе раз в неделю из ушей валит азотный пар, а из глаз выпадают зрачки. Очень сложно их потом находить на ощупь и вставлять обратно... Да, новые глаза, новые уши, новая кровь, новое тело! Но, увы! Кто-то, видимо, должен страдать за грехи всего человечества. И этот кто-то – я. Но ведь на Земле столько людей! А страдаю один я! А мне надоело за всех отдуваться!

После такой реплики-исповеди повисло неловкое молчание. Молча мы убрали со стола и легли спать.

Глава вторая

За окном пели свою извечную песню колёса. Поезд равномерно покачивался. Восход заглядывал в купе сквозь легкие кучевые облака. Внешний мир был в высшей мере спокоен.

Вообще-то меня сложно разбудить. Если меня будят, я долгое время брыкаюсь, машу руками и стараюсь отвернуться к стене. Если начинают стягивать одеяло, то цепляюсь за него, как утопающий за спасателя, и начинаю его вырывать. Если меня поливают из чайника, то резкого и точного удара обычно хватает, чтоб опрокинуть всю воду на незадачливого поливальщика. Если же... Хм. Вы не знаете, зачем я все это рассказываю? Вы меня обрывайте, не стесняйтесь, потому что стоит мне заговорить о себе, как меня уже не остановишь. Такой уж я тщеславный человек. Люди, не будьте такими, как я: есть еще и другие – им тоже хочется о себе поговорить!

Но главное то, что в то утро меня вдруг прямо подбросило, хотя обычно, как вы уже поняли, рано утром я самостоятельно не просыпаюсь. Почему же..?

Ах, вот оно что! Сильно дуло – очевидно, кто-то из моих соседей ночью открыл окно, и теперь я, его стараниями, лежу на своей верхней полке и медленно превращаюсь в сосульку!

Я отвернулся от стенки, которую наблюдал мой взор, и потянулся к окну, но внезапно плечо пронзила такая жуткая боль, что у меня на некоторое время исчезло зрение. Когда же я постарался пошевелить второй рукой, темноту в придачу пронзили жёлтые блики, в ушах засвистело, и сильно закружилась голова. Я сцепил зубы, чтоб не закричать, да так крепко, что они скрипнули.

Чёрт возьми, что же с руками? Не мог же я их отлежать, да ещё и до такой степени: руки (да и ноги, нужно сказать, тоже) не чувствовались вообще.

Интересно... Впервые за собой замечаю, чтоб я укрылся покрывалом подобным образом:

не укрыта только голова. Может, кто из спутников так обо мне позаботился? Упаковали, как труп, честное пионерское!

Я бросил взгляд на соседнюю верхнюю полку – она была пуста, а постель убрана. Выходит, Женя уже сошел? Может, и другие мои попутчики сошли на своих станциях, а я тут лежу, парализованный, и мерзну?

– Серёжа! – позвал я. – Антон!

Ответил мне только стук колес.

– Антон! – предпринял я ещё одну попытку. – Серёжа!

Тишина. Видать, один я остался. А-а-а!! Как же все болит! У-У-У-Ж-А-А-С!!

Да что же такое случилось с моими руками и ногами? Проклятое одеяло мешает даже посмотреть!..

Я откинул голову назад на подушку, нащупал затылком небольшой горбик и резко согнул шею. Подействовало: я постепенно начал выкарабкиваться из-под покрывала.

Ещё мне повезло, что однажды один мой друг показал мне элементы верхнего брейка: извиваясь «волнами», словно гусеница, я медленно и уверенно выползал...

Я вдруг увидел своё плечо, и мне стало плохо. Внутри все опустилось, а в глазах защипало. Вместо моей красивой, загорелой, мускулистой руки было... Вообще ничего не было! Руки не было – лишь жалкий обрубок!

Я не стал смотреть на ноги и на второе плечо: я знал, что увижу то же. Меня вдруг встряхнуло...

Я перевернулся на бок и, насколько это было возможно, посмотрел вниз. Увиденное до сих пор преследует меня в кошмарных снах.

Антон лежал на своей полке и мерно похрапывал. Из его закрытых глаз, наверное, ещё час назад капала кровь – об этом говорили два засохших бордовых следа, тянувшихся от глазниц к щекам. Ему вырезали глаза...

Присмотревшись повнимательнее, я понял, что и ушей у него теперь нет.

Обескровленное тело Серёжи лежало на другой полке. В его мёртвой руке была записка: «Вот Теперь У Меня Есть Новое Тело!!!».

О М.К.

Я хотел бы вынести в заглавие этого эссе твоё имя, но оставил вместо него лишь жалкие обрубки-инициалы. И теперь предлог обиженно косится на подозрительных соседей, посмеявшихся спилить пальму его первенства в списке самых коротких графических единиц.

Но не факт, что инициалы здесь твои: оставь я хоть одну путеводную ниточку к тебе, и меня сразу же обвинят в том, что я тебя люблю. А мне бы этого не хотелось. Как будто я не могу просто эстетически тобой восхищаться! Любовь же одной эстетикой не ограничивается, а я не могу смотреть на тебя никак иначе. Более того: я берусь утверждать, что это – единственный правильный подход к пониманию тебя.

Я, кстати, сейчас понял, что в числе обвинителей ты будешь одной из первых. И это не от недостатка пронизательности – просто ты живёшь во имя себя. Впрочем, как и все мы. Так же поступают и вещи: нанизываются на время, пространство и язык, словно еда на шампур. Это характеризует любого, и стыдиться здесь нечего. От всех же нас тебя отличает способ, то есть то, как именно ты живёшь во имя себя. Об этом-то я и хочу здесь поговорить.

Само слово «как» отправляет нас в область эстетики. Я могу видеть твои чёрные, кипящие смолой глаза, чёрные, как ночь, ресницы, нежно играющий румянец, тонкий стан, длиннее обыкновенного руки, маленькие ножки, в меру большую грудь, правильно округленную икру, колена цвета раковины, покатые плечи... Но твоё «как» – не в этом. Сущность твоя – лёгкое дыхание. С момента нашего знакомства я вижу, как тебя выдыхают, – и делают это мастерски легко. Ты находишься в вечном процессе формирования, конструирования, соткания из воздуха... Вообще, неважно в процессе чего – важно, что в процессе. И нет ничего удивительного в том, что на фотографиях ты получаешься глупо, с неестественно заострёнными чертами лица, испуганно, выпукло... Холодный глаз объектива заставляет задержать дыхание: камера стремится проглотить один миг. Ткачу, работающему с воздухом, требуются как минимум два.

Я не помню твоего голоса. Вообще не факт, что ты в моём присутствии говорила. А если и говорила, то я воспринял твой голос лишь как обузу, ненужную твоей процессуальности. Ты одержимо хватаешься за поручни и перила – ты справедливо боишься улететь. Но я запомню тебя, пронзающей коридор. Запомню, как коридор удлинялся, боясь, что он закончится, и ты не сможешь больше по нему бежать. Твоя стихия – линии и полёт.

Поэтому ты стремишься быть такой, как все: ты слишком хорошо осознаёшь, что всех, кого ты видишь, уже выдохнули. Тебе неудобно и одиноко. Но помни: подстроившись под всех, ты останешься жива и даже, может быть, найдёшь счастье. А лёгкое дыхание начнёт искать другое тело.

Картина

рассказ-мозаика для медленного чтения про себя

Она была в красном платье и белых перчатках, с нарочито небрежной причёской, собранной в слабый узел. Она положила руки на колени. Красный атлас ей очень шёл.

– Ты готова? – спросил он.

Ответа не было. Он, впрочем, знал, что его не будет.

Красный цвет очень шёл ей. Это был бархатный красный, а не режущий насыщенный. Он подчёркивал. На руках – белые перчатки.

Он знал, что она придёт в чём-то таком. Потому и мастерскую обставил в бархатно-красных тонах. На столе, что возле кресла, стояла белая икебана.

Справа и слева от Него стояли два стакана воды. Первый – для кистей.

Они договорились о том, что он напишет портрет, неделю назад. Они ещё не знали о существовании друг друга, следовательно, их ещё не существовало.

Друг для друга, конечно.

– Знаешь, как я напишу тебя? – Он старался скрыть вдохновение, прорывавшееся в голос. – Я напишу, как ты возникаешь из пустоты, из небытия, из ничего, из космоса.

Ему тогда казалось, что за городом пламенеет закат, а он его не видит, потому что вокруг была квартира. Ему нужен был закат, несмотря на то, что солнце давно село и стоял поздний вечер. Но он слишком любил хозяев, чтоб встать и уйти.

Ему тогда казалось. И нужен был закат.

– Ты сплетёшься из раздробленной пустоты. Она будет в центре, позади целой тебя. Обрамлять тебя и раздробленную пустоту будет закат. Как если бы заходящее солнце растянули в линию и сложили бы из неё окружность.

Ей тогда казалось, что она едет в машине, в машине с открытым верхом, и ветер раздувает ей волосы. Ветер – против неё. И закат – сзади. Временами она приходила в себя и видела перед собой оливье. Рядом кто-то рассуждал о величии войны.

– Ни о чём не думай. Или думай, о чём хочешь. Сиди, как сидишь.

Он знал, что и замысел, и всё: и решение, и детали, и форма и содержание – придут к нему сами. Важно лишь не торопить, не думать много, не ждать, не пытаться выдумывать и, тем более, симулировать. Он смотрел перед собой и не понимал, почему не мчится за город смотреть закат.

– Ты шагнёшь навстречу. Ты вырастешь из окружности заката.

Быть Её Богом, быть Её оставленной вечностью, быть её снегом, летящим в её город... Быть Его эхом, быть его верой, быть его... портретом.

– Самое внезапное в мире – свет. Ты внезапно согласилась позировать.

Последнее время не несёт перемен. Оно вытянулось и опустилось перед человеком хорошо протоптанной тропинкой. По сторонам – трава и улыбаются деревья, которые человек оставляет за спиной. И новые деревья. И новая трава. И человек оставляет за спиной. И новые деревья. И новая трава. И человек оставляет за спиной. Но закат – впереди. Потому он вечно нов.

Она наклонилась к его плечу и тихо, шёпотом, спросила:

– Тебе нравится?

Ответа не было. Она, впрочем, знала, что его не будет.

Они молчали. Перед ними была «Картина».

Светлана Ткач,
русский язык и литература, II курс:

Будучи ещё маленькой, я, как и все, очень любила мечтать. Меня настолько захватывали мои фантазии, что мне казалось, будто ничего более удивительного и увлекательного просто не может быть. Где-то в отдельном уголке моего сознания царили счастье, радость и приключения. Со временем у меня появилась потребность делиться своими фантазиями, чтобы мои близкие тоже испытывали те незабываемые ощущения, которые переживала я сама. Именно так я начала писать. Сейчас же рвение к приключениям заметно поубавилось, и счастье близких зависит уже от моих реальных поступков. Мир материальный и мир духовный воспринимаются уже совершенно иначе. Много чего хочется сказать, выразить, изменить. И главное – просто оставить след в душах людей. След, побуждающий и заглянуть в себя, и увидеть окружающий мир: так, чтобы всегда хотелось верить в чудо.

Светлана Ткач

«Истории о крыльях»

«Девушка из окна»

– Если вы мне не верите, зайдите в мою бывшую комнату и прочитайте эту историю на обоях, – с улыбкой, скрывающей лёгкую досаду, проговорил рассказчик, обводя своих слушателей лукавым взглядом.

Слушатели переглянулись и попросили рассказчика продолжать.

Он облизнул губы, пересохшие от только что закончившегося жаркого спора, и, на минуту задумавшись, продолжил:

– Итак, я записывал эту историю на обоях. Каждый вечер, когда я входил в свою квартиру после трудного рабочего дня, меня встречали темнота и голодные рыбки в старом аквариуме. В квартире было так тихо, что я слышал, как вздрагивает холодильник и бормочет кислородный компрессор в том самом аквариуме. Моё одиночество заставляло меня неспешно снимать обувь, прокрадываться в свою спальню и открывать настежь окно. Когда я видел её в окне напротив рядом стоящего дома, мне становилось немного спокойнее, я садился на подоконник и часами за ней наблюдал.

Я не знаю, во сколько она возвращалась домой и уходила ли куда-то вообще, но когда возвращался я, она уже сидела за письменным столом и покрывала лаком морские ракушки. Ровно в семь часов вечера девушка открывала своё окно, ставила блюз, выходила куда-то, потом снова появлялась с чашкой чего-то горячего и садилась на диван. Как только она допивала содержимое своей чашки, блюз смолкал. Тогда девушка поднималась, ставила чашку на стол и срывала белое покрывало с мольберта. Знаете, у неё на столе стояло множество чашек. Иногда их там было даже больше, чем морских ракушек, покрытых лаком. Может, именно из-за этих чашек всё самое необходимое она хранила под столом. Итак, сорвав одним лёгким движением с мольберта белое покрывало, она застывала пред своим творением, каждый день новым. Мне кажется, я видел, как

она прищуривается, оценивая свой рисунок, как это делают все художники, хотя в такие моменты она стояла ко мне спиной. Девушка... давайте называть её Звёздочкой, как я стал звать её позже, когда прозвище «девушка из окна напротив» перестало отображать её роль в моей жизни, а настоящего имени этого создания я так и не узнал. Так вот, моя Звёздочка могла стоять так долгие минуты, изучая каждый штрих своего произведения. Я всё время с нетерпением ждал, когда же она откроет мольберт. А когда Звёздочка показывала вечеру новый рисунок, я замирал, вглядываясь в волшебные контуры. Картины никогда не повторялись. Под белым покрывалом оказывались то аристократические особы на балу, то панковатые подростки в ночном клубе, то кухонный натюрморт, то космический пейзаж. Каждый новый холст казался мне совершенным, но Звёздочка, видимо, считала иначе. Справившись с осмотром работы, она надевала жёлтые мохнатые тапочки, доставала из-под стола краски и начинала неспешно выводить новые мазки на картине. Я даже купил бинокль, чтобы лучше видеть каждый штрих на её рисунках. Закончив, Звёздочка уносила холст и снова накрывала мольберт покрывалом. На часах к тому времени было около десяти вечера. У меня терпли ноги и бурчало в животе, поэтому, когда она уносила картину, я стремглав мчался на кухню, ставил на плиту чайник и совершал нападение на холодильник. Положив на тарелку пару бутербродов и забыв про чайник, я спешно возвращался к себе и снова устраивался на подоконнике. Я искал Звёздочку взглядом в её небольшой комнате и находил ее на полу. Она читала вслух. Я прикрывал глаза и вслушивался в звуки её мягкого голоса, доносившиеся из открытой форточки, узнавая в них произведения классиков. Мне кажется, больше всех она любила Шекспира. Едва старые ходики на её стене пробивали полночь, она, улыбаясь, выключала свет. Тогда я слезал со своего подоконника, закрывал окно, кормил рыбок и ложился спать. Ложился, уже не ощущая себя одиноким.

Однажды утром я проснулся безработным. Это пробуждение произошло совершенно случайно, потому что я забыл со вчера отключить будильник, ещё не свыкнувшись с фактом, что уже не требуется вставать в такую рань. Так как заняться было нечем, – я, безработный, ещё не мог придумать себе достойного занятия, – я решил подойти к окну и посмотреть, проснулась ли уже моя Звёздочка. Я никогда не делал этого прежде, ведь по утрам очень спешил. Но в то утро я притаился за занавеской и увидел её, поливающую цветы на подоконнике. Она улыбалась им. Впервые за долгое время нашего тайного соседства мне захотелось, что бы она улыбалась так только мне.

Я простоял, прячась за шторами, весь день и узнал, что к Звёздочке приводят немых детей, которых она обучает языку жестов. Доброта, лучащаяся в её глазах, когда она смотрит на своих учеников, тронула меня до глубины души. И тогда я осознал, что вот уже многие месяцы только эта девушка источник света в сером сумраке моих будней. Уже вечерело, и на небе появилась первая звезда. Я посмотрел на неё и понял, кого она мне так сильно напоминает. С тех пор девушка из соседнего окна звалась для меня Звёздочкой.

Так прошло много дней. Я просыпался от звона своего будильника, подходил к окну и смотрел, как она поливает цветы. За это время я также узнал о ней, что она играет на флейте и собирает крошечные модели самолётов. Её флейта – это самое замечательное из того, что я когда-либо слышал. А макеты она раскрашивала сама, нанося мазки с таким же вниманием и изящностью, как делала это со своими картинами.

Я любовался бы своей Звёздочкой, не переставая улыбаться, ещё долгое время, если бы одной холодной ночью не узнал, в чём причина того света, что согревал мою душу. А случилось это так. Как-то раз, когда уже пришли долгие осенние вечера и темнело, к моему удовольствию, снова достаточно рано, я почувствовал, что мне нездоровится. Поэтому после полуночи, даже когда она выключила свет, я не слез с подоконника и не закрыл окно. А ведь тогда шёл мелкий, по-настоящему осенний дождь, смешиваясь с ветерком, пробирающим до костей. Закутавшись в свой домашний халат, я остался сидеть, всё ещё глядя на соседнее окно и высматривая за ним её очертания. Но вот, когда пробило час по полуночи, в её окно, вы не поверите, влетел ангел. Да-да, я вижу, вы мне не верите, но это действительно было так. Как только он светлой тенью проник в её комнату, там неожиданно стало светло. И я увидел мою Звёздочку, невыносимо прекрасную в сиянии, исшедшем от ангела. Они стояли, с нежностью смотря друг на друга, и держались за руки, а потом он что-то беззвучно сказал ей, Звёздочка подошла ближе и обняла его. Ангел сложил крылья, целуя её в шею, и в комнате снова сделалось темно. В ту ночь я не сомкнул глаз и увидел, что ангел покинул её с приходом первых рассветных лучей. А дальше всё пошло как обычно: она проснулась и полила цветы; сыграла на флейте, собрала самолётик; поела что-то, похожее на кашу; обучила новым жестам свою ученицу; покрыла лаком ракушки, нанизала их на чёрную нить; включила блюз, закончила картину – я только не знаю, когда она её писала – и, наконец, прочитала несколько страниц Шекспира.

Съёжившись на своем подоконнике, который не решался покинуть вот уже сутки, я ожидал визита ангела. К моему сожалению, он прилетел. Всё было, как и прошлой ночью. И так было каждую ночь.

Теперь я ложился гораздо позже, а поднимался гораздо раньше. В свой бинокль я заметил, что каждое утро Звёздочка находит среди чашек на своём письменном столе длинное белое перо. Должен признаться, меня съедала ревность. И тогда, не в силах больше быть посторонним наблюдателем, одним пасмурным утром я окликнул её, когда она поливала цветы. Звёздочка в испуге подняла на меня глаза, и только тогда я увидел, что они глубокого небесного цвета. А ещё я понял, что всё это время она и не подозревала о моём безмолвном присутствии. Всё дело в том, что она выронила лейку, побледнела и отступила вглубь комнаты, будто из окна напротив выглядывало чудовище.

Впрочем, вскоре она забыла обо мне. И всё снова пошло своим чередом, не считая появившейся тоски, настигавшей меня с тех пор в закатное время.

Но вот однажды, грустной зимней ночью, ангел не прилетел. Утром Звёздочка не нашла у себя на столе белое перо. Она не покормила голубей, как делала это всю зиму, и даже не полила цветы, мёрзнувшие на подоконнике. В тот день флейта звучала как-то траурно, а макет самолётика никак не хотел собираться. Она пораньше отпустила свою ученицу, но за ракушки так и не села. В семь часов не заиграл блюз, хотя через час на столе появилась ещё одна пустая чашка. И, наконец, когда Звёздочка сдернула белое покрывало с мольберта, всё вокруг перевернулось. С холста на нас обоим взирало нечто, напоминающее кровавое месиво, посыпанное белыми обгоревшими перьями. Она закричала, и я понял, что произошло что-то ужасное. Но вы и представить себе не можете, какой ужас охватил меня, когда моя Звёздочка внезапно ринулась к окну и начала отдиирать белые бумажные полосы, которыми оно было заклеено на зиму...

Рассказчик умолк и начал покачиваться на своём стуле. Когда слушатели тоже заёрзали, он продолжил:

– Да, уже был вечер. Или ночь. Не важно. Словом, было темно. А ещё, наверное, облачно. Потому что на небосводе сияла всего одна звезда. И та погасла, когда моя Звёздочка выпрыгнула из окна. Всё погасло. Моя Звёздочка разбилась. Да, всё погасло.

Рассказчик зашёлся рыданиями. Слушатели мрачно переглянулись, и каждый занялся своим делом. Дремлющая в углу пожилая медсестра очнулась, подошла к плачущему рассказчику и повела его в коридор. Выйдя из общей комнаты, он обернулся и прокричал:

– Вы мне не верите! Вы можете мне не верить! Вот только всё записано на обоях! Я видел мёртвого ангела!

Слушатели снова переглянулись и принялись собирать железную дорогу, погружая в маленькие игрушечные вагончики пластмассовых зверей. А через некоторое время каждый из них как обычно принял прописанное лекарство, и все снова собрались вокруг железной дороги, позабыв печальную историю рассказчика.

Непригоден

Ощущение было невыносимым. Мне хотелось плакать, мне хотелось кричать. Я впервые за долгое время почувствовала, что я в этом мире совсем одна. Что никто за меня не заступится. Никто не войдёт и не скажет «хватит». А белые тени делали своё дело. Мне было больно, несмотря на наркоз. Я тихо хныкала, не решаясь сопротивляться. Не знаю, во имя чего всё это. Господи, помоги же, когда это кончится?

Мне пришивали крылья.

Я никак не могла понять, живые они или мёртвые, когда увидела их первый раз. Большие, слегка голубоватые. Какую же птицу лишили души?

А что дальше? Меня посадили в специальное кресло, привязали. Вкололи анестезию. Они все улыбались так доброжелательно, как будто готовились совершить самую огромную в мире подлость. А потом всё поплыло. Улыбок больше не было. Люди в белых халатах стали похожи на призраков, я видела только руки в белых перчатках. Я их чувствовала. Они казались нестерпимо холодными, будто инструменты какие-то, а не руки. Далее и вовсе бред: все махали своими белыми руками, как крыльями, кружились вокруг меня, ворковали. И, кажется, я даже видела сон, как они поймали ангела и отрезали его два прекрасных крыла. Набросились на него, как свора голодных крыс, начали дёргать перья, колоть всякими предметами и, в итоге, ампутировали ему жизнь. На грудь поставили печать – «Непригоден». Бросили куда-то, в кучу черных мусорных кульков, и дело с концом.

Наваждение развеялось, как только огромная скользкая игла прошла, казалось, насквозь, и я почувствовала, как к моей спине приделывают что-то чужое. Было больно, но я почему-то не обращала внимания. Наверное, потому, что меня переполняла такая горечь, что я почти захлёбывалась ею. Необъяснимая тоска. Как будто из души вырывают что-то невероятно важное. Так бывает, когда ты не успеваешь предотвратить нечто страшное, спасти что-то ценное, осознаешь свою беспомощность и понимаешь, что судьба решается без тебя.

Наконец меня охватил туман странных видений, и я просто перестала быть. Потому что когда

открыла глаза, мне представилось существо совершенно иное, нежели то, каковым я была.

Очнулась я в подвешенном состоянии. Во-первых, я долго не могла понять, что происходит. Во-вторых, всё тело моё опутывали канаты, прикрепленные к потолку. Я не могла нормально двигаться, а только болтаться. Но вместе с тем мой мозг чувствовал некое обновление. У него появились ещё две конечности, которыми можно было теперь управлять. И он это чувствовал. Как только я осознала, что напротив меня висит зеркало, меня охватила паника. Руки, ноги и крылья барахтались в воздухе. Сама я пыталась кричать, но у меня получалось только задыхаться.

Вскоре прибежали люди в белых халатах, спустили меня, схватили, как бабочку, попавшую в сачок, и начали успокаивать. В конце концов, это у них получилось – я затихла и смиренно сидела посреди комнаты, поджав колени к груди. Швы сзади обработали чем-то жёлтым, пошептались о чем-то, покивали и разошлись.

Сил совершенно не было. Только усталость. Но меня это не беспокоило. Спать можно было только на животе или на весу. Радовало одно – мне ничего не снилось и возможно было забыться.

На следующий день меня переодели в чистую пижаму, выпустили из комнаты и куда-то повели. Люди в белых халатах постоянно обсуждали моё состояние, но почему-то ни разу не спросили об этом у меня самой. Наконец, они перестали бегать со мной по этажам, остановились у какой-то двери, тихо о чем-то посоветовались и впустили меня внутрь.

В комнате было светло. Много окон с яркими шторами и красивой мебели. Пёстрый ковёр в центре, маленькие столики и стульчики. Было шумно и, наверное, весело. В комнате были дети.

Я немного смутилась и попятилась. Дети смотрели недоверчиво. Потихоньку воцарилась тишина. Потом кто-то радостно вскрикнул. Все подбежали ко мне, засуетились под ногами, тянули ко мне свои ручонки, гудели, как рой маленьких пчёлочек. Я несмело улыбалась и тихо ойкала, когда кто-то из ребятишек из интереса дёргал меня за крылья. Дети ещё какое-то время стайкой вились вокруг меня, но вскоре кто-то заметил божью коровку, упавшую в стакан, и все кучей помчались разглядывать это новое явление.

Меня незаметно вывели из комнаты, и мы пошли дальше.

За следующей дверью были взрослые. Вернее, было бы правильнее сказать, взрослые дети. Стены у них изрисованы, все в надписях, будто в безмолвных посланиях. Здесь смотрели на меня равнодушно и холодно. Кто-то фыркнул. Я попыталась улыбнуться, но никто не увидел. Мне вдруг стало как-то совсем неуютно, и я тихо поскреблась в дверь.

Далее я попала к людям в строгих костюмах. У них и лица были строгие, и комната неинтересная: столы да счетные машинки. Ко мне подошли неуверенно, но с видом также строгим. Измерили руки-ноги, крылья тоже измерили, взвесили. И разошлись по местам, уткнувшись в свои бумажки.

Следующие люди держались друг от друга поодаль. Они все о чем-то размышляли вслух, но почему-то шёпотом. Каждый смотрел на какой-то один предмет и негромко рассуждал. Если их взгляды останавливались не на разных вещах, а на чём-то одном, люди сразу будто обретали слух, замечали друг друга, начинали спорить и доказывать что-то оппонентам. Ко мне подошел один из них. Ходил кругами, поднимал глаза к потолку, тёр подбородок и повторял одну и ту же фразу: «а что если всё-таки...» Потом меня как-то сами собой заметили все. Завязалась драка. Люди в белых халатах поспешно вывели меня из комнаты, и мы продолжили путь.

В следующем помещении все почему-то плакали. Мне кажется, им было не до меня. Но кое-кто замолкал, вытирал слёзы, смотрел на меня долго и внимательно, пока глаза снова не становились мокрыми, и всё начиналось сначала. Правда на некоторых лицах я замечала просветление, они улыбались грустно, и было ясно, что эта грусть не покинет их, плачут они или нет.

В другой комнате все смеялись. Кто-то громко, кто-то тише, кто-то просто хихикал, кто-то заливался хохотом. Когда они увидели меня, начали смеяться ещё больше. Я взглянула на них с досадой и ушла.

Следующие люди были военными. Вместо ковра у них была карта. Как только я показалась в дверях, меня признали безопасной, безвредной и поэтому неинтересной. Но стоило мне только ступить на их карту, все начали кричать и возмущаться. Я немного расстроилась и покинула их с большим облегчением.

Потом ещё были люди, которым нужно было во что-то верить. Они все молились и выглядели очень миролюбиво. С моим появлением вся гармония куда-то пропала. Одни уверяли, что мне необходимо поклоняться, другие начали посвящать меня в свои истины, третьи предлагали принести меня в жертву, четвертые – просто убить. Иные заявляли, что я спасение, другие, что провокация. В конечном итоге, мне стало не по себе, и я вылетела от них, словно пуля. Чур меня, чур.

Далее были те, которые утверждали, что всё знают. Здесь про меня сказали, что я определенно мутант, инопланетянин, новый вид млекопитающего, человек с редкой патологией и прочее, прочее, прочее. Всё это было немножко забавно. Наверное, до тех пор, пока я не поняла, что сама не знаю, кто же я есть. Вспомнилась та горечь, которую испытывала прежняя я.

Люди в белых халатах, заметив, как я приуныла, и придя к заключению, что состояние мое

худшилось, решили более различными визитами меня не мучить.

Я снова вернулась в свою комнатку. Зеркало из неё куда-то пропало. Было совсем одиноко. За окнами стемнело, и от глубины души до кончиков крыльев меня заполнило отчаяние. За стенами слышались шаги и голоса, но я понимала, что меня всё это больше не касалось. Плечи устали, крылья поникли. Я уснула, наверное, под утро.

Снилось мне, что я бегу по коридорам, открываю все двери, а за ними нет ничего. Пустота. Я слышу голоса, даже вижу тени, но вокруг никого нет.

И вот я пробегаю мимо единственной открытой двери, останавливаюсь и заглядываю в комнату.

Возле стены сидит человек. Он безучастно смотрит в пол. Я замечаю на его спине два кровоточащих рубца. Он поднимает на меня глаза, и я вижу в них столько горя, что становится мучительно неуютно у себя внутри.

На его груди штамп – «Непригоден».

Он смотрит куда-то мимо меня, и я понимаю, что он разглядывает крылья за моей спиной. Его крылья.

– Прости, – шепчу я, – прости... – и плачу.

Он улыбается мне и пожимает плечами.

– Ты лучше не плачь. Они влаги не любят.

Проснулась я оттого, что меня куда-то несли. Несли меня в странную комнату с решётками на окнах. Здесь на столах в клетках и аквариумах были лягушки с крыльями мотыльков, маленькие собачки с человеческими глазами, мыши с таракаными усиками, змеи с кроличьими лапками и многое-многое другое, на вид такое жалкое и страшное, что трудно представить, как можно было бы жить в мире, где всё это бегало бы за пределами домов людей в белых халатах.

Моё пребывание тут длилось недолго и закончилось, как только один из людей, порывшись в столе, нашёл какую-то печатку, приложил её к моей груди, и меня выставили за дверь.

Мир показался неприветливым и чужим. Я молча стояла, глядя на густую зелень под голубым небом, обрамленным высотными серыми зданиями. А потом бросилась обратно и начала колотить по двери. Я кричала, звала, просила впустить меня назад. Мне было страшно и холодно. Пелена слёз застелила глаза. Крылья, беспомощно болтающиеся за спиной, назойливо болели. Я замерла, прижавшись к безучастной обшивке двери, и тихонько всхлипывала. От боли моё сознание помутилось, и штамп «Непригоден» на груди как будто жёг. И тут мне привиделся обескрыленный ангел в куче мусорных мешков. Он безвольно лежал распотрошённой игрушкой и улыбался мне.

– Чего ты? – сказал он ласково. – Ты же свободна.

Бессонница

У него в голове разгуливал ветер и летали перья. Ночами его мучила бессонница, поэтому он разрисовывал мелками потолок своего жилища. А в соседней квартире жила девушка с чёрно-белым лицом. Он однажды ей так и сказал, когда они столкнулись у подъезда.

– У тебя лицо чёрно-белое.

Девушка смутилась и, опустив глаза, долго разглядывала своё отражение в луже. Он пожал плечами и пошёл домой, а лужу забросало листьями.

Ночью у него закончились мелки, и он вынужден был смиренно сидеть в темноте, перебиваясь диалогами с рюмкой коньяка, которая почему-то была молчалива. Устав развлекать себя подобным нелепым образом, он замолчал, прижавшись спиной к стене и закрыв глаза. По ту сторону слышались всхлипывания. «Хотел бы я знать, какого цвета у неё слёзы», – подумал он и уснул.

Вскоре он стал знаменитым художником и начал подписываться «Людвиг». Свои бессонные ночи он теперь проводил за созданием монументальных картин, и, в окружении зачастую обнажённых натурщиц, ночи уже не были столь изнурительны в своей монотонности, хотя оставались не менее бессонными.

Со временем он сменил жильё, оставив свою маленькую квартирку исполнять роль персонального музея. Дельце было выгодным, учитывая его известность, да и расставаться навсегда со старым гнездышком совершенно не хотелось.

У него появилась скверная привычка засветло выходить из дому, покупать свежую газету в едва открывшемся ларьке и идти в парк. Там он располагался на какой-нибудь уютной скамейке и смотрел на детей, рисующих мелками, как совсем ещё недавно делал и он сам. И на птиц, срывавшихся с тротуаров, избегая ног прохожих. Он мог просидеть вот так в парке целый день и пойти домой лишь тогда, когда к нему придёт осознание, что он совсем продрог.

Однажды после очередной собственной выставки, возымевшей колоссальный успех, он проснулся в постели, мокрой от шампанского, среди неизменно обнажённых натурщиц, и понял, что больше не может так просыпаться.

Он по привычке пошёл в парк и просидел так весь день. К вечеру Людвиг немного задремал, а когда открыл глаза, было уже совсем темно. Парк казался совершенно пустым.

В нескольких шагах от него что-то лежало серым пятном на потемневшем асфальте. Подойдя ближе, он увидел, что это мёртвая птица. Ветер перебирал её пёрышки, а она смотрела стеклянными глазами прямо в чёрное небо.

Ему вдруг стало противно и горько.

Людвиг стоял над мёртвым созданием, спрятав озябшие руки в карманы и брезгливо поджав губу. Равнодушный парк наполнялся туманом. Художнику было не по себе. Он вдруг понял, что это только на полотнах смерть бывает красивой. И почему-то стало страшно.

Он спрашивал себя, какова цена его жизни и чего он достоин в ней. Ему вдруг показалось, что он совсем ничего не достиг. Что вся его слава – надругательство над тем искусством, что спасало его в часы бессонного одиночества.

Наутро он продал все картины по баснословным ценам, заявил, что не будет больше работать в привычном жанре, и без особых церемоний покинул собственную студию художественного мастерства.

Очень скоро Людвиг вернулся в свою старую квартиру и принялся разрисовывать по ночам гипсовые пластины, специально заказанные им ввиду того, что на потолке уже не оставалось чистого места.

Как-то раз он уснул прямо на балконе, а когда проснулся, увидел рядом мёртвую птицу, распростёртыми крыльями касающуюся его ног. Художник вскрикнул, влетел в квартиру и захлопнул за собой дверь, ведущую на балкон. Позже, придя в себя и переведя дух, он принял решение вернуться к павшему животному и предать его достойному упокоению. Людвигу казалось это правильным, да и не лежать же ей на балконе вот так.

Он положил птицу в блестящую зелёную коробку, выстеленную шёлком, и отнёс в парк. Людвиг долго сидел на скамейке с коробкой, поставленной рядом. Молча бросал на неё мрачные взгляды и горько вздыхал. Дети и птицы поглядывали на него, и ему казалось, что первые думали, будто он пришёл хоронить любимую собачку, или, может, в этой красивой коробке кукла для какой-нибудь маленькой девочки; а вторые наверняка знали правду.

Он фыркнул и засмеялся про себя.

Действительно, было бы резоннее хоронить собачку. Что ему до какой-то птицы? Выкинуть бы её прямо с балкона и забыть. Но так поступить он почему-то не мог. А собачки у Людвиг не было. У него никогда ничего не приживалось. Но он не страдал по этому поводу и считал, что лучший компаньон – это он сам и его бессонница.

Что же касается правды, то она была неведома и самому Людвигу. Что могли знать глупые птицы? Но его отчего-то не покидала уверенность, что они знают. Да, они знают всё.

Наконец Людвиг дождался темноты. Моросил мелкий дождь, и художник поймал себя на мысли, что дождь всегда моросит в отвратительнейшие моменты его жизни.

Он поднялся с тихим вздохом, подхватил коробку и сошёл с тротуара. Поставив коробку на спутанную пожелтевшую траву, Людвиг выудил из-под плаща маленькую лопатку и принялся выкапывать ямку. Вскоре его старания увенчались успехом, и он опустил коробку в выкопанное пространство. Забросав ямку землёй, он на миг задумался и пришёл к выводу, что могилку не стоит отмечать каким-либо знаком наподобие креста или надгробия. Кто знает, во что верила птица. Людвиг пожалел, что не взял с собой цветов. Но и они птице, наверное, ни к чему. Это лишь у людей есть необходимость приукрашивать смерть. Видимо, она становится менее страшной.

Людвиг повернулся и зашагал прочь, не отрывая от земли глаз. Вернувшись к скамейке, он наткнулся на девушку с чёрно-белым лицом. Он не спрашивал ни её, ни себя, что она здесь делает в такое время и почему именно здесь, и зачем ей тёмно-бордовая роза цвета запёкшейся крови, перевязанная бинтом, напоминающим белую ленту.

Он просто сказал:

– Ты похожа на мою бессонницу.

Девушка возмущённо подняла на него влажные глаза, но он замахал руками и примиряюще улыбнулся.

– Я не хотел сказать ничего плохого, поверь. Ты просто такая же... – тут он не нашёл слов, чтобы передать роль бессонницы в его жизни – ...необычайно близкая, – закончил Людвиг и, развернувшись, медленно пошёл домой. Сделав десяток шагов, он посмотрел назад и увидел, что девушка с чёрно-белым лицом опускает розу на сделанную им могилку.

В ту ночь девушка вернулась гораздо позже него, потому что уже начинало светать, когда он услышал, что у неё хлопнула входная дверь. Людвиг уснул, сидя на полу под их общей стеной.

Проснувшись, он понял, что ничего не знает о людях, живущих с ним в одном доме. Более того, он никогда не видел и самих людей, кроме, конечно же, девушки с чёрно-белым лицом. Тогда он решил нарисовать что-то красивое на гипсовой пластине и выставить её в фойе. Пусть бы этот знак почтения порадовал соседей. Это был яркий, немного по-детски смешной рисунок, который

мог бы вызвать улыбку любого, уставшего от холодов. Людвиг разрисовал пластину с двух сторон и поместил её посередине холла, закрепив на специальной подставке так, чтобы и спускающиеся вниз, и входящие в дом люди могли видеть его творение.

Когда он заканчивал последний штрих, ставя на рисунке подпись, входная дверь скрипнула, с улицы повеяло холодом. Художник приподнялся и выглянул из-за гипсового холста. Это была девушка с чёрно-белым лицом. Она растерянно замерла у входа, и Людвигу показалось, что она даже улыбнулась. Тогда он заулыбался ей и приветственно помахал рукой. Девушка медленно подошла к нему, неспешно разматывая свой длинный бежевый шарф, похожий на бинт. Она обошла его произведение кругом, внимательно рассматривая его, и направилась к лестнице. Остановившись напротив Людвига, она негромко обронила:

– Зря стараешься, – и её, как оказалось, невероятно нежный голос прогремел, как гром.

Людвиг молча стоял, глядя невидящими глазами в свой холст, а когда обернулся, чтобы что-то возразить, увидел лишь край шарфа, тянущегося за угол по лестнице вверх.

На следующий день шёл дождь, и, видимо, на смену погоды, ужасно болела голова. Мигрень обрушилась на Людвига неожиданно и безжалостно. Он задышался от боли, и ему казалось, что жизнь его окончена. «Ну или пусть бы быстрее кончалась, – думал он. – Эту боль терпеть просто невозможно».

Долгое время он лежал на кровати, безвольно распластавшись, и слушал шум ливня, изредка проваливаясь в сон. Совершенно потеряв счёт времени, он предавался воспоминаниям, начиная с самого детства и заканчивая почему-то похоронами несчастной птицы.

Но вот как-то раз он услышал какой-то шорох. Впервые за несколько дней он поднялся и, пошатываясь, вышел в коридор. Заглянув в глазок, Людвиг увидел за дверью девушку с чёрно-белым лицом, которая как будто положила что-то перед его порогом и отошла. Он распахнул дверь и увидел мёртвую птицу.

– Так это была ты! – закричал он ей в спину.

Девушка замерла и задрожала. Медленно обернувшись, она с укором и сожалением посмотрела ему в глаза.

– Зачем ты подбрасываешь мне мёртвых птиц?!

Девушка пожала плечами и осторожно подошла к нему – внешне злому, взволнованному и тяжело дышащему.

– Она просто хотела к тебе. Но не смогла долететь.

Людвиг снова хотел закричать что-то в обвинение, но осёкся и ошарашено выпучил глаза, распознав в её голосе какой-то странный смысл, понятный только ей, узнал в нём ту правду, что известна лишь птицам и, наверное, этой девушке.

– Пойдем, – сказала она тихо и мягко взяла его за руку.

Девушка вела Людвигу по длинному коридору и толкала каждую дверь, попадавшуюся им.

Все квартиры внутри были пусты.

Они прошли все этажи. В доме не оказалось ни одного жилого помещения.

Наконец, они спустились в фойе. Девушка подошла к его рисунку на гипсе, а он сел на ступеньках и закурил.

– Тут нельзя, – сказала она, обернувшись.

Людвиг рассмеялся и с наслаждением втянул в себя дым.

– Всё равно никто не узнает. Здесь же никого нет!

– А я? – грустно спросила девушка и опустила голову, поникая на глазах. Как тогда, когда он не умел ни о чем беспокоиться, а она смотрела в лужу.

Людвиг закашлялся, встал, отряхнул штаны и подошёл к ней.

– Знаешь, мне на самом деле очень страшно. С тех самых пор, как я – а я почему-то думаю, что это было именно из-за меня – заставил тебя плакать и уснул под звуки твоих слёз, моя жизнь стала похожа на дурной сон. И знаешь... я почему-то боюсь, что уже не проснусь. Я боюсь, что завтра я выйду на улицу, а там никого нет. Или же повсюду будут люди с глазами мёртвых птиц. И птицы, похожие на людей, будут умирать, не долетая до своей мечты. Давай, – тут он взял её руку в свои и прижал к сердцу, – давай же проснёмся вместе! Прошу. Ведь отчего у тебя чёрно-белое лицо? Наверное, когда-то у тебя случилось какое-то горе. А может, тебя тяготит какое-то знание. Или это просто не тот мир, который был бы создан для тебя. Хочешь, я нарисую? Я сделаю всё иначе, хочешь? Давай только проснёмся. Давай проснёмся, пожалуйста, и не будем больше вот так засыпать. Прошу тебя, прошу.

И она улыбнулась, впервые за долгое время. Он улыбнулся в ответ и начал сдувать с её лица белоснежную пудру смертельно-бледного оттенка. Она слетала крошечными крупичками и исчезала в лучах пробивающегося снаружи солнца.

Они стояли, держась за руки, посреди пыльного фойе напротив рисунка, на котором все улыбались, и улыбались тоже.

На улице пошёл снег. Мелкая крупа погибшего от холода дождя неспешно ложилась на мостовые и крыши домов.

А люди теперь ходили по улицам и улыбались – небу и друг другу, потому что он снова начал рисовать, но теперь совсем по-другому. И, быть может, тот город уже не славится на весь мир своим великим художником, и его картинами больше никто не бывал одержим. Зато все тротуары и стены домов были разрисованы цветными мелками, из-под которых на свет появлялась радость. Эту правду знали только дети, птицы и его бессонница.

Сны бумажных человечков

Я – бумажный человечек. Я бегу по длинному узкому столу, а за мной гонятся ножницы. Я из тончайшей белоснежной бумаги. Я идеальный бумажный человечек. Такой живой и такой ненастоящий. До смешного хрупкий. Я бегу по гладкому скользкому столу, и мои крошечные шершавые подошвы норовят оступиться. Стол – он как зеркало. Или даже как зеркальная река, покрытая льдом. Я боюсь не удержаться и бегу недостаточно быстро. Мне раньше так хотелось быть из абсолютно глянцевої бумаги, а теперь моей лёгкой шероховатости, казавшейся отвратительной, совсем мало, чтобы не поскользнуться, чтобы удержаться на столе. И я бегу, избивая бумажными ногами свое отражение. Каждый шаг должен быть как можно больней, чтобы бежать быстрее. Ведь за мной гонится что-то жуткое, неотвратимое. Оно не скользит по глади стола, оно летит, как ракета. Его не остановить и не сокрушить. Куда мне, бумажному? Клац, клац, клац! Жуткий звук. Всё громче и громче. Я оборачиваюсь и вижу сверкающую пасть, смертельно опасное лезвие. Клац!

В моё плечо впиваются холодные тонкие пальцы. Вздрагиваю, с шумом втягиваю воздух и открываю глаза. Нахожу себя в мягком кресле. И так каждый раз. Засыпаю среди бела дня.

– Чего тебе снова? – шелест шершавых после сна, бледных бумажных губ.

– Я не могу. Я так больше не-мо-гу!

Он ходит по комнате – взад-вперёд, над ним висит это его «не-мо-гу», я хорошо вижу. Суета сует! Потягиваюсь, сладко зеваю. Смотрю на него опухшими глазами. Он бегаёт по комнате, как солнечный зайчик, и кусает губы.

– Как надо: чтобы бумажный человечек убежал от ножниц или ножницы гнались за бумажным человечком?

Он замер на миг. Посерел. Стал похожим на античную безукоризненную статую.

– Какая разница?!

И снова вспыхнул. И снова стал солнечным. Какой же ты солнечный, милый мальчик.

Закрываю глаза, проваливаюсь в сон. Мне глубоко всё равно, что будет с бумажным человечком, который сам бежит навстречу ножницам.

Тихая пелена. Печаль. Ветер несёт пепел, но не такой чёрный, как активированный уголь, царапающий горло, а белый, мягкий, холодный, как снег.

Он стоит под окнами, смотрит вверх. Солнечный, озябший, потухший. Там, на шестом этаже, окно, обвешанное электрическими гирляндами. Мигают огоньками, подают ему сигналы. Лукаво щурятся, на что-то намекая, но это всего лишь миг, и снова танцуют свой дикий танец. Эти огоньки маленьких острых лампочек по периметру окна, словно ножи на цирковом кольце. И он мысленно прыгает через них вглубь комнаты. Туда, где тёплый жёлтый свет, тишина и покой.

Он весь горит, тяжело дышит, покрывается багровыми солнечными пятнами. Слегка пригнувшись, бежит в подъезд, как будто боится, что его кто-то заметит. Как мышка крадётся к лифту, цепляясь руками за грязные стены.

Мерное гудение проводов. Гул в ушах. И сердце взлетело на шестой этаж быстрее лифта. Солнечный жмёт на звонок. По телу проходит резонанс. Внутри – барабанная дробь.

Дверь открылась. Лестничная площадка зажглась пролившимся светом. И только чёрная тень Солнечного как фигурная дыра на бумаге от вырезанного из нее человечка.

На пороге стоял мужчина лет тридцати. В левой руке он держал бокал. На тыльной стороне ладони была татуировка с изображением ястреба. И сам он был, как ястреб. Глаза чёрные, красивый острый нос, тонкий подбородок.

Лампочка в прихожей бросала свет ему в спину.

Солнечный был ослеплен.

– Проходи, – сказал ему Ястреб, и он поплёлся за последним, как мышонок, прилежно сняв обувь и надев тапочки.

– Мы сегодня одни? – негромко спросил Солнечный, перебирая в руках кисточки на кончике шарфа. Это было волнующе: «литературная» этого влиятельного и чарующего человека обычно переполнялась народом. В основном авторами, но часто и такими же, как и он сам – критиками. Сегодня же все иначе.

– Да, одни, – кивнул Ястреб, оглянувшись через плечо, и прошел в гостиную, жестом при-

глашая Солнечного за собой.

В комнате был полумрак. Напряженно работали два светильника со слабыми лампочками, которых едва хватало на освещение слегка примятого дивана и письменного стола, на котором, поблёскивая, стояла бутылка дорогого вина и макет старинного кинжала. «Плохо, – подумал Солнечный. – Полумрак – это плохо».

Ястреб присел на край стола и сделал глоток из своего бокала.

– Как я устал, – тихо произнес он и поднял на Солнечного свои глаза, два раскалённых ку-сочка металла.

Солнечного знобило от этого взгляда. Он глуповато улыбался, трепля свой шарф, и переминался с ноги на ногу. Наедине они были впервые.

Ястреб отставил бокал и сложил руки на груди.

– Ну, ты мне сегодня что-нибудь прочтешь? – с раздражением осведомился он.

– Да-да, конечно, – спохватился Солнечный. Торопливо достал из кармана сложенный вчетверо лист и начал читать неровным голосом свою наивную нежную лирику.

Но очень быстро слова стали обжигаютими, а тон – уверенным. И вот, он уже с жаром выплёскивал в гостиную свою страсть, словно вулкан раскалённую лаву.

Ястреб слушал, приподняв крылообразную бровь и пристально глядя на Солнечного. Вскоре тот закончил. Поднял глаза на строгого, безжалостного критика, почему-то проникавшегося его творчеством, и слегка покраснел, увидев на его лице острую улыбку.

– Ты бесподобен, мальчик, – едва слышно сказал Ястреб, подойдя к Солнечному совсем близко, так, что чувствовалось его холодное дыхание.

И тогда Солнечный понял, что он должен сделать. Мысль была сумасшедшей, ужасающей, жалила, как змея, стоило представить, что он приводит её в исполнение. Но он должен. По-другому он больше не может. Не-мо-жет.

Сердце колотило по рёбрам, всё внутри прыгало и горело. Он задохнулся, рухнул на колени, прижался лицом к руке критика и, как ребёнок, боящийся признаться в проступке, быстро выкрикнул, чтобы не успеть услышать самого себя:

– Я люблю вас!

И стало тихо. Внутри что-то оборвалось и замолкло в оцепенении. Солнечный боялся шевельнуться.

Разъяренный ястреб, наколотый на руке, касавшейся его щеки, впился в кожу леденящим смешком.

Солнечный поднял голову и напоролся на пронзительный взгляд черных глаз.

– Глупый ребёнок, – продавил сквозь острую улыбку критик и отдернул руку. На его лице появилось снисхождение, перерастающее в отвращение, будто он видит перед собой нечто мерзкое.

Ястреб засмеялся. Смех его был похож на скрежет звериных когтей по металлу. Солнечный зашатался.

– Да неужели ты... – (смех). – Да неужели я мог бы, – (снова смех), – что за вздор! – (и опять смеётся).

Солнечный медленно отползал от него, не сводя с критика взгляд. Перед глазами всё расплывалось, но он упрямо смотрел на Ястреба, слышал его звенящий смех, и, казалось, что от этого смеха всё в комнате тряслось и подпрыгивало.

– Глупый ребёнок, – повторил критик, растягивая лицо в отталкивающей ехидной улыбке. – Неужели ты подумал, – тут он снова начал хохотать.

Солнечному казалось, что этот ядовитый смех длится целую вечность. Он хотел сперва заткнуть уши, но потом понял, что хочет лишь заткнуть этого человека, заставить его замолчать.

Ястреб закашлялся, вернулся к столу и, полуобернувшись, начал наливать в свой бокал вино. Солнечный смотрел, как стеклянный сосуд наполняется жидкостью, и чувствовал, как и сам он наполняется – ненавистью к тому, к которому ещё пару минут назад преисполнялся обожанием.

Его утонченный профиль, его длинные пальцы, гладкие волосы, глубокие глаза – всё было ненавистно. И то, как он ломал чужие судьбы, выплескивая на бумагу свою отраву – Солнечный ненавидел это больше всего. Такой, как он, не может отравлять этот мир своим существованием. Не-мо-жет!

Юный поэт вскочил на ноги, подбежал к столу и выхватил из ножен макетный кинжал. Критик обернулся, ещё улыбаясь и сжимая в руке бутылку. Солнечный дёрнулся и прижался к нему всем телом.

Глаза Ястреба вспыхнули в последний раз и потухли.

Поэт отступил, выдернув кинжал. Будто провалившись в вакуум, ошеломлённо смотрел на Ястреба, который словно в режиме замедленной съемки сползал со стола. Наконец он рухнул на

пол. С коротким звоном разбилась бутылка. Солнечный вывалился из онемения, посмотрел на кинжал в дрожащей руке, затем на убитого.

«Может, ещё не мёртв?» – мелькнуло в голове. Но на паркете росла красная лужа – и уже непонятно было, где вино, а где кровь.

И снова пелена перед глазами. Бежать.

Бежать, бежать, бежать.

По скользкому столу, испачканному пролитыми чернилами. Бумажные ступни размокают, становятся неподъёмными. Наполняет безмолвный ужас, пропитываешь ним, как бумага тёмной чернильной водой. И только где-то позади – но кажется, что над самим ухом – клац! клац! клац!

Он трясёт меня, схватив за запястья. Кинжал, сжатый в одной из его рук, бьётся о подлокотник кресла – стук, стук... клац! На шёлковых рукавах моей рубашки остаются красные отпечатки.

– Я... Я... Я!.. – в панике задыхается он.

– Да знаю я, знаю, – отмахиваюсь, вырывая руки, и с неохотой открываю глаза.

Солнечный стоит передо мной на коленях, пылая и тяжело дыша. Взъерошенный, с мокрыми от снега и слёз ресницами, с покрывшимся бурыми пятнами лицом.

– Я убил, я убил, я убил, – повторяет он.

– Знаю, – вздыхаю я и прикладываю прохладную ладонь к его щеке. Он успокаивается и затихает. – Иди домой. Ложись спать. Тебе всё это снится.

Солнечный медленно поднимается и на негнущихся ногах идёт прочь, прижимая кинжал к груди.

Я снова закрываю глаза и вижу прямо перед собой великие мудрые ножницы.

«Тебя накажут», – говорят они мне, быстро открывая и закрывая свой железный, похожий на острые клешни, рот.

«Знаю, – отвечаю я. – Я всё знаю».

Я сплю, и видится мне такой же бумажный (и, наверное, ещё хуже), только с крыльями, и ему отрезают его крылья – клац! И всем поделом, все наказаны.

И только мой Солнечный мальчик спит безмятежно, но гаснет, ведь чары его музы уже начинают развеиваться. И безмятежность переливается в кошмар, как вино в кровь. Он видит меня – своего ангела-хранителя – в запачканном красными чернилами шёлке. Чернила льются из меня, из двух прорезей на спине, заливают ему глаза, сгущаются в причудливые пятна, темнеют. И вот, ему привиделся коршун – чёрный чернильный Ястреб. Он гонится за ним – таким бумажным, таким беззащитным, до смешного хрупким. Настигает, царапает грудь, мечтая добраться до сердца, вырвать и измельчить в клочья.

Солнечный мечется по постели – в бреду, в агонии. Лишь бы избавиться, лишь бы только избавиться от ненавистного ястреба. Секундный просвет. Сон! Это всего лишь сон! Открывает глаза – но вот он, ястреб. Сидит на груди и рвёт её своими смеющимися когтями.

«Уничтожь его!» – мысль в голове, и по-прежнему сжимающая кинжал рука сама взлетела вверх – и туда, где сидела птица.

Удар – чавкнувшее клац, брызнули красные капли чернил – и всё утихло. Всё погасло. Перегорели, взорвались в одно мгновение все подмигивающие лампочки, широко распахнув глаза.

Он наконец-то проснулся, но лежал уже на спине, остывая. А в груди его улыбался ехидной улыбкой кинжал.

Пьеса, которая заканчивается словами, что кто-то не может быть вместе

Действующие лица:

Мысли.

Ящерица.

Время.

Песок.

Ветер.

Действие первое и последнее. Потому как сознание живого существа само по себе являет одно единое непрерывное действие.

Ящерица, мысли, песок и время.

Ящерица. Время – это песок. Я не знаю другого времени. Я живу в песке. Моему скользкому, изворотливому тельцу очень удобно передвигаться по его частицам. Я люблю тишину. Люблю мол-

чание и перешептывание песчинок. Кроме них у меня ничего нет.

Те же и Ветер.

Я щ е р ц а. Терпеть не могу ветер. Он нарушает покой. Гонит облака, закрывающие солнце. Отрывает песок от тела пустыни. Говорит на языке, который я не понимаю. Я не люблю ветер. У него есть крылья.

Так бы я рассуждала, будь я ящерицей. Я бы часами грелась на солнышке, жмурясь и время от времени пробуя воздух на вкус. Но я не ящерица. Я даже не улитка – мне некуда спрятаться. Да будь я хоть омерзительным пауком, это было бы многим лучше, чем то, что есть сейчас. А сейчас я скорее муха в паутине, вот в чем дело.

Я привязана к верёвке, которая привязана к гвоздю. Я нахожусь в темной кладовке, и здесь нет ни времени, ни песка. Мне кажется, здесь вообще ничего нет, только гвоздь, вбитый в стену, и я. Но откуда я знаю, что вбит он в стену? Быть может, это вовсе не гвоздь, а чья-то рука, подвесившая на канатике мою жизнь. Правда, я слышала, куклы висят на гвоздях. Сама-то не видела этого никогда. Просто потому, что когда в это темное помещение проникает хоть капля света, я слепну. А потом меня уносят на сцену, а потом приносят обратно, но, попадая в темноту, я не вижу уже ничего.

Однажды меня бросили у сцены, и я сумела себя разглядеть. Была репетиция, все суетились, им было не до меня. А я впервые была предоставлена только самой себе. Я долго лежала за малиновым занавесом, поглядывая на то, что творилось в зале. Я всегда смотрю только в зал. Таково мое предназначение. Но вышло так, что я подняла руку и первый раз за все время подробно разглядела свою кисть. То, что я увидела, мне очень понравилось. Нежный, но упругий материал бледного, трогательного оттенка. Тонкие пальцы. И яркая алая лента на запястье. Оттянув её, я обнаружила, что в меня вшит тоненький канат. Такие же канаты я нашла на ногах и второй руке. Наверное, это объясняет всё то, что происходит со мной, когда я вижу своего кукловода, сцену и зал.

Я знаю, есть ещё такие, как я. Я вижу их мельком, прежде, чем немигающий взгляд устремляется в зал. Оказывается, у нас всех есть канаты, предательски незаметные и прочные канаты. Мы – куклы. И только у кукловода и прочих никаких канатов нет. Они – люди.

Очень много людей сидит обычно в зале. Одни из них поменьше – дети, другие побольше – взрослые. Дети обычно смеются. Взрослые всегда равнодушны. Они улыбаются только тогда, когда на них смотрят дети.

Однажды мне подарили цветок. Его уронили на сцену, у моих ног. Я не видела, кто. Я всегда смотрю прямо в зал, и ничего не вижу прямо перед собой. В одной из тех пьес, для которых такие, как я, выходят на сцену, говорилось, что цветы дарят тем, кого любят. Но меня, кажется, уже кто-то любит. Так говорится в одной из пьес. Ещё говорится, что мы не можем быть вместе (может, поэтому нас держат в разных кладовках), и зал нам очень сочувствует.

Как-то раз, когда снова пришел кукловод, меня заставили больше не смотреть в зал. Я посмотрела перед собой и увидела того, кто пришел с розой, которую кукловод оставил себе. Этот кто-то отдал кукловоду ещё несколько вещей, а кукловод отдал ему меня. Он – кто-то – взял меня бережно, не за верёвку, которую держит гвоздь, а просто так. И унёс. Нёс не спиной к себе, как всегда носил кукловод, а лицом. Прижимал к груди и зачем-то гладил по голове. Быть может, проверял, на месте ли веревочка, которую держит гвоздь.

Он принёс меня домой. Дом не был похож ни на кладовку, ни на зал. Дом был такой, как говорилось в пьесах.

Он сел, опустил меня рядом с собой. Я посмотрела в его лицо – оно было красивым, как у таких, как я (тех, кто с канатами и гвоздём). Но у него не было канатов, и глаза не как гвозди. (В пьесах говорилось, глаза могут быть похожи на гвозди, чтобы на них висела чья-то жизнь).

Он был такой, о которых говорилось в пьесах, что их в этом мире совсем нет. У него были ножницы, но я ещё не умела бояться. Он аккуратно отрезал мои канаты и улыбнулся. Я спросила: «Зачем?». Он ответил: «Иди». Я встала и пошла – сама. Но чувствуя, что канат теперь где-то у меня внутри. Канат тянулся к его глазам, но я не висела на них, как на гвоздях. Глаза у него были такие же, как и руки – нежные. Нежные.

Однажды к нему пришел кто-то другой. Совсем не такой и, наверное, злой. Он взял ножницы и вспорол мне грудь – где-то там, где проходит теперь канат, которого нет, – чтобы доказать тому, который мой, что я неживая. Я увидела в глазах того, моего, грусть, и поняла, что это всё, наверное, больно.

Потом другой ушёл, и Тот, который мой, зашивал меня красивой блестящей ниткой и улыбался, как взрослый, когда на него смотрят дети, и плакал, как зал, когда в пьесах говорилось, что кто-то не может быть вместе.

Он подарил мне красивое платье и много ещё чего. Чтобы не было видно шва. И чтобы я могла быть такой, какой захочу.

Мы с ним ходили гулять в сад, и там были вещи, красивей, чем песок. Время здесь – это ветер. Ветер гоняет стрелки. И значит, время летит. У времени есть крылья.

Тот, который мой, говорит, что крылья есть у всех. Я спросила: «Даже у меня?». И он подарил мне крылья, чтобы я смогла быть той, которой хочу.

Однажды я задала ему вопрос. Почему у таких, как я, есть канаты. А у таких, как он, канатов нет. И почему он так похож на меня. И похожа ли я на других, раз теперь канатов нет у меня. Тогда он улыбнулся, потому что он улыбался всегда, хотя вокруг не было детей. И подарил мне поцелуй, чтобы я поняла, что я не хуже таких, как он, которые лучше, чем мы.

И я поняла ещё, что дети у него внутри. У него дети-глаза, которые смеются всегда. Тот, который мой, равнодушный, потому что внутри его зал, в котором полно детей. Я так люблю смотреть прямо перед собой туда.

Как-то раз я рассказала ему о своей мечте. О том, что когда-то хотела быть ящерицей. Он сказал, что ящерицы потому не любят ветер, что не умеют летать. А вообще им всё равно. А ещё сказал, что ящерицы, как и ветер, любят свободу, что у ящериц тоже есть канат, которой они отбрасывают, если кто-то вздумает их держать. Он называется хвост. Тот, который мой, сказал, что я теперь тоже ящерица, отбросившая хвост, ведь канатов у меня нет, и некому меня больше задерживать. Тогда я рассказала ему про то, что теперь у меня внутри, привязанное к его глазам. И он вдруг меня снова обнял и долго гладил по голове, как будто проверял, что верёвки, которую держит гвоздь, действительно больше нет.

Я жила так не знаю сколько – привязанная к его глазам. Не знаю потому, что в доме его нет песка и нет ветра. И ножниц больше тоже, кстати, нет, для того, чтобы никто не сомневался, что я живая.

А ещё мы лежали как-то ночью в саду на траве и смотрели на звёзды. Звёзды были похожи на белый песок, который развеял ветер. Тот, который мой, рассказал мне свою мечту. Он мне рассказал, что это неправда, что у людей нет верёвок и канатов. Просто их не видят куклы. И стыдно, чтобы их видели другие люди. Они привязаны к стольким ненужным вещам, что веревки опутывают их с ног до головы. «Как же они ходят?», – спросила я. «А они и не знают, что нужно ходить. Они думают, что мир ходит вокруг них», – ответил мне Тот, который мой. Мечта же его заключалась в том, чтобы обрезать все на свете верёвки у всех на свете людей. Чтобы они чаще могли держаться за руки и не были никогда равнодушны. Чтобы могли быть теми, которыми сами хотят. И чтобы никому не приходило в голову проверять, живой ли кто-то, вспарывая ему грудь.

Мне тогда нечего было ему сказать. Я очень боялась, что он захочет обрезать и ту веревочку, которая привязывает меня к нему. Так я научилась бояться.

Забоялась я и тогда, когда он признался мне, что у него есть верёвка, похожая на ту, что была у меня. Верёвкой его привязывают к жизни. И жизнь эту вливают в него литрами, и называется это капельница. И есть ещё много канатиков, которые правильнее называть проводками, без которых он не может жить. Но скоро они ему станут совсем не нужны. Он сказал, его унесут от меня. Унесут в тёмную кладовку. Там уж точно не будет никаких канатиков и проводков, никогда-никогда.

«Крыльев там тоже не будет?», – спросила я. «Крылья у нас внутри», – ответил Тот, который мой, и улыбнулись его глаза. «Тогда у меня к тебе крылья», – сказала я. Он обнял меня, и дети в глазах заплакали, как тогда, когда пьеса заканчивалась словами, что кто-то не может быть вместе.

А случилось всё неожиданно. За ним прилетела бабочка. Она села ему на грудь, когда он сидел у окна и смотрел на ветер. Он схватился за грудь рукой, будто пытаясь её поймать, и случайно раздавил. Лицо его стало таким, словно все в мире канаты опутали его крылья. И крылья сломались, как сломалась под нежными пальцами нежная бабочка.

За ним приехала кладовка с кукловодами в белом. Они привязали его к множеству проводков-канатиков. «Ты же говорил, не будет больше верёвок», – сказала я. «Это ещё не конец», – улыбнулся он.

И подарил мне часы с песком и ветром в середине. Чтобы у меня было время. Для того, чтобы научиться летать на крыльях, которые у меня внутри.

Так я научилась любить. Как в пьесе, которая заканчивается тем, что кто-то не может быть вместе. Поэтому...

З а н а в е с .

Заголовки газет, которые мы бы прочли, имея эта пьеса чуть больше действий:
«Ушёл из жизни знаменитый филантроп и меценат».

«Новые подробности смерти знаменитости. Миллиардер-филантроп сошёл с ума на почве тяжёлой болезни и завещал свое состояние кукле».

«Люди без канатов. Пьеса неизвестного автора покорила весь мир».

«Феномен в драматургии: на сцене живые актеры. Некогда утерянные традиции возвращаются».

Леонид Францескевич
издательское дело и редактирование,
выпускник:

Родился я 4 июня 1986 года в семье электрика и медработницы, с детства проявлял интерес к творчеству: рисовал, делал маленькие книжечки, в которых выступал как в роли «писателя», так и художника, дизайнера и даже фальцовщика. Детские увлечения постепенно отошли на второй план из-за «сложных 90-х» (шутка), я активно начал заниматься спортом, всегда вёл здоровый образ жизни, собственно, как и сейчас. Закончив школу практически на «отлично» и выиграв городской конкурс Малой академии наук по русской литературе, я решил поступать на филологический факультет ОНУ им. Мечникова. И с 2002 года, когда я стал студентом специальности «издательское дело и редактирование» и сходу начал работать по специальности, творчество поглотило меня с новой силой. Я выпускал и продолжаю выпускать футбольную газету «Олимпик», регулярно участвую во всех факультетских праздниках. Что касается нежурналистских работ, то в свободное от работы время (а я уже более семи лет работаю по специальности) я иногда пишу рассказы. Именно рассказы, поскольку это и не рассказы, но, в то же время, и не сказки. Пишу для родных и близких, но сейчас рискнул показать свои работы и всем вам. Надеюсь, вам понравится!

Леонид Францескевич

Счастье близко

В одном из сотен тысяч китайских магазинов, расположенных в Пекине, находилась целая стена всевозможной сувенирной продукции из многих стран мира. Открытки, выпечки, флажки и флаги, диски, кассеты, книги, значки и всякая другая дребедень... И если красивые шёлковые флаги самых «раскрученных» стран долго на полках не залеживались (сумасшедшие китайцы «сметали» их в несколько заходов), то страны, считающиеся второстепенными или даже хуже, уныло ждали, когда же хоть кто-нибудь придет за их национальным символом...

Шло время, а флаг Науру – миниатюрного островного государства, все никак не находил клиента «под себя»... Даже стяги Тринидада и Тобаго и Сейшельских островов уже давно уехали из магазина, а наш герой по прозвищу Ли (так его прозвали продавцы, давно потерявшие надежду на то, что его когда-либо кто-либо купит)...

Из года в год Ли, аккуратно сложенный, лежал на полке и радоваться мог лишь тому, что при уборке с него снимали толстый слой пыли, что заметно облегчало ему жизнь.

Из года в год снижалась цена на, как оказалось, самый ненужный, невостребованный флаг... Даже за 5 американских долларов никто не покупал его...

Когда в магазин завезли новую партию всякой всячины, Ли обрадовался. Кто знает, быть может, среди всей этой сувенирной продукции найдется еще один флаг Науру... Тогда им двоим хотя бы не будет скучно – сила-то в общении.

Но второго флага Науру не было... Камерун, Нигерия, Непал, Малайзия, Джибути, Гондурас... А Науру не было...

«Неужели я хуже Гондураса?!» – с ужасом подумал Ли. А ведь какой-то гондурасец точно, как будто бы назло мне, придет и купит этот флаг...

И вправду... Уже на следующий день национальная святыня Гондураса уехала в неизвестном направлении. А уже сегодня магазинная коллекция пополнилась ещё одним продуктом из Гондураса.

Нашему герою было очень грустно. Хотелось, чтобы его кто-то забрал отсюда... Ему надоели все окружавшие его предметы и люди, ему надоело место, на котором он лежал... И однажды он едва не покончил с собой.

Дело было зимой, когда Пекин засыпало снегом. Ударил такой мороз, что из-за обледенения порвались провода, оставив без электричества сотни тысяч, да что там, миллионы людей. Как оказалось, даже китайцы не были готовы к подобному стихийному бедствию и все их хваленые фонарики с такой родной для всех нас надписью: «Made in China» в полной мере не могли заменить «настоящее» освещение.

В некоторых местах в ход пошли даже старые и уже давно забытые свечи и керосиновые лампы. И, несмотря на то, что в большинстве магазинов стояли автономные электростанции, которые запустили в ту же минуту, когда отключилось электричество, некоторые маркеты, по типу того, в котором «жил» Ли, особо тратиться возможности не имели. Вот и решили проблему зажжёнными свечками.

Поскольку час был поздний, а в магазине остался один лишь охранник, игравший в тетрис, Ли решил, что ему именно сейчас нужно действовать. Он попытался пошевелинуться и слететь на стол, на котором стояла свечка. Но что-то мешало ему сдвинуться с места...

«Чертова книга!» – возникло в голове флага Науру в следующий миг, и он с ненавистью посмотрел на двухсотстраничный томик «Истории Науру».

Как ни старался Ли, а его атрофированные мышцы не могли приподнять «творение издателей». Поэтому он с отчаянием закрыл глаза и попытался заснуть...

Прошло каких-то пять-семь минут, и наш герой почувствовал невероятное облегчение! Открыв глаза, он увидел, что охранник сидит на кресле с ручкой и газеткой с чайнвордами, а под ними – тот самый томик «Истории Науру».

«Это знак!!! Я знаю, это знак!!!» – как будто закричал Ли и изо всех сил дернулся с полки.

«Ну всё! Вот она! Я так долго ждал её! Прощай, мир...» – с этими словами он быстро полетел вниз, прямо на горящую свечку. Но надо же! Ли не рассчитал траекторию полета и вместо того, чтобы упасть прямо на пламя, попросту подтолкнул свечку сбоку. «Восковая красавица» пошатнулась и упала на стол, а уже через несколько секунд охранник снова установил её на место. А флаг остался лежать на полу, совершенно незамеченный...

Когда пришло утро и в магазин вернулись продавцы и директор, Ли спал. Когда же он проснулся, он увидел вокруг себя незнакомые предметы, незнакомых ему людей, но почувствовал себя как-то по-другому...

«Где это я? Куда это меня привезли? Или везут до сих пор...» – пытался самостоятельно разобраться в происходящем Ли. Но у него явно ничего не получалось... Тогда он попытался в полумраке различить предметы, окружающие его... Флаг Испании, Франции, Италии, Украины, Германии, Португалии...

«Надо же! Может, меня кто-то купил?» – не мог нарадоваться наш герой. Находиться в компании таких флагов – это то, о чем так мечтал Ли. Но находиться на одной полке – это одно дело, а выполнять какую-то, безусловно, важную функцию – совсем другое...

Больше часа машина с кучей флагов ехала по дорогам Пекина, пока, наконец, не остановилась возле чудо-стадиона.

Когда Ли попал на улицу – он не мог поверить своим глазам! «Я буду висеть на флагштоке этой красавицы-арены», – обрадовался флаг Науру. «Я всегда мечтал об этом!», – добавил про себя...

Но первое предположение относительно того, что Ли будет развеиваться над стадионом, было ошибочным. Он и его «коллеги» были доставлены в огромный кабинет, в котором находилось множество куда больших по размеру стягов...

«Не угадал», – уныло буркнул себе под нос Ли. «Ну и ладно...», – огорченно выдал флаг. «Больно надо... Холодно ведь, несмотря на то, что август. Ветер-то всё равно есть. Да и висеть целый день на улице – как-то не по мне... И потом, я же мерзлячка... Простужусь сразу, потом с насморком буду лежать...» – успокаивал себя науруанец...

Прошло несколько дней, но определенные положительные мысли в голове у Ли появились. По крайней мере, он не валялся на пыльной полке магазина и к нему относились вполне бережно.

Сегодня, например, его вычистили, проветрили, погладили утюгом (впервые в жизни Ли почувствовал такое блаженство, пусть временами и было достаточно жарко) и аккуратно сложили, положив на большой, очень большой стол, прикрепив надпись «Науру»...

Прошло еще немного времени, и Ли услышал, как за окном весело пели люди. Они пели на разных языках разные песни, кричали неведомые ему «кричалки», на улице было весело и радостно, играла красивая музыка, по громкоговорителю передавалась различного рода информация...

Судя по тому, что услышал Ли, сегодня на стадионе был какой-то грандиозный праздник. Немного позже он понял, что именно в этот день именно на этом стадионе открывались Олимпийские игры... А ведь мама рассказывала ему, что раз в четыре года в одном из городов мира проходят самые престижные соревнования по многим видам спорта и каждый флаг, который попадает на этот праздник спорта, навсегда причисляется к числу «бессмертных», всемирно известных, неприкасаемых... Поэтому с детства Ли мечтал стать одним из них.

Но Олимпиада стартовала, а его, как и его коллег, никто не трогал и даже не думал трогать... А как же флагштоки? Ведь на них должны висеть флаги всех стран-участниц...

«Может, из наших никто не пробился на Игры?» – размышлял Ли. «Или может...» – в этот момент он посмотрел в окно и среди многочисленных флагов на стадионе увидел флаг Науру... Он никогда не был с ним знаком, но ему стало до боли обидно... К своему великому сожалению Ли понял, что его мечта осуществиться уже не сможет: его место занял другой флаг, и единственное, что оставалось нашему герою, – ждать окончания Олимпиады и возвращения в один из магазинов Пекина, а может и какого-нибудь другого города...

Практически две недели пролежал Ли в компании со своими «товарищами» на столе... Каждый день десяток-два флагов уносили, а затем снова приносили на место. Чаще остальных комнату покидали стяги США, Китая и России... Украинский, самый добрый и юморной флаг по имени Тарас, быстро нашел общий язык со всеми, даже с «мутным» немецким и плоским, в плане юмора, английским. И всякий раз, когда «жёлто-синий» уходил на церемонию, он подмигивал Ли и указывал на него, мол, ты следующий! Тем не менее, Ли был уверен, что ни один спортсмен из Науру не попадет на пьедестал. Слишком уж мало внимания уделяется спорту в его стране... Всё финансы да финансы...

И действительно, в последний день Олимпийских игр спортсмен, представлявший Науру и сенсационно вышедший в финал в одной из дисциплин, занял лишь последнее место... Ли узнал об этом только тогда, когда на награждение понесли стяги США, Украины и Китая.

А затем была музыка, песни, радостные крики, шум, гам... К утру Ли наконец заснул и ему приснился невероятный сон. Играет гимн Науру, поднимается перекладина с тремя флагами, одним из которых, нет, главным из которых, является он сам... Сон был настолько тёплый и добрый, что Ли не сразу почувствовал, что его кто-то передаёт в руки кому-то...

Несмотря на то, что Ли не знал науруанского, язык говорящего ему почему-то был понятен. Может быть, он просто прочувствовал его, а ведь была причина! На следующий день после окончания престижного спортивного форума к администраторам пришёл единственный спортсмен, представлявший Науру, и попросил выкупить у них... да-да, флаг родной страны! Причём, когда китайцы с радостью согласились, перед ним стоял выбор: флаг, висевший на флагштоке или... Ли. И надо же! Он выбрал Ли!!!

...Дорога была долгой, очень долгой, однако по прилёту Ли впервые в жизни почувствовал себя дома. А ведь действительно! Он прилетел домой!

Вдохнув свежий воздух, он едва не расплакался от радости. Были бы слезы – расплакался бы наверняка! Лёжа в магазине на полке, он мечтал стать известным, нужным, висеть на флагштоке во время Олимпийских игр, подниматься под звуки национального гимна над головой спортсменов и

зрителей... Он всегда думал, что сможет быть счастливым только в этом случае... Но сейчас он понял, что его мечта была совершенно иной. Оказывается, для полного счастья ему необходимо было просто вдохнуть воздух Науру, услышать и увидеть людей, живущих на острове... И именно теперь он был по-настоящему счастлив!

Когда Ли привезли в довольно уютный и скромный домик, он сразу понял, что здесь ему будет приятно жить. И был прав. Уже через несколько часов наш герой гордо развивался на флагштоке, который специально для него возвели у дома того самого спортсмена. И каждое утро, перед тем как уйти на тренировку, Ли аккуратно поднимали на самую вершину шеста, а вечером – снова опускали и заносили в дом.

«Я счастлив!!!, – подчеркнул для себя Ли. – Но что за дурацкое у меня имя, Ли?..».

Друг

Аня работала в одном из тысяч офисов Одессы и занималась совсем не интересным делом: изо дня в день копалась в различных бумагах, что-то бесконечно набирала на компьютере, распечатывала, ксерила, скрепляла степлером, помещала в папочки или просто засовывала в файлы, а затем стопками уносила в неизвестном направлении... В неизвестном для него – обычного выключателя польского производства, который, по европейским стандартам, находился на одной из стен Аниного кабинета достаточно низко, справа от входа...

Так уж вышло, что Аня приходила на работу раньше, чем уборщицы принимались за «выдраивание» офисов перед рабочим днем, а посему именно она первой касалась выключателя утром, когда стрелки часов едва показывали 7:30...

Она работала в этой компании всего два месяца, но за это время Выключатель достаточно серьёзно привязался к ней... Он редко видел её лицо, но одно её прикосновение делало его день не таким серым, каким он обычно является, если говорить о выключателях...

Последние несколько недель наш герой специально просыпался в начале восьмого, чтобы быть подготовленным к приходу Ани и не проспять то самое «божественное», как ему казалось, прикосновение... И всякий раз он оставался доволен этим, даже несмотря на то, что временами ему приходилось ложиться спать очень и очень поздно. А иногда он и вовсе не спал... Предыдущий «хозяйин» офиса мог забыть выключить свет, а значит – лишал Выключателя возможности уснуть. Аня никогда не забывала этого...

Она никогда не позволяла себе включать или выключать свет ногами, как предыдущий работник, или вовсе своей пятой точкой, никогда не бросала в него мячом, чтобы включить или выключить. Быть может, именно поэтому Аня казалась для него самой лучшей на свете...

В общем, каждый день для Выключателя начинался и заканчивался «божественным прикосновением» и он жил от прикосновения до прикосновения, высчитывая каждую минуту до «встречи», пристально следя за стрелками на часах... Несмотря на все это, к Ане он относился не как к возлюбленной, а, скорее, как к сестре, как к другу... И поэтому его чувства к ней были крепкими, но исключительно дружескими...

Сегодня утром Выключатель, как и ранее, проснулся в начале восьмого и обратил внимание на то, что за окном была, мягко говоря, «нелетная» погода. Сильный ветер свистел так, что было слышно даже сквозь пластиковые окна, а небо, несмотря на то, что в это время суток уже светло, было очень и очень тёмным...

Чёрные тучи сгустились до такой степени, что, казалось, могут перевыполнить норму по количеству осадков за год в течение часа... Собственно говоря, небо не долго «игралось» – около восьми вслед за молниями и устрашающими раскатами грома последовал самый настоящий ливень...

Выключатель забил тревогу – на часах 8:00, а Ани всё нет... В голову полезли глупые мысли: «С ней что-то случилось... Она заболела... Или, может быть, её уволили? Или она сама уволилась? Или, может, просто застряла в пробке... Ну да... На Канатной в это время всегда пробки, а ведь она едет с самого Поселка Котовского... По Днепропетровской...». И именно в этот миг Выключатель услышал знакомый звук проворачивания ключа в замке и почувствовал такой дорогой для него запах Аниных парфюмов... А потом... а потом было то самое «божественное» прикосновение, которое, однако, получилось каким-то не таким...

Около получаса Выключатель пристально следил за тем, что делает Аня, хотя в другие дни в это время обычно досыпал своё. И ему показалось, что Аня плохо себя чувствовала.

Его опасения подтвердились, когда Аня достала из черной «лаковой» сумочки несколько коробочек с лекарствами. Немного позже она совершила несколько телефонных звонков и отменила две, очевидно, важные встречи. А затем плюхнулась на диван и задремала...

Провалявшись несколько часов, Аня села за рабочий стол и начала активно копошиться в стопках бумаг. По её лицу было видно, что ей стало лучше. Кроме того, видимо, начали действовать таблетки...

После звонка на мобильный Аня взяла несколько толстеньких папочек и в срочном порядке вышла из офиса, забыв щёлкнуть Выключатель, чего с ней не случилось ни разу...

«Видимо, ушла ненадолго», – подумал Выключатель.

Но время шло, а Ани всё не было... Наш герой был не в настроении, но его радовало то, что он мог наблюдать за течением времени – свет горел, и ему было видно часы...

Ближе к восьми вечера Аня вернулась на рабочее место и, напевая какую-то романтическую мелодию, с заметно посвежевшим лицом уместилась на своем крутящемся стуле, включив компьютер и «зарядив» электрочайник...

Выключатель был рад, что с ней всё хорошо, и позволил себе немного вздремнуть – ожидание очень вымотало его, и теперь даже при свете он мог поспать. Тем более, что Аня явно не спешила уходить...

...Выключатель проснулся от страшного раската грома и увидел, что вокруг темно... За окном была ночь, но форточка была открыта, а значит, Аня всё ещё находилась в офисе! Только вот вряд ли она забыла бы закрыть форточку и вряд ли бы осталась спать на офисном диванчике... Что-то явно было не так в данной ситуации, и Выключатель надеялся на то, что Аня просто заработалась и забыла закрыть окно...

Более получаса он пытался понять, что происходит, но затем сам себя убедил в том, что Аня таки забыла закрыть окно, и снова заснул. Но спал он недолго – уже через пять минут его разбудил телефонный звонок... Это была известная мелодия из фильма «Служебный роман», которую так любила Аня. Мобильный, параллельно жужжа, трезвонил на весь офис, и так постепенно двигался к краю полки благодаря виброзвонку... Все бы ничего, да вот Ани рядом не было... А телефон тем временем начал свою песню в пятый, а затем и в шестой раз, пока не свалился с полки в аквариум с тремя золотыми рыбками и не замолк.

Выключатель очень испугался, но сделать он ничего не мог... Его глаза постепенно приспособились к темноте и он, наконец, увидел Аню... Она лежала прямо напротив него и, судя по всему, упала в обморок. Девушка очень тяжело дышала и через определенное количество времени начала шевелиться, попыталась встать на четвереньки, что у нее получилось лишь с пятой попытки, и медленно поползла к столу... Там она немного приподнялась и судорожно начала водить рукой по его поверхности... Она искала ингалятор, который спас бы её от начавшейся задышки... Но найти его у неё не получалось... О болезни хозяйки Выключатель узнал только-только...

В офисе было темно, поскольку ветром порвало провода, Аня не курила, поэтому зажигалки и спичек у нее не было... Единственный в таком случае источник света – мобильный телефон – лежал на дне аквариума и помочь ей уже точно не мог... Времени на то, чтобы прощупать руками весь стол и все ящики, у Ани не было, поэтому она с каждой секундой теряла веру в то, что сумеет спастись...

Выключатель был шокирован и не знал, что делать. Но что-то он все-таки должен был сделать! Просто обязан был! Не мог же он позволить умереть Ане! Поэтому и начал действовать...

Собрав всю свою силу и даже больше, Выключатель напрягся и, закричав что есть мочи, выдавил из себя столько энергии, что она сумела поднять на ноги все провода в офисе...

«Пожалуйста, ребята, помогите Ей... Она же умрет! Ну в вас же осталось немного тока... Совсем немного! Медные мои друзья, выжмите из себя все, что можно! Умоляю вас!» – кричал он проводам, спрятанным в стене и ведущим к лампочке-экономке, которая находилась прямо над столом... И результат пришел быстро – неожиданно в офисе на каких-то пять секунд включился свет. Аня сначала не поняла, что случилось, но быстро углядела под одной из книг свой ингалятор...

Когда свет выключился, она уже восстановила дыхание и медленно потянулась к дивану... А Выключатель постепенно перестал видеть что-либо вокруг и в скором времени попросту «отрубился»...

Спустя некоторое время Аня позвонила по стационарному телефону, и за ней приехал её старший брат. Когда он с фонариком влетел в офис, Аня, сама не зная почему, попросила его осветить на Выключатель... Как оказалось, он сильно поплавился и мало напоминал себя прежнего...

– Он спас меня... – неожиданно сказала Аня и заплакала...

– Кто? – удивленно спросил её брат.

– Выключатель... Выключатель... – тихо повторила Аня.

– Да, но-о-о... – возмущился брат...

– Да, Саня... Да... – перебила его она... – Друг... Он был настоящим другом... – улыбнулась сквозь слезы Аня и, закрыв офис, поехала домой...

...Он проснулся от «божественного» прикосновения и увидел перед собой часы... 9:46, а это значит, что он... проспал! Впервые за последний месяц он проспал! Причём настолько серьёзно! Но ведь он мог себе позволить такую роскошь – вчера он спас жизнь Ей... А сегодня, как оказалось, едва не отправился в альтфатер... Электрик Сергей Эдуардович собирался заменить поплавившийся Выключатель, но Аня не позволила ему сделать этого. Сергей лишь почистил его, убедился в том,

что он функционирует, и удалился в неизвестном направлении...

– Друг! – сказала Аня, глядя на Выключатель.

– Друг! – ответил Выключатель... И Аня услышала это! Ну... По крайней мере, ему так показалось... А где-то под потолком свои последние минуты доживали медные провода...

Новый год вверх тормашками

Эта история произошла в одном из небольших городов или городков Украины. Может, даже в пгт или какой-нибудь малюсенькой деревне (об этом история умалчивает ввиду возможного сумасшедшего наплыва в этот крохотный населённый пункт туристов из разных стран мира). Поверить в неё сложно, но никто и не просит вас верить в неё. Важно то, что это случилось на самом деле.

Наступал 2008-й год. До него оставалось каких-то 2-3 часа... Ни для кого не секрет, что 31 декабря (а именно в этот день произошла нижеописанная история) все заняты какими-то своими делами. Безусловно, важными, поскольку последние минуты года каждый хочет встретить в максимально комфортных условиях, без всяких хлопот и в гармонии с окружающим миром. Вот и наш герой, как всегда, безумно волновался по поводу скорого прихода нового года. А всё потому, что пришло время перемен. Он знал это, готовился к этому, но когда настал тот самый момент, ему стало очень страшно. Тем не менее, он не отступил от своего! Речь идет о человеке, в народе именуемом Дедом Морозом... Точнее – об одном из них, украинском Деде Морозе, который имеет официальный сертификат Международной ассоциации Дедов Морозов и уполномочен поздравлять всех детей нашей страны от имени Главного Деда Мороза.

Как никто другой, Дед Мороз из года в год работал в новогоднюю ночь и осознавал всю ту огромнейшую ответственность, которую он несет перед всеми детьми. Даже несмотря на то, что в последние годы они практически перестали верить в его существование, а подарки зачастую получают совсем не от него, а от родителей, бабушек, дедушек, тётъ, дядь, братьев, сестёр, соседа Степана и президента страны (нужное подчеркнуть), на полставки его, как и его иностранных коллег, никто переводить не собирался. Однако за свежие идеи и смелые поступки в главном офисе Дедов Морозов, расположенном в Москве (так сложилось еще со времен СССР), ему обещали дать премию и новый ярко-красный халат. Только так высшее руководство могло побороться за своих сотрудников: в большинстве случаев они увольнялись после нескольких лет работы по причине усталости и недостаточного количества позитивных эмоций. Украинский Дед Мороз не был исключением и однажды решил изменить свою жизнь...

Нет-нет, бороду на гвоздь он совсем вешать не собирался, ведь с детства знал, что когда-нибудь станет Дедом Морозом. К тому же он не мог подвести своих папу, дедушку, прадедушку... Все они были Дедами Морозами. Разумеется, в свое время, и по наследству передавали все свои знания и умения. Прадед нашего героя вообще был одним из тех, кто первым начал исполнять функции Деда Мороза как такового (было это, если не помните, приблизительно 150 лет назад, а до того этот персонаж был весьма отрицательным и злым, да и подарки приносил не он, а ему). Хотя мысли об уходе на пенсию всё чаще посещали голову нашего Мороза. Поэтому нужно было что-то менять! Так вот... Именно в преддверии года Крысы он, наконец, решил немного изменить стиль своей работы – всё же на дворе 21-й век и новаторство в настоящее время приветствуется всеми и во всём! Как говорится, свежие идеи дают толчок, прибавляют энергии, повышают работоспособность. Ко всему прочему в Москве, как вы помните, пообещали выплатить премию, которая ой как не помешала бы Деду в наши чересчур заполитизированные времена...

Накануне главного и единственного для Деда Мороза праздника в году (на стыке лет) он созвонился со своим американским партнёром – Сантой Клаусом и, спустя несколько часов разговора, «вытащил» из него много полезной информации и всяческих секретов работы Санты. Вот и решил попробовать на деле всё то, чего раньше не делал.

Поскольку ему не удалось найти за пару часов летающих оленей и повозку, Дед Мороз решил позаимствовать лишь несколько «секретов» друга-Клауса (или Мыколы, как называл Дед Санту).

...Начав свой традиционный обход домов, в которых обитали дети, наш Дед Мороз не стучал в двери и не приходил водить к малышам хороводы. Вместо этого он, взяв свой бездонный мешок, полез... на крышу! Да-да, именно так поступают в США его коллеги. Мысль о том, как обрадуется ребенок, если Дед Мороз появится в доме неожиданно, откуда-то сверху, достаточно быстро привела его к дымоходу, через который, собственно, Дед и собирался проникнуть в дом. Но что-то произошло в последний момент, и вместо того, чтобы протиснуть свой 110-килограммовый торс в 30-сантиметровую трубу, Мороз поскользнулся и, набирая скорость, поехал вниз по шиферу. Само собой, остановиться он не мог, поэтому все, что оставалось делать Деду, – молча ждать падения и надеяться на то, что оно будет не болезненным... Последнее, что увидел Дед Мороз – бездонный мешок, который упал следом за ним прямо ему на голову. А затем были звездочки, птички, муть в глазах и...

...Мороз проснулся утром и с ужасом посмотрел вокруг – он лежал в кровати незнакомой ему квартиры с перемотанной головой и загипсованной ногой, а рядом стояли... дети. Их было столько, что при попытке подсчитать их у Деда Мороза закружилась голова. Подобная картина наблюдается за день-два до Нового года в супермаркетах. Или в любой другой день в каком-нибудь медицинском учреждении в последний час приема одного из самых важных врачей... Но самое интересное то, что каждый ребёнок, подходивший к Деду, клал у его кровати... подарок... ПОДАРОК!!! Человек, который всю свою жизнь радуется всем подарками, сувенирами, сюрпризами и прочими приятностями, впервые в жизни получил ПОДАРОК! И не один, а десятки, сотни подарков! И взамен ни один из детей ничего не просил. Различного возраста ребята неловко подходили к Деду, убеждались в том, что у него настоящая борода и действительно красный нос, без всякого грима, после чего дарили подарок, поздравляли с праздником и с радостными возгласами «Он настоящий!» выбегали на улицу, дав возможность совершить сей «ритуал» остальным желающим.

Спустя несколько часов, Морозу удалось узнать, что падение было действительно болезненным и что приволочь его в дом, с крыши которого он упал, сумели лишь папа малыша, жившего в этом доме, и пара-тройка соседей. Естественно, наутро о том, что в доме номер 8 по улице Франко ночует сам Дед Мороз, знали все живущие в данном населённом пункте и близлежащих сел, пгт, городов... Поэтому удивляться очереди не стоит.

Радости не было предела – Дед Мороз впервые почувствовал себя счастливым «по ту сторону Нового года», и он хотел, чтобы это продолжалось вечно, но...

Куранты разбудили нашего героя, а значит, российский Дед Мороз уже приступил к работе. На экране показался Путин, не сказавший, однако, ожидаемых «Я устал, я ухожу...», и наш герой в спешке принялся набивать мешок последними заранее приготовленными подарками. Все это пришлось ему, но радость, которую он ощутил, осталась в его сердце.

Подойдя к первому дому, в который он должен был принести подарок, Дед Мороз на минутку замешкался. Дымоход был широкий, а снега вокруг, как это бывает в последнее время 31 декабря, не было. Как говорится, были созданы все условия для того, чтобы совершить задуманное – повторить подвиг американского Мыколы... Разговор-то состоялся не во сне. Но делать этого он не стал и уже спустя несколько секунд стоял на пороге дома...

Маленький Максим ждал прихода Деда Мороза и подготовил для него самое длинное стихотворение, которое он когда-либо видел в своей короткой, но такой интенсивной жизни. И рассказав его, малыш получил в подарок то, о чём так давно мечтал, – большую пластмассовую пожарную машину, в которую можно было положить сразу нескольких роботов и одного медвежонка... А когда Дед Мороз прощался и уже открыл дверь, он услышал следующее: «Дедушка Мороз, подожди! Я тоже приготовил для тебя подарок...» и, взглянув Максиму в глаза, получил от него маленькую, вырезанную из плотного картона и окрашенную в желтый цвет, мышку. Что это? ПОДАРОК! Он впервые в жизни получил подарок! Теперь работать ему было втрое, даже вчетверо легче, а дарить подарки стало еще приятнее! Как результат – Дед Мороз перевыполнил план по поздравлению детей, установив рекорд СНГ по скорости и качеству проделанной работы.

А дальше были премии, сотни тысяч благодарственных писем, звонков, эсэмэсок, повышение в должности... Но главное – Дед Мороз получил подарок, услышал много приятных слов от тех, для кого работает, для кого существует. «Новый год вверх тормашками» – об этом давно мечтал наш герой, но смотрел на все это немного с другого ракурса. И больше он никогда не задумывался о том, чтобы что-то менять. И действительно, зачем что-то менять, если все и так хорошо?

Профессия, которую не выбирают...

Ну вот... Опять... Ненавижу воскресенья... Снова много есть, снова много пить... И снова тратить энергию... Много энергии...

Чёрт возьми, да я уже просто пошевелиться не могу! Голова кружится каждый день, семь дней в неделю!!! Иногда кажется, что даже восемь... Только их по определению не может быть восемь... Представьте себе: просыпаюсь – кружится, лежу, ничего не делаю – кружится, работаю – кружится вдвое, втрое быстрее... А затем наступает воскресенье... Опять... Ненавижу воскресенье... Именно в этот день, хотя бывает такое, что и в субботу, хозяева меня «накачивают» настолько, что я в свой пояс не влезаю... Кормят и кормят... Мой живот становится таким твердым, что, кажется, я не избавлюсь от него никогда... Тем не менее, за несколько дней успеваю скинуть лишний вес... Но это не самое страшное!!! Страшно то, что меня в нижнем белье (!!!) заставляют работать... Вы можете нормально работать в нижнем белье?! Но работа есть работа... Как говорится, кто на что учился... Собственно, с самого рождения у меня ничего другого не оставалось, кроме как стать именно тем, кем я есть... К тому же, именно такой образ жизни в свое время выбрали мои отец, дедушка, прадедушка... Так что это у нас семейное... И профессию эту выбирать не приходилось...

Знаете, у меня очень интересная, но травматичная работа... На работе я недолго, но за это время

приходится выдерживать настоящие издевательства... Нагрузка настолько серьезная, что к концу рабочего дня не чувствуешь ни единой части своего тела... Кроме головы... Она не то, чтобы квадратная, но что-то вроде этого... Кружится, болит, ноет... Всё, что можно подобрать под эту категорию...

Кем я работаю? Нет-нет, я не учитель в школе и не куратор первого курса университета, хотя у них голова квадратная всегда (разве что кроме воскресенья, которое зачастую является разгрузочным днём). Я даже не работаю в банке, улыбаясь всем подряд клиентам лишь потому, что нужно доставить им радость и убедить в том, чтобы они вложили в банк свои средства... Этим людям приходится не только сидеть на работе с больной головой, но и одевать различного рода маски, театрализовать свою сущность... Извините за философствование... А я люблю быть самим собой...

Я работаю в спортивной сфере... К сожалению... А может, и к счастью... Знаете, переоценить мою работу сложно, но и недооценки быть не может... Моя работа настолько серьезна, что временами именно от меня зависит судьба, будущее того или иного человека. Или нескольких... Моя работа настолько специфична, что за одну только минуту я могу принести так много радости и так много разочарования... Могу одним движением заставить вскочить со стула любого человека! Даже президента страны (или стран) и довести до экстаза сотни тысяч, да что там – миллионы людей! Нет-нет, я не работаю поп-певцом, пусть и пользуюсь популярностью куда большей, чем любой из них, несмотря на небольшой опыт! Я не работаю полисменом, карабинером или стюардом и даже не подрабатываю арбитром, тренером или ещё кем-то вроде этого. Да и журналист из меня не выйдет явно... Эти люди по-разному могут удивить, огорчить или обрадовать. А я... Я... Я... Я – мяч... И горжусь этим... Извините, вынужден покинуть вас... Всего хорошего...

P.S.

О нет... Свисток... А-а-а-а-а-а-а!!!! Не бейте меня – я хороший!!! А-а-а-а! Бум!!! Бах!!! Ну вот... Началось... Ненавижу воскресенье...

Мир через 20 лет

Каким будет мир через 20 лет? Вопрос, тревожащий не только политиков, экономистов и всевозможных статистов, но и обычных людей. Таких, как мы с вами. Ответ на него найти практически невозможно, ведь, как утверждает Олвин Тоффлер, современное общество переживает настолько быстрый темп жизни, что попросту не успевает следить за всем происходящим и меняющимся с каждой секундой. Наше поколение настолько «напичкано» всякого рода новинками и усовершенствованиями, что само уже не знает, как дальше жить.

Но все же попытаемся хотя бы предположить, что день грядущий нам готовит. Пусть не в форме эссе, но все-таки...

Предположение первое

Завтра японцы завершат свою многолетнюю работу над роботом-андроидом, который не просто будет говорить «хеллоу» и «гуд бай», а полноценно сможет заменить, например, строителей. Послезавтра – пекарей, кондитеров, учителей и преподавателей... А уже через неделю эти андроиды самостоятельно будут решать судьбу планеты на съездах Верховного совета роботов-андроидов. Таким образом, человек им попросту будет не нужен – слишком уж он глупый, властежаждущий и недолговечный (средний возраст уменьшается с каждым поколением). Двадцати лет должно хватить для того, чтобы захватить власть на планете в свои железные лапы (с учётом того, что роботы сумеют производить сами себя без помощи людей).

Итог: полное истребление человечества, от которого нет никакой пользы.

Предположение второе

Завтра внук или правнук Сахарова решит добавить мощи водородной или какой-нибудь ещё бомбе, а затем испробовать её, например, на Африке. Результат – недетский бабах, который приведет к острому всемирному конфликту, в том числе и религиозному. В этом конфликте примут участие мощнейшие мировые «группировки», что приведет к немыслимым войнам. Не исключено, что через 10 лет на Земле останутся лишь несколько полноценных материков, а власть над миром будет принадлежать, например, американцам, которые на поддержание жизни своих граждан тратят куда меньше финансов, нежели на изготовление оружия массового поражения. Хотя против антиамериканской коалиции, которая теоретически может возникнуть в ближайшее время (например, объединение мусульманского мира с Китаем и Кореей) у Буша и компании шансов будет немного. По крайней мере, разбомбить США можно несколькими выстрелами из иранского или севернокорейского «атомного пистолета». И никакой Пентагон не поможет.

Итог: 3-я мировая война, которая заметно подсократит население Земли и принесет создание какой-либо империи. Но точно – не Евросоюзной. Этот альянс не сможет противостоять военной мощи США или азиатских стран.

Предположение третье

Через 20 лет все будет так же, как и сейчас. Только наша жизнь станет ещё более удобной. Человек будет максимально снабжён всем необходимым. Одного только хлопка будет достаточно для того, чтобы включить телевизор, постирать бельё, разогреть в микроволновке уже готовую пищу из супермаркета, который находится перед твоими глазами на огромном жидкокристаллическом мониторе. Нажатие кнопки – оплата произведена. Пять минут – товар доставлен. Чем не мечта?

Работоспособность человека в таком случае будет уменьшаться. Единственное, в чем человечество будет активно, – попытках покинуть нашу планету. Ракеты, спутники, шаттлы... Хотя никто даже и думать не хочет о том, что расстояние до ближайшей планеты высчитывается годами, а до ближайшей, соседней галактики – сотнями и даже тысячами. Но стремиться к этому будут. Бесспорно.

Итог: человечество станет ленивым, технический прогресс позволит практически избавиться от домашних хлопот. Людям захочется чего-то нового, внеземного (хотя это происходит уже сейчас).

Предположение четвертое

Через 20 лет нас всех не будет... Если верить учёным, то в ближайшие десятилетия на Землю упадет одна из многочисленных комет, которая приведет ко второму Ледниковому периоду, после которого нашей планетой завладеют одни лишь мурашки и букашки. Если не комета – так астероид, который уничтожит пару-тройку материков, вследствие чего образуются цунами, торнадо и так далее, которые снесут оставшуюся сушу в океан. А ещё возможно глобальное потепление, таяние ледников и... буль-буль. А под водой мы жить пока что не умеем.

Итог: смерть всего живого, кроме тараканов и букашек либо рыб и им подобных водоплавающих.

Предположение пятое

Через 20 лет на планете будет одна единая страна, в которой люди равны друг другу по всем признакам. Все верят в единого Бога, говорят на одном языке (конечно же, украинском), принимают решения вместе. Никто не думает о войне, ибо в ней нет надобности: страны, богатые нефтью, абсолютно бесплатно гонят её в страны, в которых её нет, густонаселенные страны помогают малонаселенным, иммигрируя на новые для себя земли. Абсолютно исчезает такое понятие, как деньги, ибо всё, чего добивается человечество, делается для человечества и делится поровну. В общем, все живы, здоровы, наркотиков, сигарет и алкоголя больше нет, оружие давно утоплено на дне океанов или отправлено в космос – на помощь нашим инопланетным «товарищам», радость и веселье царят в каждом доме и вигваме, юртах и на деревьях глубоких джунглей... Все люди – вегетарианцы, а животные – травоядные. Озоновая дыра в небе забита силиконом, из которого в Голливуде раньше делали лишь части женского тела. Экология настолько идеальна, что в Чернобыле построены тысячи футбольных полей, засеянных свежей травой... Хотя об этом действительно можно только мечтать.

Итог: все довольны, все прекрасно.

Предположение надцатое

На самом деле, всё может завершиться уже завтра, когда пришельцы с далёкой-далёкой галактики прилетят завоевывать нашу планету, а Брюс Уиллис в это время будет сниматься в каком-нибудь фильме. Тогда нам придется сдаться на милость завоевателям и покинуть Землю. Или остаться на ней в качестве трулика-скелетика. В гробу. По крайней мере, там тепло и тихо.

На самом деле я оптимист. Просто сегодняшние реалии совсем не способствуют светлому будущему человечества. Одни – объединяются для достижения непонятных целей, другие воюют непонятно за что и с кем, третьи пытаются просто выжить, четвертые вообще не понимают, зачем что-то менять. Надеюсь, человечество задумается над тем, как же обеспечить нормальное существование нашим внукам и правнукам.

СВЯТО

Йшов я собі якось вулицею, дивився на сонце та думав, яке ж воно все-таки чудове в нас, аж раптом звідкілясь зверху мені по голові щось бабахнуло! Судячи зі швидкості, з якою воно спочатку встигло закрити собою сонячне сяйво та ваги, що «підкорила» мою голову, то було щось на зразок роялю. Але вони, на жаль (а може й на щастя) в нас не літають, а отже, буду відвертим – то горіх з дерева впав. От і думаю, до біса те сонце – так і вбитися можна.

Прийшов додому, увімкнув телевізор. Там чомусь втретє за тиждень показували фільм «Москва слезам не верит»... «Мабуть, прем'єра», – подумав я, і раптом моя єдина лампочка, що піл сте-лею висить, радісно «блмнула» та згасла. Знову думаю: «До біса той фільм – без світла ввечері сидітиму!». Вимкнув телевізор.

Із незадоволенням виразом обличчя я вийшов на вулицю та крок за кроком наближався до того ма-газину, що стоїть одразу напроти мого будинку. Йду та на сонце вже не дивлюсь, дивлюсь під ноги та на дерева – горіхи ж бо останнім часом прагнуть дістатися землі транзитом через чийсь голову. А вдруге за день воно мені не треба.

Зайшов до відділу техніки, купив лампочку та пішов додому, але повернувся та взяв, про всяк випадок, ще одну. Вийшов на вулицю.

Подивився на годинник та увімкнув другу, третю швидкість – скоро буде телефонувати моя дівчина. Звичайно, «лечу» додому і... Бац!!! Що це я??? А... Зрозуміло. Бордюр... Це я впав... Ну впав – то впав, а звідки „Бац!!!“? А... Зрозуміло... Це я лампочками на асфальт впав. Обома. А гро-шей на ще хоча б одну не вистачає... Так і знав, що це станеться...

Що робити? Зайшов до своєї темної квартири, чую телефон, радісно підбігаю до нього... – Любий, привіт, це я! Телефоную з мобільного, а відтак, говоритиму дуже швидко. Я їду до подру-ги, в неї проблема – вона розійшлася з чоловіком і їй потрібна моя підтримка. Буду завтра, люблю тебе, цілую, приїду – наберу тебе, цьом-цьом...

Гудки...

Ну ось тобі і ще одна «радість», думаю, та беру до рук гітару. Співаю сам собі мало не пів ре-пертуару «Арії», і тут рветься струна. Так-так, авжеж, третя, а яка ще?! І прямо в палець!!! У-у!!! Боляче!

Підхоплюю телефон, телефоную в Швидку. Зайнято. Кидаю слухавку, чую «дз-з-з-з-з-з!!!». Підіймаю, а там чоловічий голос теревенить щось про те, що я півроку не сплачував абонплатежі, тому «Аста ла віста, бейбі...». Я навіть гудків не почув. Тільки гукнув цьому клятому роботіві щось на ненормативній російській. А в телефоні запанувала повна тиша...

Минуло дві години... Я нарешті самостійно дістав з пальця ту клятву струну, одну з набору нікелевих струн санкт-петербурзького виробництва, у темряві намацав баночку з зеленкою та замазав рану. Сів на ліжко. Боже мій, думаю, який день! Просто чудово! Вмикаю телевізор. Нічого нормального знайти у ньому знову не вдалося: Дерепка коментував якийсь футбольний поєдинок, хоча зовсім не розумів, хто з команд яку країну представляє і в якій формі хто грає. Піду, думаю, чайник поставлю, хоча б кави поп'ю. Вийшов на кухню, відкрив вентиль... Кх-х-х-х-х-х... Води нема... На жаль... «Що ж це таке, врешті-решт?» – приходиться у голову.

– Го-о-о-о-л!!! – чую зверху достатньо гучно та секундою пізніше щось типу «бабах» опиняється в моїй кімнаті. Я з кухні туди, а там... Це підлога не витримала мого сусіда зверху, коли м'яч влетів у сітку воріт когось з граючих, та під вагою дядька Йосі, в минулому чемпіона світу з сумо, обвалила-ся... От і рахуйте, скільки в ньому кілограмів... Навіть не 150! Але тепер вже все одно. Стелі майже немає, проте в мене є цілих два дивани і телевізори, а ще – непритомний «шмат сала» на підлозі. А! До біса сало. Пити хочеться...

Знову вийшов на вулицю. Темно. Воно й не дивно, вже б слід... Час-бо пізній. Йду собі тихесенько, насвистую гімн якоїсь країни: ніби США, проте схоже на «Марсельєзу»... Дивлюся на Місяць. Який же він все ж таки гарний, молодий. Думаю, монетку підкинути треба! І раптом – «БАБАХ!!!». Темно в очах. Бачу зоряне небо і чийсь пику над собою. Очі закриваються, я непритомнію...

– Мы его теряем! Мы его теряем! Доктор, электрошок! Разряд! Срочно! – чую я, відкриваю очі і бачу себе у своїй кімнаті з діркою на стелі, під наглядом того самого сумоїста, що зовсім нещодавно звалився на мене «з неба». Це він дивився серіал «Швидка допомога» чи щось подібне на нього, звідти й мій переляк.

– Що це за «Бах?» – питаю у україно-японця.

– Це ти наступив на граблі, що біля сільськогосподарського магазину стояли. А потім товариш міліціонер тебе привіз додому.

Ну все... З мене досить, думаю я, та намагаюся заснути. Це все мені сниться, знову займаюся автотренінгом, закриваю очі...

Сумоїст піднявся до себе, а я намагався заснути під працюючий телевізор. Коти за вікном стра-шенно заважали мені спати, тому постріл з рогатки мав їх трошки заспокоїти... якби я влучив хоча

б у балкон, а не в... телевизор. Знову це таке вже звичне «бабах» і я лежу у повній темряві: без світла, телевизора, з великою діркою у стелі, з маленькою, але такою болючою – у пальці, з шишкою на лобі, розбитим носом, без двох зубів, хочу пити до смерті, без грошей та ще й телефон не працює...

Наступна спроба влучити у набридлу тварину закінчилася розбитим вікном, а ще одна – тим самим, тільки у сусідньому будинку.

Небо стало світлішати, і я зрозумів, що поспати все ж треба – завтра ж бо, чи то, сьогодні, на роботу, а її (роботи) вистачає: понеділок завжди важкий день...

Знесилений я з останніх сил намагаюся заснути, нарешті видихаю все повітря, що було у грудях, та з посмішкою Мони Лізи притуляюся до подушки... Аж раптом чую те, що ні за яких обставин не хотів чути... Пі-пі-пі-пі!!! Пі-пі-пі-пі!!! Клятий годинник!!! Підстрибую на ноги і об стінку його. Звісно, від механізму нічого не залишилося, та й легше від цього не стало...

Вдягаюся, йду на кухню. Шматок хліба, що залишився ще з позавчора, стався у нагоді – їм його, вдягаю туфлі, беру речі, відкриваю двері, щоб йти на роботу, дивлюся у поштову скриньку, а там... Лист. Точніше, лист-вітання, де написано: «Вітаємо Вас, з цього моменту Ви щаслива і безклопітна людина... Вас ЗВІЛЬНЕНО!!!».

Прочитав, сів на сходинки, хочеться випити, напитися, а грошей за ніч не з'явилося... Виходжу на вулицю, підходжу до машини, заводжу – не заводиться чомусь...

Минула ще одна година, аж поки я рушив авто з місця, проте для чого? Їхати нікуди не треба! Вийшов, повернувся додому і через вікно побачив, як її уганяють... Це ж я зачинити двері забув, а ключі залишив там де треба... Згадав Достоєвського... Точніше, один з його творів-шедеврів... „Ідіот“, називається...

Ну то й що? Все одно все з початку починати треба. Вмикаю радіо, яке не слухав кілька місяців, беру в руки ганчірку, щоб трохи поприбирати, проте носом відчуваю запах диму. Це дроти від радіо почали плавитися чомусь... Дуже швидко вони зайнялися полум'ям, яке я швидко загасив. І тут я почув, що хтось стукає у двері. Підходжу весь ніякий до дверей, відчиняю, і бачу свою дівчину. Вона, така мила, стоїть із радісним обличчям та пляшкою шампанського...

«З Днем народження, любий...» – чую я та падаю головою донизу на підлогу... Шкода, а я й забув, що воно вже прийшло... Свято...

Марина Чианова

Красота

Она боялась убить его красоту портретом. Эта красота поражала воображение только в динамике, яркой изменчивой мимике. И всё же она рисовала его везде – на стекле маршрутки, на полях тетради, в компьютерных графических редакторах, на засыпанных снегом машинах, в воздухе, на воде и песке.

Он не умел рисовать, поэтому выражал её очарование в словах, пытаясь повторить в воображении читателей её черты. Огонь её карих глаз, завитки волос и даже тембр голоса – всё это можно было увидеть в стихах и прозе.

Они жили, упиваясь сиянием друг друга. С другой стороны, нельзя сказать, что они смотрели друг на друга – скорее они смотрели в одну сторону. Окружающие восхищались гармонией их союза, даже некоторым внешним сходством, хрупкостью и лёгкостью их образов, похожих на дождливую, туманную осень.

Они шли по улице, рука в руке. Самое интересное, что они даже не подозревали, кого вдохновили. Скрипач и флейтист, талантливые уличные музыканты, посвятили им ноктюрн, который играли каждый летний вечер на шумном бульваре приморского города. Сливаясь с песнями сверчков, музыка стремилась донести своё послание до звёзд.

Тем временем на пляже скульптор вылепил их статую из песка, стремясь хоть ненадолго запечатлеть историю их любви.

Даже море хотело выточить их фигуры из утёсов, не боясь, что на это могут потребоваться века.

Только любовью человек может изменить этот мир к лучшему...

Елена Мишилова

Лис

– Здравствуй, – сказал Лис и пристально посмотрел мне в глаза. Я смутилась. Я всегда смущаюсь, если на меня чересчур пристально смотрят.

Он не отводил взгляд, и я исподтишка начала изучать его.

В таких, как он, никогда не запоминаются форма лап, шерсть, уши. Запоминается взгляд. Конечно, у него были и другие отличительные черты: он не был рыжим, как большинство лисиц. Его шерсть переливалась на грациозной спине всеми оттенкам пепла тлеющего костра. Аккуратные лапки он засунул в карманы строгих брюк, и я не могла разглядеть, насколько ухожены его коготки. Но почему-то была уверена в их безупречности.

Я молчала. Его хвост начал нервно подёргиваться из стороны в сторону.

Я делала вид, что не замечаю его раздражения. Возможно, я казалась ему холодной и равнодушной к нему, но на самом деле я не могла ничего ему сказать. Я испугалась и впала в ступор с глупым выражением мордочки. Тербя лапами подол блузки, я хотела и не могла ответить ему.

– Здравствуй, – наконец выдавила я из себя. Голос прозвучал равнодушно и настолько холодно, что показался мне чужим. Его бровь удивленно поползла наверх.

– Как дела? – спросил он и сделал небольшой шаг вперёд.

Если бы ты знал, Лис... Если бы ты только мог представить, насколько велико моё одиночество! Даже целого неба не хватит, чтобы поместить его. И твои красивые лисьи глаза не в состоянии отнять его у меня. Хотя я так хотела бы этого.

Я почувствовала резкий прилив крови к щекам и невольно отшатнулась. На его волевой мордочке промелькнуло удивление, но он немедленно постарался его скрыть.

– Отлично! – я постаралась поднять глаза и улыбнуться.

Но почему-то все мои действия выглядели наиграно, глупо и вызывающе.

– А мне показалось, что ты грустишь... – сказал он и взял меня за лапу.

– Да, грущу, – честно ответила я.

– А почему? – спросил он.

– Потому что рядом со мной нет того, кого я очень хотела бы видеть.

И в этот момент страх пересилил во мне всё, что я хотела сказать Лису. О том, что люблю его.

Одиночество снова поймало меня в свои сети.

Я в последний раз посмотрела в его зелёные глаза с каёмкой цвета охры у зрачка, и собралась уходить. Навсегда. Чеширские коты уходят только один раз. Потому что не возвращаются.

Я забрала свою лапу из его теплых лап и пошла вперед. Я не знала, куда иду. Да это и не имело значения. Потому что без Лиса любой путь, даже самый правильный, терял свой смысл. И становился ненужным.

Я шла и жалела, что я не Феникс. Хотелось сгореть в своей боли и превратиться в пепел. А потом возродиться и с полным на то правом считать Лиса существом из прошлой жизни. И постепенно забыть о нём. Отрастить гранитную броню вокруг живого теплого сердца...

Мои мысли прервал шум шагов.

Запахавшись от быстрой ходьбы, Лис грустно смотрел на меня.

– Мне тоже очень не хватает тебя...

Fin.

**Сборник
«Неизбежность творчества»
подготовлен студентами и выпускниками
филологического факультета
к 145-летию ОНУ им. И. И. Мечникова
при поддержке декана факультета
Е. М. Черноиваненко и других преподавателей**

**Шеф-редактор
Е.М. Черноиваненко**

**Главный редактор
С. Остапенко**

**Фотоработы
Г.А. Гарбузов
Е. Валькова**

**Вёрстка
Я. Белова**

Благодарим за участие следующих авторов:

**Анна Алексеева, Роман Дука,
Алина Качуренко, Леонид Кубицкий,
Марина Мартюшева, Владимир Назарук,
Сергей Остапенко, Евгения Савицкая,
Екатерина Сердюченко, Екатерина Валькова,
Дарья Царик, Марина Чиянова,
Елена Шипилова, Александр Щедринский,
Мария Залевская, Светлана Ткач,
Леонид Францескевич,
А. Б. Холодов**

**Корректурa
С. Остапенко, Я. Белова**

